

110

Историческая фонетика русского языка

В. В. Колесов

Историческая фонетика русского языка

Допущено Министерством высшего
и среднего специального
образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов филологических
факультетов университетов

Москва «Высшая школа» 1980

ББК 81.2Р

К 60

Рецензенты:

кафедра общего и славяно-русского языкознания Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (зав. кафедрой проф. Л. И. Баранникова); профессор В. М. Марков (Ижевский университет)

Колесов В. В.

К 60 Историческая фонетика русского языка: Учеб. пособие для вузов. — М.: Высш. школа, 1980. 215 с.

35 к.

В пособии с точки зрения новейших достижений современного языковедения рассматривается развитие фонетической системы русского языка начиная от эпохи выделения восточнославянского диалекта в составе праславянского языка до формирования его современных норм. Основное внимание уделено общерусским языковым процессам. Последовательный фонематический подход обусловил новизну, оригинальность в решении автором многих вопросов. Все теоретические положения автора подкрепляются фактическим материалом из большого количества различных источников.

70102—375
К 001(01)—80 131—80

4602010000

ББК 81.2Р
4Р

© Издательство «Высшая школа», 1980

От автора

Потребность в систематическом изложении последовательных фонематических изменений русского языка давно назрела: это определяется и наличием параллельных вузовских курсов по другим славянским языкам, и основательными исследованиями последних лет, кардинально изменившими взгляды на этот традиционно университетский курс. При изложении материала различные взгляды на курс учтены, но критически не разбираются (последнее может стать темой особой книги). Однако читателю полезно было бы (с помощью хотя бы указанной основной литературы) сопоставить различные результаты и точки зрения на предмет, материал и задачи исторической фонетики, чтобы иметь возможность делать собственные заключения относительно сложной и весьма противоречивой фонетической эволюции русского языка. Предлагая свой вариант изложения курса, надеюсь, что он послужит не только материалом для начального изучения вопроса (что вызвало, конечно, известные упрощения), но и отправной точкой последующих изысканий в этой области (отсюда — известная полемичность и намеренная категоричность утверждений в некоторых разделах книги). В определенном смысле это не только результат уже известных нам фактов, но и предварительная программа для будущих исследований. Чтобы избежать фрагментарности изложения и дать совокупную картину фонетической эволюции языка, по необходимости нужно было учесть и те идеи, которые высказаны специалистами, но еще не обоснованы в монографических исследованиях.

Приводить иллюстративный материал полностью, как это делается в специальных работах, оказалось затруднительным. Однако потому, что после выхода в свет классических лекций А. И. Соболевского (в 1907 г.) фактически не было университетского пособия по исторической фонетике, которое предлагало бы читателю новые факты из рукописных источников, а также потому, что некоторые разделы книги настоятельно требовали фактического обоснования древнерусскими источниками, в текст книги включены примеры и сопоставления исторического материала с современным диалектным, с современным литературным и с материалом других славянских языков, необходимым для реконструкции древнейших фонемных изменений в древнерусском языке.

Не желая перегружать книгу справочным аппаратом, мы не указываем листы (и страницы) хорошо известных рукописей, которые имеют словоуказатели или обстоятельно описаны,

Хочу выразить свою признательность за подробный разбор рукописи и ценные критические замечания, высказанные при ее обсуждении, проф. Л. И. Баранниковой, проф. В. М. Маркову и доц. Б. И. Осипову. Характер изложения ограничил мои возможности обсудить дискуссионные вопросы, высказаться по поводу существующих точек зрения на историческое изменение тех или иных сторон языка или достаточно полно привести собранный к настоящему времени материал памятников и говоров. Всем своим коллегам, научные труды которых так или иначе способствовали созданию книги, я также благодарен. Особенно продуктивными оказались дискуссии по поводу затронутых здесь вопросов с проф. В. К. Журавлевым, проф. В. Г. Руделевым, проф. В. М. Марковым, проф. М. И. Стеблиным-Каменским.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

арабск. — арабский
бел. — белорусский
болг. — болгарский
венг. — венгерский
вотск. — вотский
в.-сл. — восточнославянский
готск. — готский
гр. — греческий
диал. — диалектный
др. — древне-
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
з.-финск. — западнофинский
инд. — индийский
кар. — карельский
лат. — латинский
латышск. — латышский
лапл. — лапландский
лит. — литовский
макед. — македонский
морд. — мордовский

перс. — персидский
полоцк. — полоцкий
польск. — польский
пр. — прусский
прасл. — праславянский
пск. — псковский
русск. — русский
сев. — северный
сербск. — сербский
ск. — скандинавский
сл. — славянский
слов. — словацкий
словенск. — словенский
смол. — смоленский
совр. — современный
ст.-сл. — старославянский
укр. — украинский
финск. — финский
цсл. — церковнославянский
чешск. — чешский
эст. — эстонский

Введение

§ 1. Историческая фонетика русского языка изучает последовательные изменения фонетических единиц и их признаков, начиная с периода праславянской общности и кончая современной системой литературного языка. Фонетическими единицами являются не только фонемы, но также просодемы, слог, слоговые границы, которые выделяются по особым признакам, важным для данной системы: различающим фонемы дифференциальным признакам и менее важным в фонетической системе этого периода — интегральным (составляющим фонему, фонетическим) признакам, избыточным (в фонемном отношении для ряда фонем) признакам и т. д., которые со временем могут стать дифференциальными (или когда-то были дифференциальными) признаками фонем. Характер и количество дифференциальных признаков определяют парадигматическую систему фонем на каждом этапе развития языка. Такая система может быть записана в виде таблицы; например, для согласных фонем в современном литературном языке:

$$\begin{array}{ccccc} \langle \text{б} & - & \text{п} \rangle & - & \langle \text{г} & - & \text{к} \rangle & - & \langle \text{д} & - & \text{т} \rangle \\ | & & | & & | & & | & & | & & | \\ \langle \text{б}' & - & \text{п}' \rangle & - & \langle \text{г}' & - & \text{к}' \rangle & - & \langle \text{д}' & - & \text{т}' \rangle \end{array}$$

Отсюда видно, что 12 фонем противопоставлены по трем признакам: голоса (звонкие и глухие), дополнительной йотовой артикуляции (твердые и мягкие), места образования (губные, заднеязычные и переднеязычные). Дифференциальные признаки фонем выявляются в сильных позициях, т. е. в позициях максимального различения фонем; так, указанные согласные фонемы по всем признакам различаются перед непредними гласными ⟨а, о, у⟩. Появление нового признака или устранение из

системы одного из прежних признаков является самым серьезным изменением, так как это всегда связано с перестройкой системы на всех уровнях. В древних памятниках дифференциальные признаки графически соотносятся с определенными начертаниями букв, т. е. передаются в графике; например, буква *ѣ* показывает, что были признаки, отличавшие фонемы <ѣ> (передается буквой *ѣ*) и <е> (передается буквой *е*).

Отдельные фонемы используются в языке для образования звуковых последовательностей, имеющих определенное значение, — слов и словоформ. Сочетание фонем друг с другом в конкретной словоформе образует синтагматическую систему фонем, определяет комбинаторные и позиционные варианты фонем (аллофоны), т. е. утрату того или иного признака фонемы в слабой позиции. Например, парадигматические отношения фонем <б—п, г—к, д—т> разрушаются в позиции конца слова, где возможны только глухие согласные; ср. [пруда], но *пруд* [прут]. В комбинации с другими согласными русские взрывные согласные могут ослаблять силу взрыва, становиться менее определенными, а в благоприятных условиях и подвергаться ассимиляции; ср. сочетания *бм*, *дн* с <б, д> перед носовыми согласными, которые в русских говорах дают изменение *бм* > *мм*, *дн* > *нн* (*обман* [омман], *ладно* [ланна]). Синтагматические изменения менее важны, поскольку дифференциальный признак фонемы не исчезает, а только видоизменяется или сокращается в определенных условиях речи. Однако для историка они важны, так как именно здесь начинаются все изменения фонем. В письменных памятниках синтагматические изменения фонем передаются в отклонениях от орфографии, в ошибках письма. Например, буква *ѣ* в определенных условиях оказывается замененной буквами *е*, *и*, *а*; и по типу отклонений, характеру смещения букв и позиционным условиям очень точно можно установить направление такого изменения.

Фонемы, находясь в синтагматической цепи других фонем, получают ряд позиционных чередований (например, разные варианты <д> в положении перед <а, о, и, н> и т. д., т. е. [да, д°о, д'и, дн]), создавая систему фонемных вариантов с характерными для них интегральными признаками. В сочетании [д'и] представлена новая (палатализованная) фонема <д'>, а все остальные варианты, т. е. огубленное [д°] перед <о>, имплозивное [д] перед

⟨н⟩ и т. д., для современной русской системы несущественны. Однако в древнерусском языке те же признаки могли быть важными, релевантными (различительными), по крайней мере, в пределах слога, который играл существенную роль в синтагматической системе фонем. Историческая фонетика, собственно, и изучает последовательное развитие вариантных признаков в фонемные (дифференциальные) и, наоборот, нисхождение прежних дифференциальных признаков в вариантные. Непосредственно этот процесс можно наблюдать в современном языке, да и то лишь в сопоставлении с говорами или просторечием. Письменные памятники прошлого таких изменений не отражают. Ученые приложили немало стараний к тому, чтобы по косвенным данным определить типы вариантных чередований в древнерусском языке, но все их заключения являются только реконструкцией возможного изменения.

Наконец, фонема в синтагматической цепи оказывается включенной в определенную морфему и употребляется в какой-то словоформе. Поскольку морфема — минимальная значимая единица языка, возникает вопрос о функциональной системе фонем, прежде всего об их функциональной ценности и глубине. Функциональная ценность фонем определяется их частотностью в системе; как правило, редко встречающиеся фонемы стремятся к исчезновению, если в результате другого изменения их количество не увеличилось. Например, очень редкая по употреблению фонема ⟨у⟩ могла бы утратиться в русском языке, но в результате совпадения сначала с ⟨q⟩ (ж), а затем и с ⟨q̇⟩ (гж) ее употребление резко участилось, и эта важная фонема осталась в системе русского вокализма. Функциональная глубина фонем определяется количеством морфем и словоформ, в которых та или иная фонема способна встречаться. Можно теоретически вычислить, какое количество словоформ могла бы обслуживать фонема, а потом подсчитать, сколько морфем она на самом деле выделяет, — последних всегда оказывается гораздо меньше. Это определяет меру избыточности фонем и возможность создавать новые формы, морфемы и слова с помощью уже имеющихся в системе фонем. Создается как бы фонематический запас, с помощью которого грамматика и словообразование могут развиваться, не прибегая к резким изменениям формы. С функциональной системой фонем связан вопрос о мор-

фонологических чередованиях. Функциональная система, таким образом, соотносит фонему с другими уровнями языка. На любом историческом этапе эту систему можно установить на основе возможно полного количества текстов, сохранивших слова и формы древнего языка.

До известного периода этим ограничиваются аспекты фонемной системы языка. Но с образованием литературного языка в силу вступают закономерности стилистического характера. Состав, система и распределение фонем в общем (литературном) языке могут не совпадать с составом, системой и распределением тех же фонем в том или ином авторитетном для данного времени говоре; возникают стилистические варианты, начинается взаимодействие литературного произношения и говоров, а это иногда приводит и к изменениям системы фонем (но не дифференциальных признаков). В курсах истории русского литературного языка и русской диалектологии подобные столкновения систем изучаются подробно; мы же особое внимание уделим общерусским фонемным изменениям, происходившим на протяжении последней тысячи лет.

Все сказанное о фонеме относится также к просодеме и ее признакам: количеству (противопоставление по долготе — краткости гласных или слогов), интонации (восходящая или нисходящая) и ударению (разноместному или фиксированному, подвижному или постоянному). В истории русского языка просодические дифференциальные признаки были особенно важны до XIII в. Затем они упростились за счет изменения качества гласных.

§ 2. Наиболее точным и методологически последовательным было бы описание нескольких синхронных срезов — древнерусской фонологической системы, среднерусской фонологической системы и т. д. Однако такое описание содержит множество ненужных повторений, технически оно трудно осуществимо. Поэтому в данном пособии, по возможности, исчерпывающе описана исходная фонологическая система — на условном хронологическом уровне до середины X в.; эта система в настоящее время может быть реконструирована достаточно точно и во всех подробностях. Другой уровень сравнения — современный литературный язык — представлен в любом пособии по современной русской фонетике. Нужно только помнить, что фонологическая система современного ли-

тературного языка соотносится лишь с некоторыми среднерусскими системами. Задача заключается, таким образом, в изложении самых существенных изменений русской фонологической системы с середины X до середины XX в.

Историческая фонология выработала ряд принципов исследования и установила несколько общих закономерностей фонемного изменения. На примере русского языка мы увидим всю сложность исторического преобразования фонетической системы. Само изменение довольно трудно охарактеризовать однозначно, потому что оно всегда связано с предшествующей фонетической ситуацией (предпосылки изменения), определяется конкретными историческими условиями существования данной системы со свойственным только ей соотношением между звучанием и функцией фонемы, между разными подсистемами, происходит в несколько этапов, особенно если изменение связано с устранением дифференциальных признаков. Так что по прошествии времени кроме точно датированных рукописей, отражающих различные стадии изменения, у нас нет других источников, позволяющих установить эти этапы. Если синтагматические и парадигматические изменения довольно легко определимы по графическим и орфографическим отклонениям, то грань между парадигматическим и функциональным изменениями уже менее отчетлива, иногда трудно различить причину и следствие. Например, вторичное смягчение согласных привело к утрате фонем ⟨ъ, ь⟩ или, наоборот, начавшаяся утрата ⟨ъ, ь⟩ вызвала вторичное смягчение согласных? Дело осложняется иерархическим соотношением разных признаков, фонем, типов систем и самих изменений, происходящих с течением времени: самые важные из них (утрата или появление признака) переплетены с менее важными парадигматическими или синтагматическими (перенесение признака с одной фонемы на другую, нейтрализация противопоставления и т. д.) или даже фонетическими (перераспределение оттенков фонем в связи с изменением признака) и т. д. В таких условиях важным оказывается и внешнее сравнение говоров и родственных языков, сохранивших разные стадии общего для них изменения, и изучение памятников письменности, отразивших эти стадии в их хронологической последовательности, и возможная логическая последовательность изменения, которую можно установить на

основе типологических закономерностей фонетических изменений.

§ 3. Однако основным источником в историческом изучении языка является письменный памятник в широком смысле — как текст и как конкретная рукопись. Определенные правила соответствия буквенных обозначений звукам, орфографической традиции, фонематическому значению и т. д. позволяют установить отклонение, связать его с определенными условиями и объяснить фонологически. Фонологическая интерпретация на современном уровне описания является наиболее точной, фонетическое варьирование реконструируется с известным приближением к действительному, стилистические же вариации всегда предположительны.

До нас дошло большое число рукописей с начала XI в., многие из них еще не описаны. При использовании рукописей учтено их функциональное назначение. Бытовые грамоты лучше отражают разговорную речь своего времени, чем грамоты деловые; деловые грамоты, в свою очередь, лучше, чем летописные или судебные тексты, которые также интереснее и важнее для нас, чем церковные тексты, особенно служебные, наиболее близкие к церковнославянской традиции. Однако в разное время и в различных городах Древней Руси отношение и к служебным текстам было неодинаковым: для XIV в. отмечаем максимальное число рукописей (в том числе и евангелий), отражающих разговорную русскую речь, в XVI в. они весьма редки, а в XVII в. вовсе невозможны. Новгородские тексты, особенно с XIII в., когда переписывать тексты стали ремесленники, разговорную речь отражают полнее, чем московские или киевские. Перекрестное использование всех этих рукописей оказывается очень ценным.

Из других источников важны заимствования из русского языка в греческий, скандинавские, немецкий, финские и другие языки, и обратно: произношение заимствованных слов дает сведения о древнерусской фонетической системе. Имеются строгие соответствия между фонологическими системами двух языков, которые реализуются в правилах субституции, т. е. замещения одного звука другим при заимствовании иноязычного слова. Субституция всегда отражает фонемные различия между языками, а на этом основании удастся уточнить различитель-

ные признаки фонем для древнейших периодов истории языка.

§ 4. По объекту и предмету изучения, по целям и методике изучения, по характеру описания и источникам историческая фонетика русского языка характеризуется определенными особенностями.

От филологического описания древних памятников она отличается тем, что основное внимание уделяет графико-орфографическим особенностям древних текстов — разного времени, территории, жанра, традиции письма и т. д. Грамматика старославянского (церковнославянского) языка изучает язык перевода священных книг на древнеславянский язык и бытование этого языка в последующей культурной традиции. Историческая фонетика русского языка (в отличие от истории русского литературного языка) изучает постепенное изменение народноразговорного русского языка. Историческая грамматика конкретных славянских языков частично связана и с праславянской грамматикой, и со сравнительной грамматикой славянских языков: с первой — по общему интересу к исходной точке развития, со второй — по методологическим основаниям. Точно так же для изучения поздних этапов развития русского языка важны материалы русских народных говоров и методы лингвистической географии, но только отчасти, в той мере, в какой это необходимо для воссоздания процесса фонологического изменения на протяжении ряда веков.

Рассмотренная в пособии общая последовательность фонетического развития русского языка хронологически охватывает несколько периодов, каждый из которых характеризуется особыми социально-экономическими, историко-этнографическими, культурными и собственно лингвистическими особенностями. Наиболее существенные фонетические изменения отмечены на протяжении первых двух периодов: древнерусского (общевосточнославянский диалект праславянского языка) и общерусского языка (уже без украинского, а затем и без белорусского языков в его составе). Одновременно с фонетическими изменениями и в зависимости от них происходили важные изменения грамматической формы, что также следовало бы описать, но что непосредственно связано уже с морфологическими изменениями в языке. Позднее, в среднерусский период (XVI—XVII вв.), когда происходит образование литературного языка на нацио-

нальной основе и окончательно складываются известные теперь диалектные системы русского языка, в силу вступают новые факторы фонетического изменения, хотя именно литературный язык в известной мере «законсервировал» основные элементы общерусской фонетической системы, отразив тем самым общерусские тенденции развития. Последующие изменения системы в том виде, в каком мы застаем их в XIX—XX вв., отражают уже новые тенденции, возникшие в границах говоров и просторечия. Они также отражают общерусские процессы фонетического развития, но уже не относятся к нашей теме, поскольку должны рассматриваться при изучении динамической системы современного русского языка.

ГЛАВА 1

Исходная система фонем восточнославянского диалекта в составе праславянского языка

Основные принципы строения слога

§ 5. К началу X в. наиболее полно выявились расхождения между северными и южными диалектами праславянского языка. Прежнее противопоставление Запад — Восток в связи с миграцией южных славян на Балканы после V в. по ряду языковых признаков сменилось противопоставлением южных диалектов северным. Утрата интонационных различий, разница в развитии носовых гласных, возникновение корреляции согласных по твердости — мягкости, расхождения в условиях и характере утраты редуцированных гласных — важнейшие отличия северной группы диалектов, которые позволяют говорить о том, что X в. является конечным этапом в развитии праславянского языка, в это время складываются условия для выделения отдельных славянских языков.

Общими функциональными закономерностями этого периода являлись закон открытого слога и закон слогового сингармонизма. Они сформировались в праславянский период, существенно изменив парадигматическую систему фонем; в частности, утрачены были дифтонги и дифтонгические сочетания, а у согласных возникла серия новых фонем.

По закону открытого слога (тенденция к обобщению открытого слога, к восходящей звучности слога и т. д.) в праславянском языке возможны были только слоги, которые заканчивались гласным: *до/мъ* — *до/ми/къ* — *до/мо/вь/ни/ча/ти* — *до/мо/вѣ/и*. На этих примерах можно видеть, что закон открытого слога был фонетическим (касался фонетического слога) и, следовательно, очень часто вступал в противоречие с морфологическим членением слова. Морфологические, словообразовательные, даже лексические границы не совпадали иногда с фоне-

тическим членением речи «по слогам»; ср.: *дом-ов-ьн-иц-а-ти* — *до/мо/вь/ни/ча/ти*. Фонетический слог, претендуя на всеобщность и универсальность в языке, никак не соотносился с функционально важными единицами языка. Полугласные (глайды), прежде всего ⟨л, р⟩, могли закрывать слог (*сѣ/мьр/ти*, *дер/во*), но к концу праславянского периода и такие слоги стали восприниматься как исключение. Все отклонения от закономерности подвергались постепенным преобразованиям (известным нам по курсу старославянского языка). Самые поздние из них — те, которые дали расходящиеся результаты в различных славянских языках; например, изменение сочетаний типа **tǣrt*, **tort* в **tǣrēt*, **torot* иногда относят даже к IX в., т. е. ко времени, не очень удаленному от интересующей нас эпохи. Тенденция к распространению открытого слога становится законом, не имеющим исключений, по крайней мере, в большинстве славянских диалектов. Исключения сохраняются дольше всего на самой северной окраине славянского мира (впоследствии из них развились северо-западные русские говоры, говоры полабского языка и т. д.). Можно сказать, что превращение тенденции в не знающую исключений закономерность привело к полному разрушению принципа слогового строения речи. Этот принцип диахронический. Он обеспечил последовательное обогащение фонологической системы языка новыми фонемами, новыми признаками, новыми правилами позиционного варьирования и т. д. и тем самым оказался излишним — перестал способствовать развитию системы. С синхронической точки зрения этот принцип не поддается наблюдению и, по-видимому, никогда не осознавался носителями праславянского языка.

§ 6. Закон слогового сингармонизма (тенденция к палатализации) является результатом действия предыдущей закономерности. Многочисленные изменения в пределах слога привели к тому, что в слоге стали возможны только одинаковые по качеству звуки: твердый согласный + гласный непереднего ряда ([*та*, по, ку]), нетвердый согласный + гласный переднего ряда ([*ч'и*, с'е, н'ь]). Не совпадающие по качеству гласные и согласные в составе одного и того же слога преобразовывались. Твердые ⟨т, п, к⟩ в положении перед гласными переднего ряда смягчались (условно их называют полумягкими, имея в виду, что такие смягченные согласные не имели

фонематического значения, не выступали в качестве самостоятельных «мягких» согласных фонем). В отличие от исконно мягких, которые были палатальными, эти согласные являлись палатализованными; ср. формы местного падежа единственного числа *кони* [кон"и] с палатальным ⟨н'⟩ и *конѣ* [кон'ѣ] с палатализованным ⟨н'⟩. Самые поздние изменения этого типа происходили в VIII—IX вв., т. е. непосредственно перед выделением общевосточнославянского диалекта. Северные окраины распространения славянского языка не были затронуты этим изменением или, во всяком случае, провели его не последовательно; другими словами, там действовала только тенденция к палатализации, не перешедшая последовательно в закон слогового сингармонизма (см. § 33, 34).

В отличие от закона открытого слога — основного фонетического закона праславянского языка — звуковой сингармонизм определял как бы условия существования слога, он обеспечивал единство слога по большинству фонетических признаков входящих в его состав фонем. Функциональный смысл этой закономерности выявляется из следующего примера (разные формы слов *конь* и *конѣ*):

им. п. ед. ч.	<i>конь</i> [кон"-ь]	<i>конѣ</i> [кон'-ѣ]
местн. п. ед. ч.	<i>кони</i> [кон"-и]	<i>конѣ</i> [кон'-ѣ]
вин. п. мн. ч.	<i>конѣ</i> [кон"-ѣ]	<i>коны</i> [кон-ы]

Функционально важные элементы слога, часть корня и окончание, не смешиваются друг с другом, всегда можно определить тип флексии, которая обслуживает данную парадигму, например ⟨ѣ⟩, перед которым может находиться и ⟨н⟩ палатальное (самостоятельная форма) и ⟨н⟩ палатализованное (оттенок фонемы ⟨н'⟩). Вместе с тем всегда строго соблюдается единство фонемы на стыке морфем; например, [кон"] во всех формах слова с ⟨н'⟩, а [кон] всегда с велярным ⟨н⟩. Закон слогового сингармонизма как бы подправлял закон открытого слога и вместе с тем предохранял некоторые фонемные признаки гласного или согласного от их взаимного слияния в слоге. Строго говоря, слоговой сингармонизм не стал законом, оставаясь на уровне диахронической тенденции, он сменился другими принципами сразу же после утраты закона открытого слога.

§ 7. В праславянском языке кроме условий имелась еще форма существования слога. Было бы неясно,

почему такое большое значение получил фонетический слог, если бы мы не учли просодических характеристик слога, потому что именно слог является их носителем. При этом количественные противопоставления (долгота—краткость) могли быть как у отдельных гласных, так и в отдельных слогах: фонематическое противопоставление долгих — кратких гласных столкнулось и с фонетической разницей между долгими и краткими слогами. Еще в праславянском языке количественные противопоставления гласных были утрачены в пользу слога: например, *лебѣдь* [lě-będъ], *лезъ* [lě-zǫ] дали [le—lě] вместо [lě—lě]. Однако такое расположение долгих и кратких слогов очень неустойчиво, оно никакого значения для системы не имеет. Долгий слог [lě] противопоставлен краткому слогу [le] не только потому, что в их составе находились соответственно долгий и краткий гласные. Эти слоги входили в состав словоформ с самым разным набором долгих и кратких слогов, которые к тому же могли чередоваться в различных словоформах одного слова и иметь разное ударение. Например, слог [lě] всегда находился под ударением, а слог [le] мог выступать то под ударением, то без ударения; слог [lě] никогда не сопровождался последующими долгими слогами, а слог [le] всегда находился в их окружении (при склонении и при образовании новых слов с помощью суффиксов). В аналогичном положении были слоги всех типов. Короче говоря, возникла необходимость связать долготу или краткость каждого слога с долготой или краткостью соседних слогов и вместе с тем выделить такой признак, который как-то мог бы объяснять фонетическую предпочтительность этого именно слога.

Таким признаком стал признак *и н т о н а ц и и*, потому что из всех просодических признаков только интонация может объединить своим действием два соседних слога, как бы прикрепляя их друг к другу: повышение (или понижение) интонации начинается (или завершается) на соседнем к интонируемому слоге. В результате произошло то, что историки праславянского языка называют переходом количественных различий гласных в качественные и что можно было бы считать третьей основной закономерностью праславянской фонологической системы. Поскольку количественные противопоставления слогов видоизменились в интонационные, теперь и долгота — краткость отдельных гласных фонем оказалась несущест-

венной и сменилась противопоставлением гласных по качеству; в нашем примере на месте [le—lē] возникли слоги [le—lē] (<e> сохраняется, а <ě> = ѣ возникает на месте долгого <e>).

Качество интонации зависело от исконного типа слога. Приведем для примера ряд соответствий (нам важны первые слоги слов):

лесть	[lʲ-stʲ]	> [lʲ]	> [lʲ]	—	—	лѣ-сть
лебедь	[le-bʲɛdʲ]	> [le]	> [le]	—	—	лѣ-бѣдѣ
лезу	[lē-zʲ]	> [lē]	—	> [lē]	—	лѣ-зѣ
леха	[loi-xa]	> [lē]	—	—	[lē]	лѣ-хѣ
лес	[lai-sʲ]	> [lē]	—	—	[lē]	лѣ-сѣ
лето	[lai-tʲ]	> [lē]	—	> [lē]	—	лѣ-тѣ

Интонационные различия касались только долгих слогов, вот почему их нет на слогах [lʲ, le]. Многие ученые считают, что интонационные различия не возникали также на безударных слогах (в нашем перечне пример *лѣха* — ‘гряды’ с постоянным ударением на окончании). Долгие монофтонги ([lē]) и долгие дифтонги ([lai]) дали восходящую (акутовую) интонацию; краткие дифтонги — нисходящую (циркумфлексовую) интонацию. Маркированным членом оппозиции остается восходящая интонация, она и соотносится с маркированным в предшествующей системе долгим гласным. Все прочие типы интонации и даже отсутствие интонации на каком-нибудь слоге совместно оказываются немаркированными и могут чередоваться друг с другом — нисходящая интонация на долгом слоге, подударная краткость и отсутствие всякой интонации.

Закон открытого слога приводил к совпадению по качеству слогов, до того различавшихся: [lē—loi—lai—lai] совпали бы в одном [lē] в связи с монофтонгизацией дифтонгов. Это могло разрушить многие важные противопоставления, например, могли бы совпасть по форме корневые морфемы с разным значением. Этого не случилось благодаря образованию интонационных различий, которые накладывались на старые количественные противопоставления и усложняли синтагматическую систему. В таких условиях тенденция к открытому слогу по-прежнему могла продолжать действовать, поскольку на функциональном уровне она пока не сказывалась, не мешала целям общения, нейтрализовалась другими столь же общими закономерностями праславянского языка.

§ 8. Функциональное единство слога в целом не препятствует парадигматическому выделению гласных в их отличии от согласных. В праславянском языке именно гласный являлся ведущим элементом слога, поскольку с гласным была связана основная характеристика слога (интонация) и поскольку гласный мог употребляться самостоятельно, например позиционно в начале слова (*огнь, утро*) и даже в качестве самостоятельного слова (ср. предлоги и союзы типа *а, о, у*). Согласный был связанным элементом слога: если качество гласных не зависело от качества соседних согласных, то согласные варьировали в зависимости от следующего гласного (ср.: [д] в словоформе [са́да] и [д'] в словоформе [са́д'ё]).

В начале X в. праславянская система гласных фонем включала 12 гласных. В обширном лексическом материале, дошедшем до нас, можно выделить такие минимальные пары слов, которые отличаются друг от друга только одной гласной фонемой; ср.:

- 1) *сѣлѣ* — *салѣ* (род. п. мн. ч. от *сало*) — *селѣ* — *силѣ* — *сѣлѣ* ('посол') — *сылѣ* — *соулѣ*: <ѣ — а — е — и — ѣ — ы — у>
далѣ — *долѣ* — *дѣлѣ* — *джлѣ*: <а — о — ѣ — ѣ>
лѣвѣ — *львѣ* — *лавѣ* — *ловѣ*: <ѣ — ѣ — а — о>
мѣхѣ — *мѣхѣ* — *махѣ* — *моухѣ*: <ѣ — ѣ — а — у>
2) *стол* [ѣ] — *стол* [а] — *стол* [у] — *стол* [е] — *стол* [ѣ] — *стол* [и] — *стол* [ы]: <ѣ — а — у — е — ѣ — и — ы>
стоп [а] — *стоп* [ы] — *стоп* [ѣ] — *стоп* [о] — *стоп* [ѣ] — *стоп* [у] — *стоп* [ѣ]: <а — ы — ѣ — о — ѣ — у — ѣ>

(<ѣ, е> могут встречаться только в мягком варианте склонения). Число сопоставлений, доказывающих различительную способность представленных гласных, можно было бы увеличить за счет не совсем подобных пар, например пар типа *соулица* ('копье') — *сѣличь* ('по направлению к'). Для установления фонем важно положение в одинаковых фонетических условиях, которое здесь соблюдается: гласные <у, ѣ> находятся после твердого перед палатализованным согласным.

Из многочисленных сопоставлений подобного рода можно сделать несколько выводов, важных для наших целей.

Во-первых, в случаях самой редкой оппозиции, например в парах <ѣ—о, ѣ—ѣ, ѣ—ѣ>, ряд противопоставлений мы можем дополнить наиболее распространенными фоне-

мами ⟨а, о, у⟩. Напротив, имеются оппозиции, связанные с употреблением ⟨а, о, у⟩, которые не удается расширить за счет сопоставлений с фонемами ⟨ъ, ь, ъ, ѣ, ѥ⟩, иногда и ⟨ё⟩. Это значит, что ⟨а, о, е, и, у, ы⟩ являлись функционально сильными, очень употребительными фонемами; кроме того, они могут встречаться и без предшествующего согласного, т. е. не в составе слога. Фонемы ⟨ѡ, ѣ, ѥ, ѥ, ѥ⟩ — функционально слабые в системе праславянского языка. Функциональная слабость этих фонем объясняется и их редкостью. Фонема ⟨ё⟩ встречалась примерно в 240 корневых и в десятке флексивных и суффиксальных морфем; ⟨ѣ, ѡ⟩ встречались еще реже (⟨ѣ⟩ обслуживала около 55, ⟨ѡ⟩ — около 75 корневых морфем). Только в 16 грамматических формах возможно появление носового гласного, причем, как правило, в конце слова — в фонетически самом слабом слоге. Различались по своей употребительности гласные и в потоке речи. Сравнение употребления гласных в одном и том же тексте по старославянскому ЗЕХІ и по древнерусскому ОЕ1056 показывает, что употребительность ⟨ъ, ь⟩ постепенно уменьшается и одновременно образуется ряд низкочастотных фонем — как раз тех, которые впоследствии исчезли в системе русского вокализма; ср. по ОЕ1056 убывающую последовательность гласных ⟨и—а—е—о—ъ—ъ—у—ѣ—ѡ—ё—ы⟩, что соответственно в процентах составляет: 18—16—16—14,5—10—6,9—4,7—4,3—3,6—3,3—2,8 = 100%.

Во-вторых, между фонетически близкими фонемами число оппозиций максимально ограничено, а у некоторых фонем таких противопоставлений вообще никогда не было. Противопоставление ⟨ѡ—у⟩ или ⟨ѣ—а⟩ отмечается только в нескольких корнях [из квазиомонимов ср.: *лѣкѣ* ('оружие') — *лоукѣ* ('овощь'), *лѣда* — *лада*, *падѣ* — *пѣдѣ*, *радѣ* — *рѣдѣ*] и в конечном слоге слова (ср. формы дательного падежа единственного числа имен мужского рода *рабоу* и винительного падежа единственного числа имен женского рода *робѣ*; но уже у глагольных форм такого противопоставления нет: *несѣ* — 1-е лицо единственного числа настоящего времени). Фонемы ⟨ъ—о, ь—е⟩ различали словоформы одного слова (например, *селѣ* — *село* или *конѣ* — *коне*), но никогда не охватывали противопоставлений в корневых морфемах. Напротив, ⟨ъ—ъ, о—е⟩ противопоставлялись друг другу только в корневых морфемах (ср. в форме род. п. мн. ч.

дѣнѣ — дѣнѣ), тогда как в конечном слоге слова они находились в дополнительном распределении, заменяли друг друга в зависимости от предыдущего согласного. Ср. следующие формы местоимений *тѣ*, *сѣ* (с привлечением других вспомогательных форм):

после твердого	<т>:	ти	ты	то	тѣ	та	тоу	тѣ	тѣ	та
после мягкого	<с>:	си	—	се	сѣ	—	(сю)	(сѣ)	сѣ	—
после твердого	<с>:	си	сы	(се)	(сѣ)	са	соу	(сѣ)	сѣ	са

Эту таблицу можно расширить за счет таких слогов, которые входили в состав какого-нибудь слова, но сами по себе отдельными словами не являлись (приведены в скобках). В фонетической транскрипции это соответствовало следующим возможным в праславянском языке сочетаниям «согласный + гласный»:

[т'и]	[ты]	[то]	[тѣ]	[та]	[ту]	[т'ѣ]	[т'о]	[т'ѣ]
[с'и]	—	[с'е]	[с'ѣ]	—	[с'у]	[с'ѣ]	[с'о]	—
[с'и]	[сы]	[с'е]	[с'ѣ]	[са]	[су]	[с'ѣ]	[с'о]	[с'ѣ]

Аналогичную картину дают флексии твердых и мягких основ, которые приведены выше; ср.: *конѣ* — *конѣ*, *женѣ* — *земле*, что также указывает на соотношение <ѣ—ь, о—е> в пределах одной и той же грамматической формы.

По своему происхождению представленные имена существительные не одного типа склонения: *конѣ* — из числа **jъ*-основ, *конѣ* — из числа **jо*-основ, *жена* — из числа **а*-основ, *земля* — из числа **ѣ*-основ. После ряда изменений в праславянском языке эти основы стали осознаваться как варианты одного типа — «мягкого» и «твердого», т. е. **о*- и **jо*-, также **а*- и **jа*-основ. Гласные, составлявшие основу флексии, вступили в морфологическое чередование; различаясь фонетически и представляя собой разные фонемы, морфологически они имели одно и то же значение. К этим двум парам гласных следует еще отнести <и—ѣ>, поскольку они вступали в аналогичное отношение по общности морфологического значения; ср.: *конѣ* — *кони* (местн. п. ед. ч.), *женѣ* — *земли* (дат. п. ед. ч.). От чередования <и/ѣ> чередование <о/е> отличалось тем, что еще с праиндоевропейского периода представляло собой морфонологическое чередование, являясь результатом аблаута (т. е. чередования фонем, выступаю

шего в морфологическом значении), который получил морфологическую функцию (ср. чередования в славянских глагольных корнях типа *веду* — *водиши*, *несу* — *носиши*). После сокращения ($\bar{i} > \bar{y}$, $\bar{y} > \bar{y}$) и редуцированные вступили в аблаутные чередования, т. е. по своей морфологической функции совпали с чередованием $\langle e/o \rangle$ (см. § 61). Все славянские языки отражают результат сближения $\langle \bar{y}, \bar{y} \rangle$ с $\langle o, e \rangle$, поэтому можно предполагать его праславянское происхождение. Что же касается чередования $\langle i/\bar{e} \rangle$, то оно характерно не для всех славянских языков, и даже в одном каком-нибудь языке, например в древнерусском, наблюдается расхождение по диалектам. Аблаут с долгим по происхождению гласным вообще развился очень поздно, поэтому и оформление чередования $\langle i/\bar{e} \rangle$ в каждом славянском языке происходило самостоятельно. Впоследствии сама возможность вступать в морфологические чередования с той или иной фонемой определила направление в изменении утрачиваемой языком фонемы (ср. в древнерусском языке изменения $\langle \bar{y} > e$, $\bar{y} > o \rangle$, тогда как $\langle \bar{e} \rangle$ совпадает либо с $\langle i \rangle$, либо с $\langle e \rangle$).

Таким образом, в древнерусской фонологической системе $\langle \bar{y}, \bar{y} \rangle$ и $\langle o, e \rangle$ морфологически, в словоформах одного слова, не противопоставлены друг другу, но они противопоставлены всем прочим гласным фонемам системы; они выполняют не форморазличительную, а смысловоразличительную функцию (могут различать значения разных слов).

§ 9. Некоторые косвенные данные позволяют уточнить фонемный статус гласных в исходной системе. Отрывочность сведений, полученных из разных памятников, перекрывается возможностью сопоставить сразу несколько источников. Воспользуемся графико-орфографическими характеристиками древнеславянских букв, фонетическим анализом древнейших славянских заимствований и характеристикой фонемных признаков, исходя из их системы в индоевропейском праязыке.

В основу первой славянской азбуки положен фонематический принцип: отдельная буква передает самостоятельную фонему, поскольку фонетические особенности речи, варьирующие в разных диалектах, не получили графического выражения в письме, предназначенном для всех славян. Никаких различий в обозначении разных по происхождению вариантов гласных также не наблю-

дается (буквой ѣ обозначаются и «этимологически» долгое <е>, и дифтонги). Первая азбука, таким образом, строго синхронична, она, по возможности, точно передает фонологическую систему праславянского языка середины IX в.

Привлекает внимание наличие диграфов. В числе первых букв нет еще ѡ, но уже имеется ѡѡ; создатели славянской письменности выделяют три носовых гласных, давая каждому свое обозначение: ѡ, ѡ, ѡѡ. Ясно, что <j> в ѡѡ обозначает не мягкость предшествующего согласного (как в русском ю в отличие от у), потому что в данной системе нет еще знака для передачи мягкости перед ѡ (нет еще буквы ѡѡ). Вместе с тем графическое изображение гласных определенным образом различается. Позднейшая книжная традиция (сведения дошли от XIV в., но они, несомненно, более раннего происхождения) строго различает буквы «назnamenательные» (или «начальнейшие», т. е. исходные) а, е, і, о, ѡ, ѡ и «внятельные» (или «тем способные», т. е. вторичные) ѡ, ѡ, ѡ, ж, оу, ѡѡ.

Интересны также обозначения букв, сохранившиеся в древних грамматических сочинениях; приведем их, оставляя в стороне детали графического характера (на-пример, различия между и и і и т. д.):

- а — гласъ простъ ('прямой, открытый, чистый')
- о — гласъ остръ ('быстрый, резкий')
- ы — гласъ широкъ ('просторный, свободный')
- оу — гласъ пространъ и доволенъ ('широкий, свободный, долгий')
- е — гласъ скудень ('недостаточный, редкий, скудный')
- и — гласъ узокъ и плоскъ ('тесный, узкий')
- ѡ — гласъ гибокъ ('гибкий, переходящий, длительный')
- ѡ — гласъ толстъ и кратокъ ('густой, низкий, краткий')
- ѡ — гласъ тонокъ и кратокъ ('высокий, краткий')
- ѡ — гласъ гугнивъ и произволенъ ('носовой, широкий, долгий')
- ѡ — гласъ внятеленъ ('производный, усложненный')
- ѡ (ю) — гласъ крепокъ ('сильный, громкий, долгий')

Из этих обозначений ясно, что древний книжник имел в виду не зрительные, а слуховые (звуковые) характеристики, следовательно, говорил о гласных звуках (о гласах, т. е. в нашем понимании о фонемах). Некоторое смешение с буквенными обозначениями здесь вторично, в XIV в. невозможно уже было соотнести произ-

ношение со всем набором графем. Отсюда и ряд пропусков в характеристиках, уже неясных, потому что фонемный состав славянских языков к тому времени изменился; например, здесь отсутствуют какие-либо указания на противопоставление гласных по ряду и по лабиализации, ясно, что такие обозначения сложились до вторичного смягчения согласных и до утраты редуцированных. Четко они выделяют лишь три дифференциальных признака: долгота противопоставлена краткости, верхние гласные — неверхним, носовые — неносовым.

Методом антонимического противопоставления терминов, представленных в средневековых грамматиках, можно определить те попарные противопоставления, которые казались существенными древнему книжнику, а на этом основании и те признаки, по которым строилась вся система вокализма. Выясняется, что краткими были <о, е, ъ, ь>, долгота специально подчеркивается для передних <а, о, у>, для остальных гласных этот признак оказывается неважным, у <ё> он связан с дифтонгоидностью. Как носовой гласный специально выделяется только ж (<ѡ> в противопоставлении к <а>), из чего можно установить вторичность всех определений, связанных с носовыми. По подъему выделяются как наиболее узкие (верхние) <у, и, ь>, но в пару к ним в качестве неверхних показаны соответственно <а, е, ъ>. Маркированный член оппозиции всегда дается в противопоставлении к немаркированному, вот почему в данной системе обозначений все неверхние гласные в дальнейших своих различиях не дифференцируются. В целом же попарные соотношения (противопоставление по подъему) представлены следующим образом: <ы—и, а—ѡ, о—у, ъ—ь, ё—е, ę—ѡ>.

Самым неопределенным по своим характеристикам является гласный <е> — он принципиально дан как недостаточный. Чтобы уточнить его количественную неопределенность, книжник прибегает к толкованию графического варианта буквы е, именно е — последняя является «гласом довольнымъ» ('свободным, долгим'). По отношению к <е> все соседние гласные определяются как узкое <и>, открытое <а>, просторное <у>, острое <о>. Тем самым <е> выступает своеобразной фонематической точкой отсчета для всех прочих гласных; фонетической точкой отсчета для гласных является <а> — гласный,

который максимально лишен всех фонетических характеристик в данной системе обозначений.

§ 10. Если рассмотреть соотношение славянских гласных фонем с гласными тех языков, которые имеют древнейшие заимствования из славянского, окажется, что все эти языки последовательно отражают славянские гласные ⟨а, и, у, ы, о, а, ё, ъ, ь⟩, причем ⟨а⟩ обычно выступает как долгий (в литовском языке передается только посредством ⟨ō⟩), а все прочие долгие представлены как дифтонгоиды, т. е. ⟨и⟩ как [ie], ⟨у⟩ как [uo], ⟨ы⟩ как [ui, ou], ⟨ѣ⟩ как [uon].

Расхождения между языками обнаруживаются уже в передаче носовых гласных. В латышском языке заимствования появились после X в., в литовском также мало достоверных заимствований из восточнославянских диалектов столь раннего времени. Древнейшие заимствования в балтийских языках отражают ту стадию утраты носовых гласных, когда ⟨q > u⟩, а ⟨e > e⟩ (или ⟨a⟩); ср.: латышск. *svēts* ('святой'), *mētēlis* ('метель') < *матель* (в литовском также долгое ⟨e⟩), т. е. так же, как в этих заимствованиях передается и исконная фонема ⟨ё⟩. Более ранние заимствования находим в скандинавских и финских языках, они еще отражают наличие носовых гласных в праславянском. Заимствования в греческом, румынском и германских языках менее показательны, так как могут быть связаны с длительным сохранением носовых гласных в южнославянской области. В целом заимствования показывают постепенное изменение тембра носовых гласных: ⟨q⟩ ≥ [am ≥ um], ⟨e⟩ ≥ [en ≥ ān].

Третий носовой гласный ⟨q̇⟩ в лексические заимствования проникнуть не мог, потому что встречается он только во флексиях (см. § 21); его фонетическую характеристику можно установить лишь косвенно. В славянских рукописях до XII в. греческое *υ* передается буквами *у, ю, и*, но теми же буквами в XI в. заменяется и славянская фонема ⟨q̇⟩ (ѣ). Совпадение славянского ѣ и греческого *υ* в знаке V («ижица») показывает близость ⟨q̇⟩ и ⟨v⟩ по основным характеристикам. В X—XI вв. греческое ⟨y⟩ произносилось как [ü] — лабиализованный гласный переднего ряда. Учитывая все последующие изменения славянского ⟨q̇⟩, те же фонетические признаки следует отнести и к нему (см. § 46).

Наибольшие изменения произошли у фонем ⟨ё, о⟩. Древнейшие заимствования устанавливают близость ⟨ё⟩ к ⟨е⟩ по качеству и к ⟨а⟩ по количеству: ⟨ё⟩ — долгий, среднего подъема гласный, он относится к ⟨е⟩, как долгий к краткому. Скандинавские и романские заимствования отражают еще более древнюю стадию изменения ⟨ё⟩, близость этой фонемы к ⟨а⟩ и по качеству (передается сочетаниями [ja, ea]). Заимствования в финские языки определенно двузначны: сначала славянская фонема ⟨ё⟩ передавалась как [ää], впоследствии же субституировалась с [ie]: русск. *мѣра*, финск. *määra*, кар. *meärrä*, вотск. *määrä*, эст. *mär*; русск. *вѣра*, кар. *viero*; русск. *вѣсть*, финск. *viesti*, кар. *viest'i* и др. Одно из этих обозначений древнее, другое ([ie]) вторично, возникло в связи с изменением качества ѣ в севернорусских говорах (см. § 95).

Почти все источники указывают на близость праславянского ⟨о⟩ к ⟨ä⟩ в других языках раннего средневековья. Только в заимствованиях позже IX в. немецкое, латинское и греческое ⟨а⟩ сохраняются в славянском произношении как [a], до этого они передавались обычно славянским [o], и обратные заимствования из славянских диалектов также давали [a] на месте славянского ⟨о⟩. Сопоставление западнофинского ⟨а⟩ с реализациями этого гласного в других финских языках показывает, что западнофинскому (и мордовскому) ⟨а⟩ соответствует лабиализованное ⟨о⟩ других финских языков: лапл. [üö], мери [ü, o], коми [o], но з.-финск. [a] и морд. [a]. В прафинский период, когда происходило заимствование из языка восточных славян, это была лабиализованная фонема ⟨ä⟩, именно ею и передается восточнославянское ⟨о⟩: русск. *попѣ*, финск. *parpi*. В обратных заимствованиях финское ⟨а⟩ передается славянским ⟨о⟩: *Karjala* = *Корѣла*, *Vatja* = *Водѣ*, *Lappi* = *Лопѣ*. Финское ⟨о⟩ передавалось в славянских заимствованиях через ⟨у⟩, то же происходило и в древних заимствованиях из греческого. В среднегреческом языке ⟨о⟩ было закрытым, ближе к ⟨у⟩; например, гр. *ōksos* славяне заимствовали как *уксусѣ*. Не только славянские, но и латинские слова с ⟨u⟩ греки передавали через ⟨о⟩; наоборот, в поздних латинских заимствованиях из греческого ⟨о⟩ передается через ⟨u⟩. Только с XII в. греческое ⟨о⟩ становится более нижним по образованию и с этого времени постоянно соотносится уже с латинским и со славянским ⟨о⟩.

Таким образом, передача славянской фонемы <о> через <а> вовсе не отражает праславянского «аканья», как иногда думают (см. § 100). Субституция происходит на основе фонологически важных для заимствующего языка признаков фонемы. Все соседи славян отражают неверхнее по образованию, первоначально нелабиализованное и всегда краткое <о> (в фонематической записи <ǫ>).

§ II. Основные признаки гласных фонем в исходной системе частично объясняются праславянскими изменениями вокализма. Сравнительная грамматика славянских языков представляет следующие соответствия древнерусских фонем праиндоевропейским:

$$\begin{array}{ccccccc} \langle \bar{a} \rangle \left\{ \begin{array}{l} \langle \bar{a} \rangle \\ \langle \bar{o} \rangle \end{array} \right. & \langle \bar{a} \rangle \left\{ \begin{array}{l} \langle \bar{a} \rangle \\ \langle \bar{o} \rangle \end{array} \right. & \langle y \rangle \left\{ \begin{array}{l} \langle \bar{a}u \rangle \\ \langle \bar{e}u \rangle \end{array} \right. & \langle \bar{i} \rangle \left\{ \begin{array}{l} \langle \bar{i} \rangle \\ \langle ei, ai \rangle \end{array} \right. & \langle \bar{e} \rangle \left\{ \begin{array}{l} \langle \bar{e} \rangle \\ \langle ai \rangle \end{array} \right. & \langle e \rangle \left\{ \begin{array}{l} \langle e \rangle \\ \langle ja \rangle \end{array} \right. \\ \langle y - \bar{u} \rangle & \langle \bar{z} - \bar{u} \rangle & \langle \bar{z} - \bar{i} \rangle & \langle \bar{q} - an \rangle & \langle \bar{e} - en, am \rangle & \langle \bar{q} - j\bar{a}n(t)s \rangle \end{array}$$

Из этих сопоставлений вытекает следующее. Противопоставление по долготе — краткости является «исконным», т. е. обязано своим происхождением совпадению долгих гласных с долгими и кратких с краткими. Исконно долгими были <а, ы, и, ѧ, у>. Поскольку количественные противопоставления со временем утрачены (стали признаком слога, т. е. просодическим признаком), еще в праславянском языке могло произойти разложение фонологической долготы на фонетическую дифтонгоидность (см. выше); исконно краткими были <ѧ, е, ѣ, ѥ>. Двойственными в отношении этого признака оказались носовые гласные: среди них были и долгие, и краткие по происхождению звуку. Однако с переходом признака количества на просодический уровень все носовые гласные стали фонематически долгими, потому что все они образовались из дифтонгических сочетаний и были, таким образом, двухморными. Как и на всех двухморных гласных, на них возникли интонационные различия. Это еще больше выделило носовые из числа всех прочих гласных: фонетически они могли быть долгими и краткими, в просодическом отношении — всегда долгими, по происхождению связаны с краткими, но функционально в праславянской системе — обязательно долгие.

Особых замечаний требует фонема <̑>. Она возникла из определенных сочетаний <ѧ> с согласными и, подобно

фонеме <е>, почти не встречалась в позиции начала слова. Фонологизация <ѳ> совершилась после делабиализации гласных, потому что в противном случае мы ожидали бы совпадения <*jѳ > е> (см. § 17). На самом деле произошло изменение <*jѳ > ѳ> с сохранением лабиализации, что указывает, между прочим, на то, что к моменту такого изменения ѳ и ѳ уже не были гласными одного и того же подъема: <ѳ> перешло в число средневерхних гласных.

Что же касается признака количества, то он вряд ли был существенным для системы гласных в X в. Он и объединял бы самые разнородные по своим фонетическим основаниям факты: «сверхкраткий — дифтонг» (<ъ—ы>), «долгий — сверхкраткий» (<и—ь>), «дифтонг — долгий» (<ы—у>), «долгий — краткий» (<ā—а>) и т. д. Фонетическая разнородность оказывается не подчиненной единому фонематическому принципу, следовательно, она несущественна на фонологическом уровне.

Признак лабиализации уже действует в праславянской системе. Этот признак вошел в систему после монофтонгизации дифтонгов [au, eu] и появления фонемы <у> (ou). Это вызвало перераспределение нового признака среди других непередних гласных, и уже к X в. восточные славяне имели в системе вокализма лабиализованные <у, о, ѳ, ѳ>. Распределение гласных в начале слова показывает, что в противопоставлении по лабиализованности маркированным был лабиализованный гласный. Только он возможен в абсолютном начале слова. Иногда в число лабиализованных включают также <ъ> на том основании, что эта фонема восходит к лабиализованному <й>, в древнерусском же языке она совпала впоследствии с <о>. Первое справедливо, однако к X в. завершились все изменения, связанные с «исконной» лабиализованностью гласных: она была перекрыта новой фонематической лабиализацией, связанной с включением <у> в систему фонем; поэтому прежде лабиализованные гласные утратили данный признак как фонематический. Самым ярким свидетельством этого является выделение протетического <в> в начале слова в таких словах, как *въплъ*, *выдра*: парадигматическая лабиализация в исконных **йр*-, **йдр*- растворилась в синтагматическом выделении признака лабиализованности, дав сочетания **уйр*-, **уйдр*-. Замечание о том, что только лабиализованный

⟨ъ⟩ мог впоследствии совпасть с лабиализованным же ⟨о⟩, неубедительно. В тех славянских языках, в которых рефлексы сильных ⟨ъ, ь⟩ совпали при утрате редуцированных в одном гласном, они совпали в средних ⟨ə⟩ или ⟨a⟩ (западнославянские, сербский языки). Разница в рефлексе (совпадение с ⟨ə⟩ или ⟨a⟩) объясняется различным изменением других гласных, например ⟨e > ā⟩ или ⟨e > e⟩. В восточнославянских языках, где ⟨ъ, ь⟩ не совпали друг с другом, они не совпали именно в средних по тембру гласных, т. е. ни в ⟨a⟩, ни в ⟨e⟩ (близко к ⟨ы⟩). Поскольку же в своих последующих изменениях ⟨ъ, ь⟩ должны были стать либо передними (⟨ъ > e⟩), либо непредними (⟨ъ > o⟩) и поскольку непредние одновременно с тем были и лабиализованными, то ⟨ъ⟩ совпал с лабиализованным ⟨о⟩. Таково фонологическое основание этого изменения, фонетические же этапы его теперь трудно определить. Можно только предполагать, что в ряде сочетаний ⟨ъ⟩ лабиализовался еще до окончательного совпадения с ⟨о⟩. Это видно на тех примерах, в которых впоследствии ⟨ъ⟩ дал закрытое ⟨ô⟩, хотя по общему правилу этого не должно было случиться. В словах *любѣвь*, *крѣтъ*, *плѣть* по соседству с лабиовелярными согласными ⟨б, п, к⟩ могла развиваться позиционная лабиализация, которая и привела к неожиданному результату, к изменению в ⟨ô⟩, а не в ⟨о⟩: *любѣвь* [л'убѣвѣ], *плѣть* [плѣот']. Однако именно эти исключения и подчеркивают, что во всех остальных случаях ⟨ъ⟩ не имел фонематического признака лабиализованности: ведь ⟨ô, о⟩ одинаково лабиализованные гласные, которые различались другим признаком (см. § 96).

Признак подъема, по-видимому, еще не сформировался окончательно. И фонетика заимствований, и названия букв, и общие соображения о характере исходной системы указывают на две степени подъема: верхние — неверхние. Верхние обычно передаются гласными ⟨и, у⟩, неверхние — ⟨a, e⟩. В названиях букв специально по подъему маркируются ⟨и, о, у, ь⟩, для всех прочих этот признак оказывается неважным. Действительно, по происхождению верхние и неверхние гласные подразделяются на две группы: долгие и краткие. Некоторые историки языка вообще выделяют две подсистемы гласных в позднем праславянском языке: фонетически долгие и фонетически краткие. Однако по отно-

шению к X в. это было бы натяжкой, потому что количественный признак уже не являлся в это время фонемным. Условно выделяя четыре степени подъема, свойственные русскому языку в его диалектах вплоть до XX в., мы должны оговорить две различительные степени подъема (было бы лучше называть их иначе: различием по *напряженности*).

Признак ряда остается важным для системы вокализма X в. Прошедшие до того изменения (прежде всего делабиализация непередних гласных) привели к образованию гласных среднего ряда, куда вошли все nelaбиализованные передние гласные. Признаки лабиализации и ряда уже не совмещались, как это было до монофтонгизации дифтонгов и как это случалось после утраты носовых гласных.

Для различения 12 гласных фонем необходимо и достаточно четырех дифференциальных признаков; в позднем праславянском языке это были признаки напряженности, лабиализованности, тембра (различие по ряду) и ринезма (выделение носовых гласных):

Гласные	Передние		Непередние	
	лабиализованные	нелабиализованные	нелабиализованные	лабиализованные
Верхние	⟨ѣ⟩	⟨и⟩	⟨ы⟩	⟨у⟩
Средневерхние		⟨ь⟩	⟨ѣ⟩	
Средненижние		⟨е, ѳ⟩		⟨о, ѡ⟩
Нижние		⟨ѣ⟩	⟨а⟩	

В этой системе ближайшие фонемы противопоставлены по одному признаку, и этот признак в основном — количество. Мы ожидали бы позиционного совпадения ⟨е⟩ с ⟨ѣ⟩, ⟨и⟩ с ⟨ь⟩, ⟨ы⟩ с ⟨ѣ⟩, потому что противопоставление по количеству перестает быть фонемным. Действительно, новгородские рукописи XI—XII вв. дают примеры смешения букв *е* с *ѣ*, *и* с *ь*, *ы* с *ѣ* (см. § 63), но в конечном счете никаких смешений этих гласных не произошло, потому что образовалось противопоставление гласных по четырем степеням подъема.

Одним признаком отличались друг от друга и пары фонем ⟨ь—е, ъ—ѡ, ѣ—ѣ, и—ы, ы—у, ы—а, ѣ—а⟩. Фонологическая граница между ними была более четкой, потому что эти противопоставления обеспечивались не количественным признаком, очень слабым в древнерусском языке, действовавшим на синтагматическом уровне слога, а собственно фонемными признаками, в том числе и сильными (лабиализация). Тем не менее и эти фонемы могли утрачивать противопоставленность друг другу в слабых позициях, и в древнерусских рукописях находим отражение подобной нейтрализации противопоставления по одному признаку (см. § 56, 57, 63, 72).

По двум признакам различались фонемы ⟨и—ѡ, е—е, е—ѡ, е—а, е—а, ѡ—а, ѣ—ѡ⟩. Эти оппозиции были более сильными, долгое время мы не обнаруживаем в древних источниках следов нейтрализации данных противопоставлений в слабой позиции (таковой вообще и нет). Что же касается оппозиций с большим числом дифференциальных признаков, то они в истории русского языка не привели к нейтрализации в слабой позиции или ко взаимному совпадению этих фонем; ср. оппозиции по трем признакам: ⟨ь—ѡ, ѣ—ѡ, ѣ—а, е—ѡ⟩, по четырем признакам: ⟨ь—ѡ⟩ и т. д.

Относительную силу фонемной оппозиции необходимо принимать во внимание, потому что во всех фонемных изменениях важно, к каким именно соседним фонемам системы данная фонема находится ближе всего. Так, ⟨ѡ⟩ (ѡ) в древнерусском языке совпадает не с ⟨и⟩ (и), к которому было очень близко, характеризуясь только отсутствием ринезма и лабиализованности, а с ⟨у⟩ (у) и ⟨ѡ⟩ (ѡ), от которых ⟨ѡ⟩ отличалось только признаком ряда.

Распределение гласных фонем

§ 12. Для последующих изменений системы важны не только количество форм и слов, в которых встречаются те или иные фонемы, не только относительная частота употребления фонем в тексте, но и характер их позиционного распределения. В вокалической системе X в. накануне утраты носовых минимальное число гласных

противопоставлялось в начале слова и в положении после палатальных.

В начале слова могли употребляться только <о, ѣ, у>: онѣ, оса, ось, жель, жда, жзы, оуѣ, оутро, оуха. Если считать, что в ждѣ ('всюду') первый гласный передает фонему <ѣ> (см. § 21), тогда и <ѣ> возможно в начале слова, потому что противопоставляется прочим гласным в данной (сильной для гласных фонем) позиции: ждѣ — ждѣ ('удочке') — оудѣ (часть тела), т. е. [ѣд·ѣ — оѣд·ѣ]. На то, что это распределение объясняется всей системой вокализма, а вовсе не «происхождением» гласных, указывают соответствия древнерусскому <у> других индоевропейских языков: др.-русс. оунѣ [унѣ], лат. *juvenis*, лит. *jūnas*, ст.-сл. юнѣ; др.-русс. оутро [утро], лат. *aurora*, лит. *aušrā*, ст.-сл. ютро. Древнерусское <у> употребляется независимо от того, является ли оно исконным дифтонгом или восходит к сочетанию с начальным <ј>. Наоборот, в старо- и церковнославянских текстах находим только сочетания с начальным <ј>; поэтому в литературном языке возникли дублеты, первоначально имевшие стилистическое значение: оужинѣ — юѣ, Оульяна — Юлия, оуный — юноша, оуха — юшка.

§ 13. Гласные <а, ѣ, е, и, ь> в начале слова получали протетический <ј>, который отстранял начальный гласный от конечного гласного предшествующего слова: др.-русс. ѡѣ, ст.-сл. аѣ, болг. аз (диал. *jaз*), сербск. *ja*, литовск. *aš*, др.-инд. *ahām*. Только союз *a* в древнерусском языке сохранялся без йотации, что связано с его синтаксической функцией, во всех остальных случаях перед начальным <а> обязательно возникал протетический <ј>; появлялись стилистические варианты типа *ягня* — *агньцѣ*. То же касается и *ѣ*: если в двух глагольных корнях, обычно употребляемых после приставки, и не произошло еще в праславянском языке изменения *ѣ* после <ј> в <а> (как в *јѣд-* > *јад-* > [ѣд-]), т. е. возможно было употребление форм *ѣсти ѣхати* наряду с *ясти*, то в ранних рукописях и они обязательно пишутся с <ј> (ср.: *јѣсти*, *јѣхати* в И73).

Йотация начальных <ѣ, и, ь> в древнерусском языке совпадала со старославянскими словами, т. е. давала примеры типа *ѣзыкѣ*, *ѣго* ([ѣго], ср. лат. *jugum*) и т. д.

§ 14. Все древнерусские рукописи XI—XII вв. последовательно различали два типа <е> в начале слова:

всегда с начальным *ю* писались падежные формы местоимений *и*, *иже* (*юго*, *юмоу* и др.), личные формы глагола *юсмь* и *юмлю*, а также слова *югда*, *юдинъ*, *юже*, *юлико*, *юство*; с начальным *е* писались только заимствованные из греческого языка слова (типа *егунтъ*) и ряд славянских слов: *еда*, *едѣва*, *езеро*, *еи*, *елень*, *ели*, *есе*, *етеръ*, *еще* ('да'). Очень редко у некоторых писцов наблюдается предпочтение одного знака — либо только *ю* (второй почерк И73 и первый почерк АЕ1092), либо только *е*, *е* (первые почерки М95 и М97). Последние явно ориентируются на орфографическую систему южнославянских оригиналов, потому что из старославянских памятников только СРХІ более или менее последовательно различает *ю—е*. Из этого можно заключить, что противопоставление *ю—е* связано с какими-то особенностями в произношении начального <е>.

Действительно, первая группа примеров включает в себя слова с обычным сочетанием <j + e>: др.-русс. *юсмь*, ср. чешск. *jsem*, сербск. *jěsam*. Во второй группе — преимущественно слова, которые в древнерусском языке, как и в современных восточнославянских языках, произносились не с <е>, а с начальным <о>: русск. *озеро*, ст.-сл. *езеро*, польск. *jezioro*, болг. *езеро*, сербск. *jezero*, др.-пр. *Assaran*, лит. *ežeras*; русск. *осень*, ст.-сл. *есень*, польск. *jesień*, болг. *есен*, сербск. *jěsen*, др.-пр. *asanis*; русск. *осемръ*, ст.-сл. *есемръ*, польск. *jesiotr*, сербск. *jěsempa*, лит. *ašėtras*.

Расхождение между русск. *озеро* и ст.-сл. *езеро* объясняли различным образом, но единственно достоверное соответствие показывает, что начальное <о> во всех словах второй группы (*озеро*, *осень* и т. д.) восходит к индоевропейскому <ā> и, следовательно, <о> (<ā>) представляет собой «исконный» гласный в этих словах. Во всех диалектах праславянского языка (кроме восточнославянских) произошла межслоговая ассимиляция гласного <ā > е>, но фонетический характер этого гласного неизвестен. С одной стороны, на основании болгарского <е> предполагают лабиализованное [e] (Н. Н. Дурново), с другой стороны, прочие славянские языки указывают наличие йотовой протезы перед этим «новым» <е>. В словах типа *ежь*, *ель*, *есть* начальное <е> восходит к индоевропейскому <e> (ср.: лит. *ežys*, *ėglė*, *ėsti* с теми же значениями слов) и естественно, что в древнерусском языке

перед этим начальным <е> развивался протетический <j>.

Таким образом, древнерусские формы типа *озеро* могли конкурировать со старославянскими типа *езеро* в текстах на том же основании, что и *оунѣ* — *юне* или *нагна* — *агнѣцѣ* (ср.: *единыи* — *одиной* и наречие *одиною* — *единою* в И76). Однако и в рукописях церковнославянских произношение по возможности передавалось соответствующими написаниями с *е*, а не с русским *о*.

Как и в других случаях, вспомогательная лексика сохранила до нашего времени некоторые отклонения от общей фонетической закономерности; ср. *это* из <е + то>, где предполагают фрикативную протезу перед начальным <е>, т. е. *he*. Впрочем, еще и до XVIII в. обычным было написание *ето*.

§ 15. Гласные <ъ, ы> в начале слова получили протетическое <ѳ>: русск. *выдра*, сербск. *видра*, чешск. *vydra*, лит. *ūdra*, др.-инд. *udrah*, гр. *hydra* ('гидра, водяной змей'); русск. *высок*, сербск. *висок*, болг. *висок*, чешск. *vysoky*, гр. *hypsí*, др.-в.-нем. *ūf* ('высокий'); русск. *воплъ*, *вопѣти* [$\leq$ др.-русс. *вѣплъ*, ср. *возопѣти* $\leq$ *вѣзѣпѣти* с корневыми *ѣп* (**up*), др.-перс. *ufyeiti* ('он издает звук')]; другие славянские языки либо не сохранили этого слова, либо по законам собственной фонетики изменили начальное сочетание с гласным: сербск. *ѳпѣти* (краткое <ѳ> из исходного сочетания *вѣ*-). Таким образом, еще в праславянском языке утрачивавшие лабиализованность <ѳ, ѳ> выделяли перед собой полугласное <ѳ>, которое после образования губно-зубного <v < ѳ> стало осознаваться как <в>.

§ 16. Приведенные выше изменения объясняют следующим образом. Согласно закону открытого слога все слова должны были кончаться гласным, но если следующее слово начиналось с гласного же, образовывались зияния, не приемлемые для славянского произношения: оно не допускало двух гласных подряд. Так возникли вставочные согласные призвуки, первоначально, видимо, неопределенные по качеству (<j, ѳ, h>), но после фонологизации фонетически сходных с этими призвуками полугласных (<j, v>) они стали восприниматься как формы с начальным согласным. Следовательно, все подобные сочетания в начале слога возникли синтагматически на основе закона открытого слога.

Нам важно подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, появление ⟨u, i⟩ или ⟨h⟩ не всегда объясняется качеством следующего гласного: перед лабиализованным — ⟨u⟩, перед палатализующим — ⟨i⟩; ср.: русск. *вепрь* ('кабан'), сербск. *вѣпар*, чешск. *vepr*, польск. *wieprz*, но др.-в.-нем. *ebur*, лат. *aper* (⟨a < e⟩) — в этом случае протетическое ⟨u⟩ возникло перед передним гласным ⟨e⟩, где ожидалась бы протеза ⟨i⟩; русск. *яйцо*, ст.-сл. *аице*, болг. *яйце*, сербск. *jáje*, польск. *jaје*, но чешск. *vejse* (др.-чешск. *vajse*), слов. *vajse*, лат. *биот*, гр. *бон*, почему мы ожидали бы протетического ⟨u⟩ (как в чешском и словацком), но не протезу ⟨i⟩; укр. *ватра* ('огонь'), сербск. *вѣтра*, чешск. *vatra*, польск. *watra*, но др.-перс. *atar* — с протетическим ⟨u⟩ перед ⟨a⟩ и т. д. Подобные примеры указывают на синтагматическую неопределенность согласного, возникающего на стыке двух гласных, и довольно позднюю его фонологизацию (по разным основаниям в различных славянских языках).

Во-вторых, перед лабиализованным гласным, сохранившим свою фонематическую лабиализованность, всякого типа протетические согласные снимаются: русск. *оса*, польск. *osa*, болг. *оса*, сербск. *бса*, но лат. *vespa*, лит. *vapsá* ('овод') и др. Примеры показывают, что перед фонематически важным по определенному признаку гласным всякое подобие протезы должно было устраниться (ср.: *озеро*, *оутро* и др.). Несовпадения праславянского распределения начальных гласных с исходным индоевропейским подтверждают, что «правило начала слога» действительно отражает синтагматическое распределение гласных в самом праславянском языке.

§ 17. Таким образом, для фонетической системы древнерусского языка характерны:

нулевая протеза перед лабиализованными гласными ⟨y, o, ѣ, ѓ⟩;

йотовая протеза перед нелабиализованными ⟨a, e, ё, e, и⟩, тогда как ⟨ъ, ь, ы⟩ в начале слова недопустимы, потому что во всех случаях они либо меняют свое качество (⟨йъ > i⟩, то же касается и ⟨ё⟩), либо не вступают в свободное чередование с ⟨ъ, ь, ы⟩ в заимствованных словах (ни в греческих, ни в старославянских заимствованиях также не было слов с начальными ⟨ъ, ы⟩). Этим подтверждается функциональная слабость фонем ⟨ъ,

ь, ы); они невозможны в абсолютно сильной позиции начала слога, где их качество не определялось бы качеством предшествующего согласного.

Отсутствие протетического согласного перед лабиализованным гласным доказывает важность признака лабиализованности. Распределение начальных гласных в древнерусском языке отличается от аналогичного распределения в старославянском, т. е. действительно выступает как синтагматическое распределение гласных именно древнерусской системы. Впоследствии такое распределение могло измениться, и оно изменилось в ряде русских говоров, развивших протетические согласные: ⟨в⟩ перед любым лабиализованным (*восень, вѣтчим, вутка*) и протетический ⟨ј⟩ перед любым передним гласным (типа: *это* [jêto], *Еремей* [jer'ем'èj]). В древнерусском языке йотовая протеза противопоставлена нулевой протезе (≠) перед лабиализованным гласным. Поскольку же ⟨ј⟩ противопоставлен фонематическому нулю, он и сам представляет собой фонологически нерелевантную единицу. В фонетическом контексте ⟨ј⟩ служит для обозначения гласных переднего ряда (см. § 27). Поэтому и в середине слова после исконно мягких согласных еще в праславянском языке произошло смещение гласных по ряду:

⟨*jē > jā⟩ — ср.: др. -русск. *ѡдѣ* < *ēd, *чачѣ* < *č'ēs;

⟨*jā > 'ā⟩ — ср.: др. -русск. *морѣ*, лит. *mārios*;

⟨*jū > 'i⟩ — ср.: др. -русск. *шуми*, лит. *siūti*;

⟨*ju > 'i⟩ — ср.: др. -русск. *уго*, лат. *jugum* (⟨*ju g > jbg⟩).

Последние три изменения отражают также делабиализацию гласных в положении после палатального: в соответствии с законом слогового сингармонизма признаки лабиальности и палатальности в пределах одного слога были недопустимы. Это подтверждает синтагматический характер взаимного отталкивания признаков ряда и лабиализованности у гласных.

§ 18. Особенно велика была позиционная дробность у носовых и редуцированных гласных. Даже если не принимать во внимание просодических различий между разными типами ⟨ъ, ь, ъ, ѣ, е⟩, окажется, что эти гласные вступали в различные комбинаторные и позиционные отношения с другими фонемами и по-разному вели себя в составе словоформы и морфемы.

Можно следующим образом представить фонетическое распределение редуцированных в древнерусском языке:

Фонемы		Позиционные варианты	
		сильная позиция	слабая позиция
Комбинаторные варианты	свободные ⟨ъ, ь⟩	[т̣ъ (т̣ъ)] — с̣ънѣ [т̣ъ (т̣ъ)] — д̣нь	[(т̣ъ) т̣ъ] — д̣нь [т̣ът̣ът̣ъ] — д̣ньсѣ [т̣ъа] — д̣ня
	⟨ъ, ь⟩ перед ⟨г, л⟩	[т̣гт̣ъ] — д̣ргъ [т̣гт̣ът̣ъ] — од̣рьнь	[т̣га] — д̣рати
	⟨ъ, ь⟩ после ⟨г, л⟩	[т̣гът̣ъ] — кр̣въ	[т̣гъа] — кр̣ве
	⟨ъ, ь⟩ перед ⟨ј⟩	[т̣ат̣ъјъ] — доб̣рыи, кост̣ии	[т̣ат̣ъја] — п̣м̣тии, кост̣ии
	⟨ъ⟩ после ⟨ј⟩	[ј̣ът̣ъа] — н̣гла [ј̣гъла]	[ј̣ъа] — н̣скра [ј̣скра], н̣мамъ [ј̣матъ]

Сильная позиция определяется положением редуцированного перед слабыми ⟨ъ, ь⟩, слабая — положением перед сильными ⟨ъ, ь⟩, которые в этой позиции функционально равны гласному полного образования. Иногда говорят о том, что сильной позицией являлось также положение ⟨ъ, ь⟩ под ударением независимо от гласного, который стоял за подударными ⟨ъ, ь⟩. Это не совсем верно, так как подударные ⟨ъ, ь⟩ обычно совпадают с сильной позицией редуцированного, следовательно, признак подударности является сопутствующим; ср.: [д̣нь], [д̣ньсѣ], [кр̣въ], [с̣ънѣ], но [д̣ня], [кр̣вѣ]. Примеры, которые приводят в доказательство того, что под ударением находились сильные ⟨ъ, ь⟩, не показательны, поскольку современное ударение в словоформе не соответствует праславянскому (*дѣску*, но др.-русск. *дѣску*). Счет слабых позиций с конечного слога к началу объясняется последовательными оттяжками ударения с конечного слога на предшествующие слоги (см. § 39). Просодическая характеристика редуцированных

важна сама по себе и ее не следует смешивать с позиционным распределением этих гласных.

§ 19. Из комбинаторных вариантов особенно важны сочетания типа **tǫrt*. Ученые по-разному объясняют характер этих сочетаний. В древнерусских рукописях они обозначались либо по образцу старославянских написаний (т. е. как **trǫgъ*, **trǫga*), либо этимологически правильно (как **tǫrgъ*, **tǫrga*). Только древнерусские рукописи XI в. дают еще два типа написаний, не известных старославянским оригиналам: с редуцированными по обе стороны плавного (как **tǫrǫgъ*, **tǫrǫga*) или с надстрочным знаком на месте одного из редуцированных (типа **t'ǫrgъ*, **t'ǫrgъ*). Эти «русские» написания в рукописях XI в. составляют иногда большинство от употреблений сочетаний типа **tǫrt* (ср.: ПМХI — 7%, ОЕ1056 — 37%, М97 — 54%, М96 — 91%, ЧПХI — 84%, АЕ1092 — 98%). Таких написаний меньше в непосредственных копиях с южнославянских оригиналов (например, в И73 двуеровые написания встречаются только 51 раз), они уменьшаются к началу XII в. (в ЕКХII такие написания составляют только 5,4%), а затем до XIII в. сохраняются только в северных рукописях, иногда уже и в таких, которые отражают проявившиеся сильные ⟨ъ, ь⟩ (МЕ1215, ЖН1219 и др.).

Фонетический характер редуцированных в написаниях типа *жьрътва*, *мьрътвъ* подтверждается их последующим изменением во второе полногласие (параллельно общерусскому первому полногласию; см. § 71) и их относительной независимостью друг от друга, но влиянием со стороны последующего согласного. Ср. написания типа *жьръзнавахъ*, *мьрътвыхъ*, *чьтвьрътое* в МЕ1215; *дьръзновении*, *мьрътвыхъ*, *отвьръста* в ЖН1219 с изменением ⟨ъ ≥ ь⟩ перед твердым зубным, подобно такому же изменению в словах *вьдова ≥ въдова*, *дьска ≥ дъска* и др. Наоборот, в положении перед губными и заднеязычными второй ⟨ъ⟩ сохранялся настолько прочно, что остался и в архаическом произношении слов типа *верх* [в'ер'х], *первый* [п'ер'вѣй], *сѣрп* [с'ер'п] (ср.: [д'ерз]кий, *жѣртѣ* [жѣртѣ]). В рукописях второй (новый) ⟨ъ⟩ или ⟨ь⟩ мог чередоваться с надстрочным знаком, который с XI в. стал передавать нефонематическую гласность в слоге, а в рукописях XII — начала XIII в. в конце строки при переносе писцы иногда вообще не обозначали новые ⟨ъ, ь⟩; ср.: *вьр/ху*, *мьр/твыхъ*, *отвьр/зъ*, в МЕ1215;

в Муз. XII такие написания составляют 22% всех написаний типа **tǫrt* при переносе, много их в ЧСХ II, ЖН 1219 и других рукописях до середины XIII в. Это показывает, что возникающие ⟨ъ, ь⟩ не имели фонематического значения и потому могли варьировать. Плавные ⟨л, р⟩ сохраняли свои фонематические свойства полугласного (глайда), выступая в двух позиционных вариантах — этого требовал еще действующий закон открытого слога. В данном случае неважно, был ли сонант слоговым плавным, как считают одни ученые, или возле плавного возникал гласный призвук, как полагают другие. Уже по своему происхождению ⟨л, р⟩ в подобных сочетаниях не могли быть фонематически слоговыми, т. е. гласными, потому что восходят к старым сочетаниям типа **trt*, **tlt* со слоговыми плавными.

§ 20. Кроме фонетических и акцентологических условий употребления ⟨ъ, ь⟩ существовали еще морфологические причины, связывавшие активность редуцированных. Одна из них указана выше (см. § 8): морфологически ⟨ъ, ь⟩ могли иметь одно значение, выступая в некоторых морфемах как варианты (особенно часто как варианты флексий).

Другая причина связана с разнородностью собственно фонетических позиций. Соединяясь с другими фонемами в тексте, функционально одна и та же фонема является одновременно структурной единицей и словоформы, и морфемы, т. е. может находиться одновременно и в слабой, и в сильной позиции. Если сравнить ⟨ъ⟩ в морфемах *мън(ъ)*, *мъних(а)*, *мъног(о)* и *мъх(а)*, окажется, что их функциональная ценность неодинакова. В *мъх(а)* ⟨ъ⟩ важнее, так как он включается в цепочку словоформ этого слова с возможным появлением сильного ⟨ъ⟩ (ср. *мъхъ*). В *мън(ъ)*, *мъних(а)*, *мъног(о)* редуцированный между сонантами ни при каких изменениях слова не будет чередоваться с сильным ⟨ъ⟩. В таких корнях ⟨ъ, ь⟩ являются слабыми не только в составе *с л о в о ф о р м*, но и в составе *с л о в а*; с функциональной точки зрения они абсолютно слабые, морфологически изолированные. В данных сочетаниях фонем они не играют никакой морфологической роли; являясь фонетическими единицами, они не имеют морфологического значения. Поэтому в изолированной позиции скорее можно ожидать фонетического изменения, поскольку на какое-то время состав фонем выходит из-под регулирующего

воздействия морфологических факторов. В древнерусском языке изолированная позиция гласных связана с постоянным отсутствием ударения на данном слоге, но особенно важно отличие изолированной позиции от слабой для последующих изменений редуцированных. Это уменьшало различительные возможности редуцированных вообще, делало их менее самостоятельными по отношению к прочим гласным в системе вокализма.

§ 21. Из других гласных наибольшую позиционную дробность имели носовые. Некоторые ученые вообще предполагали, что самостоятельных носовых гласных (типа современных французских носовых) у славян никогда не было, а было обычно сочетание типа $\langle o + m \rangle$.

Сложность в толковании носовых гласных определяется несоответствием между фонетическими и морфологическими их характеристиками. В соответствии с законом открытого слога фонетическое членение давало $[*pa-\check{c}'\text{ь}^n-ti]$ и $[*pa-\check{c}'\text{ь}-po^n]$ (*начѣти* и *начьнѣ*), а не $[*pa-\check{c}'\text{ь}p-o^n]$ — морфологическое членение. Таким образом, требуется соотнести $[\check{c}'\text{ь}^n]$ (*чѣ*) и $[\check{c}'\text{ь}]$ (также *чѣ*). Только общность морфемы, т. е. собственно функция фонемы, объединяет $[\text{ь}^n]$ и $[n]$ (или $[\text{e}^n]$ и $[\text{ь}n]$), потому что фонетически первое из них входит в один слог ($\langle \text{е} \rangle$), а второе — в два ($\langle \text{е} + n \rangle$). Несовпадение слабой и изолированной позиции у редуцированных дало нам основание говорить о функционально слабых $\langle \text{ь}, \text{ь} \rangle$. То же следует повторить и относительно носовых, но здесь положение сложнее. Чередование носовых гласных иногда приводит к разрыву морфемы на два фонетических слога, но сам носовой как самостоятельная фонема в границах словоформы и слова остается одним и тем же. Происходит усложнение синтагматической системы в языке, для которого слог столь же важен в формальном отношении, как и морфема в семантическом.

Носовые возникали на месте самых различных сочетаний гласных с $\langle m, n \rangle$, в том числе и сочетания $\langle i + n \rangle$ перед заднеязычными, но только в заимствованных словах (ср. *кѣнѣзь* < **kuning-*). В сочетаниях с гласным верхнего подъема не все говоры одинаково представляли его рефлекс — носовой гласный, ср. также и в славянском суффиксе *-ин* перед $\langle k \rangle$, в котором образование носового оказалось возможным в одних говорах (*заиць* <

< *zājinkū, мѣсяць < *mēsinkū), но недопустимым в других (как в некоторых архаических русских с произношением *заяк*, *месик*, где данные сочетания изменились обычным образом — с устранением ⟨н⟩; ср.: русск. *жила*, лит. *gỹnsla*; русск. *гнида*, лит. *glinda*; русск. *лыко*, лит. *lũnkas*). Таким образом, самые различные сочетания гласных и в самых разных фонетических условиях привели к возникновению всего трех фонемных единиц: ⟨е, ѳ, ѳ̣⟩. Совпадение множества фонетически сходных носовых гласных в ограниченном числе фонемных единиц подтверждает их фонематический статус; впоследствии в славянских языках все три изменялись различным образом.

Фонематическая слабость носовых гласных определялась и тем, что они могли употребляться только после определенных согласных: ⟨ѳ̣⟩ после палатального, ⟨е⟩ после палатализованного и палатального, ⟨ѳ⟩ после велярного. Первая фонема была ограничена и функционально: встречалась в определенных окончаниях и морфологически дублировала ⟨ѳ⟩; ср.: в винительном падеже единственного числа ā-основ: *горѣж*, *землѣж*, (т. е. ⟨ѳ, ѳ̣⟩), но в 1-м лице единственного числа настоящего времени глаголов 3-го и 4-го классов: *знаѣж*, *хвалѣж*, (⟨ѳ̣⟩), в творительном падеже единственного числа ā-основ: *женоѣж*, *тоѣж* (также только ⟨ѳ̣⟩). В 3-м лице множественного числа настоящего времени глаголов 3-го класса: *знаѣтъж*, но у глаголов 4-го класса *хвалѣтъ* (ср. в формах действительных причастий настоящего времени: *знаѣщѣ* — *знаѣл*, т. е. уже чередование ⟨ѳ̣⟩ не с ⟨ѳ⟩, а с ⟨е⟩).

Неравноценность носовых гласных заключается в том, что фонема ⟨е⟩ выступала в составе словоформ, но в морфеме могла чередоваться с ⟨ѳ̣⟩. Фонема ⟨ѳ̣⟩ вообще была функционально ограничена флексиями, и только фонема ⟨ѳ⟩ была сильной в общем ряду носовых гласных фонем.

Состав и система согласных фонем

§ 22. После всех изменений балто-славянского и праславянского языков к концу праславянского периода образовалась следующая система согласных фонем:

Губные		Язычные			
		передние	средние		задние
			неаффрикаты	аффрикаты	
шумные	⟨б⟩, ⟨п⟩	⟨л⟩, ⟨т⟩ ⟨з⟩, ⟨с⟩	⟨з″, с″⟩ ⟨ж″, ш″⟩	⟨ц″⟩ ⟨ш″ч″⟩, ⟨ч″⟩, ⟨ж″дж″⟩	⟨г, к⟩ ⟨х⟩ (⟨γ⟩)
гладкие	⟨м⟩ ⟨ц⟩	⟨н⟩ ⟨р⟩ ⟨л⟩	⟨н″⟩ ⟨р″⟩ ⟨л″⟩		

В полном наборе можно было бы ожидать, таким образом, 25 согласных фонем, однако на самом деле ни в одном праславянском диалекте такая полная система не была представлена. Отличие консонантной системы от системы вокализма заключалось в возможности иметь диалектные варианты в составе и распределении фонем: поскольку в праславянском языке основным элементом слога являлся гласный (и его признаки), то свободное варьирование фонем допускалось только у согласных. Наиболее древние диалектные особенности праславянского языка связаны именно с согласными.

Как и в случае с гласными, здесь также можно установить активные типы противопоставлений, важные для системы фонемы и фонемы, функционально ограниченные. Ср. следующий ряд словоформ с выделением согласного в сильной позиции — перед ⟨у⟩: *боудѣ, поудѣ, ⟨па⟩гоубѣ, доухѣ, зоудѣ, жоукѣ (жюкѣ), коутѣ, лоубѣ, моутѣ, ноутѣ, роудѣ, соудѣ* ('сосуд'), *тоукѣ, хоудѣ, чоудѣ (чюдѣ), шоутѣ (шютѣ), щюдѣ, лютѣ, рютѣ, нюхѣ*, которые противопоставлены согласными ⟨б, п, г, д, з, ж″, к, л, м, н, р, с, т, х, ч″, ш″, ш″ч″, л″, р″, н″⟩. Из 25 согласных фонем 20 представлены в нашем ряду, остальные не только в начале слова, но и вообще в начале корневой морфемы и слова встречались очень редко. Таким образом, ⟨ц, з″, с″, ц″⟩ и аффриката ⟨ж″дж″⟩ являлись функционально слабыми фонемами.

§ 23. Дифференциальные признаки, различавшие эти фонемы, очень трудно определить именно по той причине, что впоследствии консонантизм в корне изменил фонемные признаки. Довольно точно выделяя исходный состав согласных фонем, мы не всегда точно определяем их систему. В этом смысле важны косвенные данные: система буквенных обозначений в средневековых грамматиках, фонетика заимствований, результаты предшествующих и последующих изменений консонантной системы.

Древнеславянские книжники, говоря о согласных буквах, имеют в виду их звучание, т. е. ориентируют на существенные по различиям фонемные признаки. Отсюда, между прочим, и тщательно разработанные названия для разных типов фрикативных согласных: «натужные» ('стесненные'), «частые» [ф, х], «сипавые» ('свистящие') [з, с, ц], «шепетливые» ('шипящие') [ж, ш, ч], «свибливые» ('шепелявые') [в, ф]. В этих обозначениях [в] двузачно, потому что, подобно взрывным, оно является «средним», но соотносится с «частым» [ф] (а «длительность» [ф] объединяет его с [х]). Из аффрикат показаны «сугубые» ('удвоенные') щ, ξ, ψ, т. е. [ш"ч"], кс, пс], иногда еще [ж, з], но в этом случае, может быть, имеются в виду сочетания [ж"д'ж"] и [д'з"], т. е. также аффрикаты.

Четко выделяются все «немые», т. е. неопределенные по качеству полугласные [л, м, н, р]; [ј] и [в] сюда не включаются. Однако [л, р] входят в противопоставление по голосу, а [м, н] — нет, эти последние называются «особными» ('отдельными'). Глайды и аффрикаты объединяет то, что и те и другие являются «полугласными», т. е., очевидно, длительными, тогда как все остальные — «несогласные».

Те согласные, которые в современных славянских языках включаются в противопоставления по звонкости — глухости, для древних книжников являлись «сходительными» ('подобными'), но они вступали в три разные оппозиции:

а) чистые (ясные)	[б]	[в]	[г]	[д]	[ж]	[з]	[ц]	
• тусклые (неопределенные)	[п]	[ф]	[х]	[т]	[ш]	[с]	[ч]	
б) гласные (звучные)	[б]	[в]	[г]	[д]	[ж]	[з]	[ц]	[л]
согласные (подобные)	[п]	[ф]	[х]	[т]	[ш]	[с]	[ч]	[р]
в) грубые (низкие)				[б]	[в]	[г]	[д]	≠
громкие, тонкие								
(громкие, высокие)				[п]	≠	[к]	[т]	[ч/ц]

Понятие, соответствовавшее нашему звонкий — глухой, одинаково соотносимо с рядами «а» и «б», причем верхние ряды в обеих группах включают, очевидно, маркированные фонемы — чистые, звучные. В этом случае [в] противопоставлено [ф], а [г] — [х]. Звук [к] имеет свой «глухой» вариант [щ]. Аффрикаты [ц, ч] и сонанты [л, р] так же противопоставлены друг другу, как звонкий глухому. Такое противопоставление неясно, кроме того, что [г] в этой системе является фрикативным, и потому [к] вступает в оппозицию по данному признаку к другому согласному ([ш"ч"]). Признак звонкости понимается здесь несколько иначе, чем понимаем его мы.

В оппозиции «грубые — тонкие» маркирован скорее всего нижний ряд согласных — высокие, н а п р я ж е н н ы е согласные. По этому признаку аффрикаты [ц, ч] одинаково маркированы и не противопоставлены друг другу. В этом смысле [в] не имеет коррелята: [ф] не может быть названо напряженным (высоким); не может быть напряженным и [х]: в корреляции к [г] стоит [к], что также указывает на особую древность этих оппозиций. Вряд ли это другая система, в которой представлено уже взрывное (не фрикативное) [г], скорее всего, в противопоставлении [г—х] следует видеть не признак голоса, а какой-то иной признак, который должен был бы объединять и противопоставления <ц, к, л> — <ч, щ, р>. Важно отметить, что в корреляцию ряда «в» не включаются фрикативные согласные и сонанты, а также [ф]. Противопоставление по палатальности никак не отмечено, отсутствует буква для обозначения [j].

§ 24. Фонетика древнейших заимствований также показательна. Полное единство обозначений мы имеем в передаче сонантов; строго различаются также взрывные и невзрывные. Аффрикаты передаются не всеми языками, но отчасти это связано с фонологическими системами заимствующих языков. Важно, что некоторые языки не различают <ч> и <ц>, а <ј> и <ж"д'ж"> не отражены в заимствованиях вовсе.

Там, где это допускалось системой заимствующего языка, <л, н, ж, ш, ч> передавались как среднеязычные (в литовском, отчасти в греческом и румынском языках). Палатализованность же согласных никогда не передавалась при заимствовании слов; не отражена палатальность <р">.

Противопоставление по звонкости — глухости особенно выразительно для фрикативных, у взрывных же шумных согласных наблюдается смешение глухих со звонкими (в скандинавских заимствованиях оно не очень выразительно из-за ограниченности слов). Обычно глухие выступают на месте звонких (но не наоборот) и притом не только в финских языках (что было бы понятно, учитывая консонантную систему прафинского языка), но и в славянских заимствованиях, попавших в латышский, греческий и скандинавские языки. Из этого можно было бы сделать вывод, что взрывные шумные согласные и в самом праславянском языке противопоставлялись по признаку, не связанному с участием голоса.

§ 25. Данные древних грамматических сочинений и фонетики заимствований позволяют установить различие между: 1) сонантами и несонантами, 2) взрывными и невзрывными, 3) аффрикатами и неаффрикатами, 4) среднеязычными и несреднеязычными, 5) звонкими и незвонкими (у фрикативных) и напряженными и ненапряженными (у взрывных согласных).

По существу, пяти дифференциальных признаков достаточно для противопоставления 25 согласных фонем, однако в нашем перечне необходимо произвести некоторые уточнения. Признаки 2 и 3 могли зависеть друг от друга — в обоих случаях это различие по способу образования согласного. Однако аффрикаты в древнеславянской системе представляли собой новый тип согласного. Признак 4 следовало бы детализировать за счет противопоставления среднеязычных губным, переднеязычным и заднеязычным — это противопоставление по месту образования согласного (см. § 26). Следовало бы различать и другие признаки согласных: носовой (<м, н, н'>) — неносовой (все остальные), лабиовелярный (губные и заднеязычные) — нелабиовелярный (все остальные) и т. д. Однако эти признаки не были фонемными в позднем праславянском языке, они пересекались с аналогичными признаками у гласных (носовые, лабиализованные), с которыми согласные могли встречаться в пределах одного слога.

Распределение согласных фонем

§ 26. При переходе от праславянской системы к древнерусской появилось множество типов варьирования согласных, в результате чего возникали и древнейшие рас-

хождения по говорам. Нам предстоит обсудить фонематический статус подвергшихся изменению согласных и, по возможности, уточнить признаки их различия.

Та фонема <л>, которая образовалась после губных из <ј> в сочетаниях типа *ловлю, ломлю, люблю, терплю*, долгое время фонетически могла представлять собой именно <ј>, потому что <л", ј> одинаково являлись среднеязычными палатальными с общими прочими признаками; то же случилось и в сочетании <л> с последующим <ј> (ср. *волја* $\geq$ *вол"а*). Уже в старославянском языке могла происходить утрата <л">, фонематически равного <ј> (ср. написания типа *земл, корабь*); его нет и в тех славянских языках, которые, как болгарский, со временем фонологизировали <ј> при отсутствии корреляции согласных по твердости — мягкости. В древнерусских рукописях утрата <л"> обнаруживается только в сочетании с <в> (т. е. фонетически [ц]). Ср.: 1) *Жидьслаличь, присталиевати* в Новг. гр. XIII; *Горислаличь, Мстислали, на Яколи улицы, Ярославли* в СНІЛ; *Нороляни* ('жители Нарвы'), *черленъ* в ПІЛ; *Нороляне, посталыше* в ПІІЛ, в псковских рукописях лексикализованные формы такого рода сохранялись вплоть до XV в.; 2) *извьчеся* (рядом — *извьчеса*), *оумрьцвъ, сумзвеню* в ПМХІ; *оумрьцвемъ, оумрьцвение* в М95; *оскърбщими, оумрьцвение* в ЯПХІІ и др. Некоторые колебания могли появляться в результате словообразовательного варьирования (ср. чередование *земльнъ* — *земьнъ* в М95 и в других древних рукописях) и потому не отражают исконного фонетического изменения.

Фонетические условия изменения в сочетании [вл"] выявляются из приведенных примеров: между гласными [вл" > л'], после «длительного» согласного, наоборот, [вл" > в]. В сочетании [вл"] оказались соединенными два максимально противоположных друг другу по ряду признаков сонанта — лабиовелярный и палатальный. Фонетически приспособиться друг к другу, как того требовала тенденция к слоговому сингармонизму, они не могли, поэтому начались изменения, обусловленные окружающими фонемами. Характер изменения показывает, что <в> обладало большей слоговостью, чем <л"> (ибо сохранялось в сочетании [звл"], тогда как <л"> всегда начинает слог), и в отличие от <л"> никогда не могло быть палатальным. В отличие от <л"> фонема <л> характеризовалась максимальной степенью лабиовелярности;

на это указывают диалектные изменения позднего праславянского периода, например, лабиовеляризирующее воздействие ⟨л⟩ на соседний гласный в словах типа *вълкѣ* (лит. *vilkas*), *молоко* < **melko* или изменение согласного в соседстве с ⟨л⟩, как пск. *егла* < **edla* ('ель') или *прокли* < **pročilli*.

§ 27. В праславянском языке в соответствии с тенденцией к открытому слогу произошло несколько значительных изменений, уменьшивших употребительность ⟨j⟩ и в речи. Каждое [j] в конце слога после согласного утратилось, приведя к возникновению новых монофтонгов, например в известных изменениях [ej > i, aj > ě] и т. д. Каждый ⟨j⟩ после согласного в конце слога также изменился, что привело к образованию нескольких среднеязычных, вступивших в конкуренцию с ⟨j⟩ (ср. ⟨л + j ≥ л"⟩). Пока ⟨л", н"⟩ и др. входят в систему как среднеязычные, единственная фонема, для которой ее среднеязычное образование представляет, по существу, только один признак при отсутствии каких-либо других признаков, а именно ⟨j⟩, в данной системе не может быть самостоятельной фонемой.

После всех указанных преобразований ⟨j⟩ оказался возможным только перед гласными, но и тут произошло несколько упрощений системы (см. § 13), после чего ⟨j⟩ стал употребляться только перед некоторыми гласными, т. е. стал выступать в функции протетического согласного, фонетической наставки, в соответствии с законом открытого слога создавая прикрытый слог (ср. **ědъ* > **jě/dъ*).

Дефонологизация ⟨j⟩, т. е. низведение прежде самостоятельной фонемы на уровень фонетической наставки, сопровождалась аналогичными изменениями ⟨u⟩. Дело в том, что в праславянском языке все полугласные имели морфологическое значение, некоторые даже по несколько значений; ср.: ⟨м⟩ как суффикс причастия, ⟨р⟩ как именной суффикс, ⟨л, н⟩ — суффиксы имени и причастия. В отличие от них ⟨j⟩ и ⟨u⟩ сами по себе, без сопровождения гласных, ни в формо-, ни в словообразовательных процессах не участвовали, их фонематическая функция была ослабленной, они находились, следовательно, в изолированной позиции. У ⟨u⟩ это положение было впоследствии ликвидировано (ср. форму причастия *давъ*, в которой в результате переразложения ⟨в⟩ осознается самостоятельным суффиксальным элементом), особенно после

падения редуцированных. У ⟨j⟩ этого не случилось даже после утраты ⟨ъ, ь⟩, на что указывают русские рукописи XII—XIV вв.; ср.: *ваше державъ, всѣ Палестинѣ, старъшиною* в ЖСХІІІ (такие же пропуски конечного *и* в Памт.ХІІ, ЖН1219, Пр.1383, в псковских, новгородских и московских рукописях XIV и даже XV вв.). Особенно показательны написания типа *възвѣща* вместо *възвѣщаи, оуботеса, разоумѣ-те* в форме повелительного наклонения. Именно здесь после падения редуцированных можно было бы ожидать «освобождения» ⟨j⟩ из фонетического контекста и использования его в качестве самостоятельной фонемы и одновременно морфемы (в'ещ'а-йѣ).

Морфологическая неопределенность ⟨j⟩ привела к его фонетической неустойчивости. Даже как протетический согласный он мог употребляться не перед всеми гласными и не во всех позициях, например никогда не употреблялся как протеза к лабиализованному гласному.

§ 28. Несколько замечаний требует фонема ⟨р⟩. Как и ⟨л⟩, она является полугласной; ⟨р⟩ выделяется также неспособностью к употреблению в сочетаниях с фрикативными; например, сочетания [зр, ср] в древнерусских рукописях почти последовательно передаются как *здр, стр*; ср.: *въздрадовася, издризы, издрюкы* в М96. Двух рядом стоящих «длительных» гласных не могло быть в фонетическом потоке, они разграничивались вставочными ⟨д, т⟩, вносившими в сочетание взрывной элемент. Наоборот, ⟨м, н⟩ в разрядке взрывными не нуждались, более того, они даже устраняли соседние им взрывные согласные, как это и требовалось по закону открытого слога; ср.: *горазнѣе* < *gorazdněje, *семь* < *sedmь уже в ОЕ1056. Сочетаемостью со взрывными все прежние глайды оказываются разбитыми на три группы: ⟨ц, і (j)⟩ — всегда полугласные, ⟨л, р⟩ — позиционно полугласные, ⟨м, н⟩ никогда полугласными не выступают.

Второе отличие ⟨р⟩ от прочих глайдов заключается в том, что древнерусские источники очень редко отражают палатальность «мягкого» ⟨р⟩ (ср. написания типа *вола, воня* при *морѣ* в АЕ1092 и других рукописях XI—XII вв.). Можно думать, что вторичное смягчение ⟨р⟩ происходило одновременно с фонологизацией мягкости у ⟨л, н⟩ (см. § 50), оно и выражается столь же непосредственно, как и мягкость палатальных ⟨з, с⟩, не пред-

ставленных на севере (см. § 33). Судя по западнославянской шепелявости [p"], у этого звука рано устранилась средняяязычная артикуляция путем изменения самого качества согласного.

Общий смысл всех праславянских изменений фонем <л, н, р> в сочетании с <ј> заключался в том, что возникло новое противопоставление среднеязычных <л", н"> переднеязычным <л, н> (с их вариантами в положении перед гласными переднего ряда — палатализованными [л, н]), в чем <р>, видимо, не участвовало, поскольку фонетическое качество <р"> приводило его к немедленному совпадению с [p] или с [p']; в разных славянских языках это и отразилось либо в появлении фрикативного <р"> (как в западнославянских языках), либо в отвердении [p'] (как в белорусском); ср.: русск. *река* [p'eká], польск. *rzeka*, бел. *рака́*.

§ 29. До конца XII в. нет надежных примеров смешения <в> с <у>, которое указывало бы на изменение качества губно-губного [ɥ] в губно-зубное [ʋ]. Таким образом, до падения редуцированных <ɥ> сохраняло все качества сонанта. В древнерусской консонантной системе не было также фонемы <ф>, хотя в книжном церковнославянском произношении некоторые заимствованные слова могли уже произноситься с <ф>, на письме они передавались буквами ф («ферт») и ѳ («фита»); ср.: *фараонъ*, *фарисеи*, *философъ* в ГБХI на месте гр. *faraõb*, *farisaioi*, *filósofos*; *фимиямъ* в И73 при гр. *thymíama*; *аѳира* ('кисель') в ЯПХII при гр. *athêra* и др. Первоначально эти разные типы [ф] могли различаться и в славянском произношении, они даже обозначались на письме разными буквами, но затем обобщалось основное качество [f] — губной фрикативный глухой согласный, а не зубной его эквивалент [th]. По сравнению с ранним праславянским периодом, когда греческое [f] передавалось в заимствованных словах согласным [p] (ср.: русск. *пароусъ*, гр. *fáros* — 'полотно'), в овладении новой артикуляцией произошел несомненный сдвиг. Сам факт, что греческим разным фонемам в праславянском языке соответствует одна звуковая единица, показывает, что эта единица существенно важна для славянской системы и включает в себя признаки, которые в греческом входили в разные фонемы. Постепенно, от слова к слову при заимствовании увеличивается число

форм с новым фрикативным согласным, однако в систему фонемных противопоставлений [ф] еще не включается. Следовательно, этот звук не выработал еще собственного фонемного признака, он употребляется только в заимствованной лексике и стилистически ограничен, всегда встречается в положении перед гласными, не имеет морфологической функции и не вступает в морфонологические чередования с другими согласными той же системы.

§ 30. В сложном сочетании согласных на стыке морфем фонема ⟨г⟩ могла устраняться; ср. примеры в рукописях, написанных не на севере: *разньѡавѣшѣся* в И73; *бѣство* в ОЕ1056; *и разньѡавѣся изна (изгѣна)* в ЖСХІІІ; отдельные примеры встречаются в АЕ1092, ЗХІІ, ЖН1219 и др. до XIV в. (*разньѡавѣся* в ПА1307). Такие написания не доказывают еще изменения ⟨г > γ⟩, потому что и взрывное ⟨г⟩ могло устраняться в сложных консонантных группах. Сочетание [гн] вообще оказывалось странным, оно развивало даже неорганическую палатальность ⟨н⟩, ибо фонетические условия смягчения не всегда были; ср. последовательное обозначение мягкости в словах типа *гньѡѡъ*, *гньити*, *огнь* в рукописях XI в. (ГБХІ, ГЕ1144 и др.), хотя по происхождению ⟨н⟩ в этих словах является твердым (ср.: сербск. *гньѣти*, латышск. *gnīde* — 'потертая кожа'; сербск. *огња*, лит. *ugnis*). Появление ⟨г⟩ между двумя зубными, между велярным [з] и палатальным [н], способствовало утрате ⟨г⟩. Только утратой ⟨г⟩ можно объяснить и раннюю ассимиляцию по мягкости в формах *ражньѡавѡъ же ся*, *ражньѡався* в АЕ 1092; *ражньѡавѡхѡся* в И73, ЖСХІІІ, как и в *бежѣго* в И73, АЕ1092 и др.

До XIII в. нет надежных примеров произношения [γ] на месте взрывного ⟨г⟩. *Ана рѣина* в надписи 1068 г. передает французское произношение слова *regina* ('королева'); *своего осподаря* в надписи на чаре (ок. 1151), как и написание *Boulneprax* (название днепровского порога Вольный прагъ) в записи Константина Багрянородного (сер. X в.) могут передавать церковное или «славянское» произношение этих форм. Фрикативное [γ], а затем и фарингальное [h] на месте ⟨г⟩ отражаются лишь с XIII в. в написаниях типа *г Києву* или *х Києву*, в смешениях типа *бехлыхъ* ('беглых') и *гощеши* ('хощеши') в южнорусских рукописях. Связано это было с характером морфонологического чередования, сохранявшего свой

древнеславянский тип; ср.: *блѣха* — *блѣшка* — *блѣси* с чередованием фрикативных <х/ш/с> в корневой морфеме, но *нога* — *ножька* — *нози* с пересечением взрывного <г> с фрикативными <ж — з> в одной и той же морфеме; отсюда и замещение взрывного на фрикативный с образованием устойчивого по способу образования ряда <γ — ж — з>. В основной массе собственно русских говоров такое чередование не сохранилось, почему и не развились изменения фонемы <г>. Но северо-восточные русские рукописи, например Лавр.1377, начало такого изменения отражают. Дело в том, что после утраты редуцированных такое изменение начинало было развиваться в говорах, которые раньше всего освоили корреляцию согласных по твердости — мягкости и по звонкости — глухости (см. § 81, 88), ибо преобразование <г > γ приводило не только к изменению способа артикуляции. Перераспределялись и другие фонемные признаки, в частности голоса: фрикативные противопоставлены по звонкости — глухости (следовательно, имеется оппозиция (γ—х)), а для взрывных это был второстепенный признак (см. § 36); следовательно, в оппозиции <г—к> имелось только противопоставление по напряженности. Само изменение впоследствии стало диалектным.

§ 31. С тем же изменением связаны расхождения по говорам в результате третьей палатализации заднеязычных согласных. И древнерусские рукописи, и современные северные говоры указывают на то, что в северных говорах процесс третьей палатализации не был завершен, и потому фонемы <з", с", ц"> не вошли в консонантную систему древнего северного наречия.

Особенно четко отсутствие третьей палатализации отражено в лексике, мало подвергшейся аналогическим воздействиям со стороны литературного церковнославянского или инодиалектного произношения (служебные и бытовые слова, местные заимствования, имена собственные). Например, местоимение *въсь* в древненовгородских рукописях передается с исконным <х>; ср.: *вхего*, *вхемо* в Бер. гр. XII; *вхыхѣ* в Бер. гр. XIV; *вхоу* в XII 92; *вхе полѣ* (*въсь пѣлѣ*) в СНЛ и др. Не отражают палатализации конкретно-бытовые (или, наоборот, сакральнорелигиозные) слова, такие, как *польга* (ст.-сл. *польза*), *стъга* (и *зга*; ср.; ст.-сл. *стъза*, цсл. *стеязя*), *яга* (ст.-сл. *ѡза*, *ѡзя*), севернорусские заимствования из других

языков типа *варягъ*, *кѣлбѣгъ*, *щѣлѣгъ* (др.-ск. *varingr*, *kylfingr*; готск. *skillings*), которые в южных диалектах дали результат третьей палатализации: ср. *скѣлѣзь* в СЕХІІ, в РК1284 (переписанной с болгарского оригинала) и др., но др.-русс. *щѣлѣгъ* в ПВЛ под 885, 964 гг. Контаминация этих форм в АЕ1092 в *стѣлѣзь* (*стѣлѣзь* — *стѣлѣгъ*) указывает на начавшееся распространение церковнославянского варианта и на севере; впоследствии это привело к смещению палатального ⟨з⟩ с велярным ⟨з⟩ (ср. частые в русских рукописях XII—XIII в. колебания в написаниях *княза* — *князя*, *князоу* — *князю*). Результат выравнивания форм мог расходиться с тем, что стало обычным для литературного языка; например, в новгородском БЗХVI находим *пользя*, *пользю*, но *сте́за*, *сте́замъ* (литер. *польза*, но *сте́зя*); но вместе с тем и отсутствие результатов второй палатализации заднеязычных: *Вакхе*, *Дѣмѣкъ* в М96; *на Волхевци* в Х1192; *Борьке* в ДК1270; *въ Онпѣ* в Уставе Владимира (XIV в.) в НК1282; *двѣ долги* в Новг. гр. 1305; *ко Оуике*, *къ Коулотѣкъ* и *Лоучѣке*, *къ Лоукѣ*, *от Дрочке*, *по великъ д (ни)*, *у влѣкъ* в Бер. гр. XI—XII. Современные диалектные материалы показывают, что следов второй палатализации нет и в ряде корневых морфем, которые сохранились в своих конкретных, иногда этнографических значениях и потому остались в стороне от нивелирующего воздействия литературных форм; ср.: диал. *кѣвка* ('шпулька'), *кедилка* ('цедилка'), *кежь* ('процеженный раствор овса'), *кеп* ('било'), также *квет*, *квел* (*кѣвл* (также и в диалектном произношении: *квитки*, *кивцы*)) и русские литературные их соответствия — *цѣвлѣ*, *цѣплѣ*, *цѣвка*, *цѣдра*, *цѣжь*, *цѣплѣ*.

Имеется, по крайней мере, одна фонетическая позиция, в которой уже древнейшие русские рукописи отражают отсутствие второй палатализации: в положении после ⟨з, с⟩ перед ⟨и, ѣ⟩; ср.: *пасхѣ* в ОЕ1056, ЮЕ1120; *въ влѣскѣи дѣи*, *золотѣ женѣскѣ* в И73; *крѣстьянскѣи цѣи* в М95; *воскѣ* в ГБХІ; *дѣскѣ* в ЖКХІ; *миръскѣи* в ЯПХІІ; *розѣ* в С1156; *нѣбѣскѣи*, *члѣбскѣи* в ГЕ1144; *въ миръскѣи* в ЕКХІІ; *въ арменѣскѣи* (там же и другие написания), *въ Пинѣскѣ*, *въ чѣрнѣчѣскѣи* в УСХІІ; *прѣрѣскѣи* в ЗХІІ; *плѣтѣскѣи* ХАХІІ; *скитѣскѣи* в ЖСХІІІ и др., также и в корне слова, хотя примеры сохранились от более позднего времени (ранние списки

этих текстов утрачены): *раскѣпалася* в Гр.ок.1350; *проскѣпомѣ* в Лавр.1377; *оскѣпомѣ*, *оскѣпищу* ('древко копья') в Ип.1425; *росквѣлю* в Пал.1494 (ср. в Сл.ПИ: *еста* начала *половецкую* *землю* *мечи* *цѣплити*). Сочетание с предшествующим зубным препятствовало последовательному изменению <г, к, х> перед передними <ѣ, и>, не давая развиться свистящим <з", с", ц">. Действительно, и в древнерусских рукописях можно найти вынесенные из старославянских и церковнославянских оригиналов написания типа (в И73) *въ Дамасцѣ*, *иоудѣисци*, *римѣсци*, *хероувимѣсцѣ*, но только в заимствованной лексике, потому что славянские слова пишутся иначе: *звѣрьсти*, *людѣсти*, *львовѣсти*, *творѣсти*, *члѣсти*, (а также *женѣскѣ*, *члѣскѣ*). В XII в. игумен Даниил в своем *Хождении* *ст* употреблял лишь в заимствованной лексике (*въ градѣ Кесариистѣмѣ*, *о горѣ Ливанѣсти* и др.), но для знакомых славянских слов он использует *ск* (*латышѣскѣмѣ*, *роускѣ*) — этот пример подчеркивает постоянное взаимное отталкивание «русского» и «нерусского» лексического материала и связанное с этим различное фонетическое оформление славянских и заимствованных слов.

Из примеров ясно, что у восточных славян (может быть, не на всей территории) возникли условия, препятствовавшие последовательному завершению второй палатализации заднеязычных.

Отсутствие последовательной «свистящей» палатализации привело к тому, что в новгородских рукописях уже с XI в. устраняются и результаты первой палатализации, особенно если они имели место в морфологически проверяемой позиции. Выразительны примеры церковных текстов, в которых подобное «обратное» выравнивание распространялось даже на заимствованные слова, причем в архаической (звательной) форме; ср.: *архистратиже*, *архистратиже*, *Куриаке* при *архистратиѣ*, *архистратиѣ*, *Куриаѣ*, *Куриаѣ* в М95; *Вакхе*, но *Тарахе* (им. п. ед.ч. *Тарахѣ*) в М96. Такое выравнивание вполне закономерно: если рефлексy второй и третьей палатализаций не объединены в общем противопоставлении к прочим вариантам морфологического чередования, то нет, собственно, и самого чередования, во всяком случае, оно оказывается не нагруженным морфологически.

С другой стороны, возможность сочетания заднеязычных с передними <и, ё> приводит к тому, что внешняя аналогия со стороны других форм парадигмы может образовать мягкие заднеязычные также перед прочими гласными фонемами; ср. форму действительного причастия мужского рода *река* в И73, УСХІІ; *вьргаи* в ЕКХІІ и др., но с ХІІІ в. находим *река* в СНІЛ, Ип. 1425; *повьргя* в Новг.гр.1304, Ип.1425 и др. Фонемы <г, к> в приведенных сочетаниях абсолютно безразличны по отношению к следующему гласному, потому что и в древнерусском языке передние гласные не привели к их изменениям в свистящие.

§ 32. Изменения согласных под влиянием <ј> и передних гласных в древнерусском языке привели к следующим общим результатам (цифры обозначают тип палатализации заднеязычных согласных):

	I	II	III	
{(т + ј)} {(к + ј)} {(х + ј)} {(г + ј)} {(д + ј)}	[ч'] [ш'] [ж']	[ц'] [с'] [з']	[ц''] [с''] [з'']	[к] [х] [г]

Во всех славянских языках к X в. завершилась первая палатализация заднеязычных, в результате чего возникло противопоставление шипящих заднеязычным; ср.: *кара* — *чара*, *гарь* — *жаръ* (на месте *kāra* — *kēra*, *garī* — *gēru*). К этому же времени аффрикаты [д'ж', д'з'] изменились уже во фрикативные <ж'', з''>, и в системе сохранились только глухие аффрикаты.

Вторую и третью палатализации объединяет то, что в результате изменения в праславянском языке образовался ряд свистящих согласных различного качества. Фонетически после второй палатализации появились смягченные [з, с, ц], а после третьей — мягкие (палатальные) согласные [з, с, ц]. Впервые на эту разницу указал И. В. Ягич, а затем она была обоснована типологически и исторически. В частности, в ЗЕХІ результат изменения <г> по второй палатализации обозначен буквой «зело» (*Съло*, *Свъзда*), а по третьей — буквой «земля» (*кънѣзь*, *польза*).

Важно также отметить несовпадение условий второй и третьей палатализаций: вторая связана с воздействием гласных <и, ё>; третья никогда не происходила после <ё>.

а после ⟨и⟩ происходила очень непоследовательно, и притом только в определенных суффиксах Ср., например, колебания типа *голубика* — *голубица*, которые распространились со временем только в тех славянских языках, в которых не образовалось противопоставления согласных по твердости — мягкости (в сербском языке и в северных русских говорах). Ср. также суффикс *-иѣ(а)*, в котором подобного изменения вообще не было (*выѣжига*, *вязага*), дифференциацию суффиксов *-ник(ъ)/-ниц(а)*, которые восходят к одному и тому же сочетанию с **ik-*, и т. д. Столь же непоследовательным оказалось изменение в сочетаниях типа **tork-* (*зърцало* — *зъркало*, *мърцати* — *мъркати*); для древнерусского языка характерны именно вторые формы. Следовательно, на севере, где очень рано сформировалось второе полногласие (*зъркало*, *мъркати*), третья палатализация действительно не имела места, ибо в положении после ⟨ь (i)⟩ мы ожидали бы ее рефлексов.

Все изложенные факты заставляют сделать вывод, что северные древнерусские говоры отличались от южных тем, что они не изменяли заднеязычных согласных по третьей палатализации.

С фонологической точки зрения отношение третьей палатализации ко второй такое же, как и отношение изменения ⟨*ẽ* > *ā*⟩ после палатальных к первой палатализации. Первая и вторая палатализации представляют собой чисто фонетические изменения, приспособление артикуляции согласного к следующему гласному в условиях действия слогового сингармонизма. Такое приспособление артикуляции не приводит к возникновению новых фонем, оно вызывает только аллофонное варьирование уже имеющихся в системе фонем. После второй палатализации соотношение между *рука* — *руцѣ* остается неизменным, ⟨*к*⟩ и ⟨*ц'*⟩ — по-прежнему оттенки одной фонемы, отличающейся от фонемы ⟨*ч*⟩. Но последняя и не вступает во внутриморфемные чередования; она обслуживает, может быть, и ту же морфему, но в других парадигмах или изолированных словоформах (ср.: *вѣручити*, *ручька*, *ручьной*), а также *звательную форму в словах типа *отче*, *старче*, которые утратили чередование ⟨*к/ц/ч*⟩ (*старѣць* — *старѣче*).

Третья палатализация — это процесс фонологизации нового ряда свистящих фонем, увеличения их функциональной ценности и образования фонологически сильных

позиций для противопоставления исходным фонемам <г, к, х>. После третьей палатализации <з", с", ц"> становятся возможными перед непередними гласными, тем самым противопоставляясь фонемам <г, к, х>; ср.: *кѣнязя* — *кѣнязю*, *кѣнига* — *кѣнигоу* (т. е. [з'а—га], [з'у—гу]). С фонологической точки зрения неважно, предшествует ли третья палатализация второй или нет, важно только, насколько широко процесс морфологического выравнивания, связанный с действием третьей палатализации, охватил все словоформы, категории слов и морфемы. Действие третьей палатализации подтверждает диахроническую закономерность, согласно которой выравниванию по аналогии подлежит только новая фонема с новым признаком, но не аллофон фонемы.

§ 33. Отношением к третьей палатализации в конечном счете объясняются все расхождения в характере консонантизма древнерусских говоров.

В северных говорах, которые не знали третьей палатализации, свистящие согласные второй палатализации сохранились на уровне оттенков фонем <г, к, х>. Поэтому-то новгородский писец и предпочитает писать *Дѣмѣкъ*, что <ц'> для него — оттенок <к>. В привычных словах он различает диалектный набор фонем, но, сталкиваясь с церковнославянской формой того же слова, вынужден либо изменять фонемный состав церковного слова на свой лад (*вѣсѣ* пишется как *вхоу*), либо механически переносить в свою рукопись написание оригинала.

Продолжительность позиционной неопределенности полумягких <з, с, ц> можно определить еще одним сопоставлением. В большинстве славянских языков праславянские сочетания [dj, tj] совпали со свистящими; особенно это характерно для западнославянских языков, в которых развивалась корреляция согласных по твердости — мягкости. Южнославянские языки либо сохранили исходную аффрикатность сочетаний (ср.: ст.-сл. [жд, шт], болг. [жд, шт]), либо вовсе не изменяли их исходного (среднеязычного) образования (словенск. [č, j], сербск. [с, з], макед. [к, г]), потому что в этих языках не образовалось корреляции согласных по твердости — мягкости и согласные среднего ряда остались без изменения. Все же восточнославянские языки соответствующие сочетания одинаково представляют как <ж", ч">; ср.: ст.-сл. *межда*, др.-русс. *межа*; ст.-сл.

свѣшта, др.-русск. *свѣча*. Фонематическая прикрепленность исходных сочетаний [dj, tj] в древнерусском языке оказалась связанной с результатами первой палатализации. Таким образом, у восточных славян изменение [dj, tj] в [zʹ, cʹ] усилило функциональную ценность фонем <жʹ, чʹ>, потому что к моменту фонемного сближения ряд свистящих был еще либо очень слабым, либо полностью не сформировался как фонематически самостоятельная часть консонантной системы.

§ 34. Между [цʹ] и [зʹ, сʹ] имелось существенное различие. Полумягкие [з, с], возникавшие по второй палатализации, соотносились не только с <х, г> (по происхождению), но и с <з, с> (фонетически). Двойная соотнесенность фрикативных <з, с> обеспечивала большую свободу их проявления, их некоторую отстраненность от <х, г>, особенно на стыках морфем; ср.: *нога — нози, слъза — слъзы* (т. е. [га — зʹи], [за — зы]). Наоборот, аффриката [цʹ] не имела велярного соответствия, поэтому в говорах, не испытавших третьей палатализации, единственно соотносимым с [цʹ] элементом системы оказалась другая аффриката — [чʹ]. Таким образом, в северных говорах возникло совмещение двух аффрикат в одну — образовалось *ч о к а н ь е*, т. е. произношение (и широко распространенное в новгородских рукописях XI в. написание) типа *лице, лича — лично* при *ликъ — лика* (но не *лице — лича*) наряду с *чего, чара* и др. Ни в одной позиции и ни в одной морфеме [чʹ] и [цʹ] не противопоставлялись друг другу, и это способствовало их объединению в общем противопоставлении <к>, т. е. той фонеме, оттенками которой они были в прошлом. Однако <к> — взрывной согласный, тогда как признак аффрикатности требовал более четкого противопоставления [чʹ] и [цʹ] фонеме <к>.

§ 35. Сложно определить фонемный статус тех сочетаний, которые возникли на месте праславянских **skj*, **zgj*, **stj*, **zdj* и **sk*, **zg* перед гласными переднего ряда. В традиционных текстах они передавались буквами *щ* (*шт*) и *жд*: *ищѣжъ, иштѣжъ, щока, дрожidia, дѣждѣ*. Однако за этими буквами скрывалось уже собственно восточнославянское произношение, особенно на севере: с XI в. новгородские рукописи те же сочетания передают буквами *ш*, *жг*. В качестве примера приведем данные МХІ: *беишльныхъ, добролюшье дѣша, ишю медоу, кланюша, питаюшю, полъишъ, пошению* ('пошение'), *про-*

свѣща, свѣщене, соушествоу и др.; также в М95, М97 и др. В тех же рукописях встречаются написания типа *въжгелаете, дѣжгь, ижгенѣте, прѣжажешѣ, пригвож-генѣ, рожгѣ*. Такие примеры есть только в древних северных рукописях до XIII в. (лексикализованные написания отдельных слов типа *дѣжгь* отмечены и позже), при этом выходят за пределы исходных сочетаний типа **sk*, **st*, **zg*, **zd*. Ср.: *ражгизаемѣ* и *ражагаемѣ* с [жж"] на стыке двух морфем *раз-жизаем-* в М96. В южных рукописях на месте таких сочетаний употребляется обычно *жд*; ср.: *иждегоу, ижденоуть, раждешѣти* в И73. Позже эти последние и стали приметой церковнославянского языка русской редакции; ср. обычное для поздних рукописей смешение: *ижденуть — иженоуть — ижь-ноуть, рождѣ — рожѣ* и т. д. в ГЕ1357.

На стыке морфем могли соединяться и глухие согласные; см. многочисленные примеры такого типа: *ищрь-тога, ищезе, ищрьва, ищисти* в М95; *бещадѣ* ('бездетный') в ЮЕ1120; *бештадѣ* в И73; *въщѣто, въщюдимѣся* в УСХII и др. Сочетание [з+ч] передается буквой *щ*, отражая результат полной ассимиляции аффрикате, с вероятным произношением [ш"ч"]. Известно несколько случаев с написанием *щ* на месте [з+ш], но все они сомнительны: *ищрьдѣше* в ОЕ1056; *ищрьди, ищрьлѣ* в ТСХII; также *ращѣбе* в М96 (последнее может быть случайной опiskой), а *ищрьли* в Лавр.1377; *ищрьло* в Гр.1284; *ищрьло, роцло* в Ип.1425 и др. показывают устойчивость передачи именно данного слова.

К середине XII в. эта закономерность утрачена, в результате чего возникают колебания типа *бечиною — бещина, бечисльнѣи — бецисла, бечьстѣе — бецьстѣе, ичрьва — ищрьва* в ЕКХII. Двойкие написания (утрата префиксального <с> и ассимиляция его в <щ>) показывают, что у писца нет представления о наличии <с> во всех таких словах. До XII в. возможность проведения морфологической границы «внутри» консонантного сочетания мешает признать сочетание согласных отдельной фонематической единицей. Если [ш"ч"] разделено морфологической границей и оба согласных входят в разные морфемы, следовательно, разные части сочетания не могут составлять одну фонему (в данном случае аффрикату). Остается признать, что в древнерусском языке [ш"ч"] и [ж"д'ж"] представляли собой сочетания двух фонем.

§ 36. Сложнее всего определить дифференциальные признаки в противопоставлении согласных <д—т, з—с> и т. д. Традиционное мнение о противопоставлении их как глухих звонким сомнительно.

Признак голоса не мог различать пары типа <д—т>, потому что он уже участвовал в системе противопоставлений для выделения полугласных (глайдов). Кроме того, славянские звонкие согласные восходили к праиндоевропейским звонким двух типов — придыхательных и чистых, тогда как глухие соотносятся только с глухими. Если в раннем праславянском языке происходило совпадение <bh, b>b>, <dh, d>d>, <gh, g>g> и т. д., но соответствующие им глухие сохранялись без изменений, ясно, что в момент изменения маркированы были глухие <р, т, к> (потому что совмещение фонем возможно только по немаркированному признаку) и что в результате совмещения новые звонкие получили какую-то дополнительную фонетическую характеристику, связанную с придыханием.

Славянские языки сохранили следы древнейшего озвончения <р, т, к> перед следующим глайдом или гласным, иногда давая расходящееся произношение; ср.: русск. *дроздъ* <*trošdos>; русск. *глухъ*, лит. *klusnùs* ('послушный'); русск. *блющъ* и *плющъ*; русск. *дробити*, лит. *trapùs* ('ломкий'); русск. *тпенет*, чешск. диал. *drobit*, лит. *trepùmas* ('ловкость'). Очень часто в сочетаниях <sk, st>, изменяющихся в <zg, zd>, на стыке некоторых морфем, сначала, может быть, только перед гласным или глайдом, ср. предлог *om* (из **ant*) и *od* (из наречия **an(e)a*) при гр. *antí, áneu*, что привело либо к распространению только *om-* (в древнерусском языке), либо к существованию обоих вариантов (в древнечешском языке). То же можно сказать о других предлогах, например: др.-сл. *из-*, лит. *iš*, лат. *ex* с глухим согласным. Ассимиляция по звонкости — глухости в древнеславянском языке показывает, что признак голоса был различительным для гласных и глайдов, тогда как у шумных согласных этот признак не имел значения, и они могли варьировать по признаку голоса.

Важно также, что в последовательном увеличении числа согласных фонем, начиная с балто-славянского периода, праславянский язык не получил ни одного взрывного согласного; обогащение системы консонантизма шло за счет щелевых, сначала глухих (<с, х>),

затем звонких (<з>) и только после этого обязательно звонких и глухих совместно (например, <ж", ш">)). Таким образом, щелевые первоначально не входили в корреляцию по звонкости — глухости (и позже это привело ко многим изменениям вследствие непарности фонемы <х> по данному признаку). Более того, они были безразличны к противопоставлению по признаку голоса, что вело к частым смешениям, например <з> и <с>).

Еще древнерусские рукописи широко представляют изменения типа *бесплотъна* (И73), но такое оглушение <з>с> не ограничивается позиционными ассимиляциями. Предлоги-приставки могли свободно закреплять один из возможных вариантов — с <з> или <с>. Например, древнеславянское *из* (из балто-славянского *ис-*) от частого употребления перед глухими согласными в начале слова стало осознаться как морфема *ис*, а это повлияло на сочетания приставки *сѣ-* с корнем таким образом, что и в приставке началось раннее устранение редуцированного (*смърть* вместо *сѣмърть*). Предлог *чрьсѣ* — *чересѣ*, наоборот, стал осознаться с конечным [з] и в таком виде вошел в современный русский язык (*чрез* — *через*). В том случае, если корень начинался с гласного или сонанта, в самых ранних рукописях находим новый тип префикса, с «новым» <ъ>; ср.: *възѣлюбилѣ*, *изѣ облака* и др. в ОЕ1056. Позиция <з> не допускает здесь чередования <з/с>, и хотя можно было бы ограничиться написанием типа *изоблака* (оно передает звонкость <з>), писцы предпочитают внести «неэтимологический» <ъ>, но не допустить столкновения гласного или глайда со звонким согласным.

В одном случае безразличное использование <з, с> не знает исключений в древнерусских рукописях, — если сталкиваются два одинаковых согласных, то пишется только один; ср.: *бесѣмъртъна*, *расѣжждѣти*, *расмотримѣ* и др. в И73, также *бесвоего* (сдвоенные согласные всегда связаны с признаком напряженности.)

Таким образом, щелевые в древнерусском языке избегают всяких сочетаний с гласными звуками, но весьма охотно вступают в комбинаторные отношения со звонкими согласными; ср.: *възѣлюбилѣ* — *бесплотъна*, *расмотрилѣ*. Ассимиляция возможна только по признаку, который для данной фонемы несуществен, но для вступающей с ней в комбинаторные отношения другой фонемы исключительно важен. Если учесть эту диахро-

ническую закономерность, окажется, что для ⟨з, с⟩ признак голоса важен, а признак звонкости (напряженности) — нет. Как щелевые согласные ⟨з—с⟩ противопоставлены друг другу признаком голоса (звонкий — глухой), так и взрывные ⟨д—т⟩ и др. вступают в противопоставление по другому признаку, которые выше (см. § 25) мы уже называли признаком напряженности. Возможно, это различие объясняется тем, что по своему происхождению ⟨з—с⟩ связаны с противопоставлением по голосу, независимо от того, восходят они к праиндоевропейским ⟨k—g⟩ (*срьдьце, зрьно*) или образовались в результате фонологизации позиционного озвончения ⟨з<с⟩ (типа *мьръзъкъ* < **mr̥s̥z̥k̥z̥*). Образование ряда щелевых несло с собой новый для шумных согласных признак голоса, тем более что среди глайдов щелевых не было.

Сопоставление звуков современных славянских языков показывает, что корреляция согласных по звонкости — глухости развилась не во всех из них, не всегда последовательна, а если и развилась, то относительно недавно и для разных групп согласных в разное время. Сравним эти данные с тем, что впоследствии оказалось существенным в древнерусском языке (см. § 84, 85).

Приняв все это во внимание, мы не выделяем оппозиций по напряженности и голосу (т. е. отдельно ⟨д—т⟩ и ⟨з—с⟩), поскольку для древнерусского языка с точки зрения общей системы эти признаки равнозначны и входят в дополнительное распределение по отношению друг к другу в противопоставлении ко всем прочим признакам согласных фонем.

§ 37. Распределение согласных фонем подчинялось тенденции к открытому слогу и к слоговому сингармонизму. Согласно первой ни один согласный не мог закрывать слог, а сложные сочетания согласных не допускались. Согласно второй качество согласного определялось характером последующего гласного: велярный перед непередним гласным ([ту, ты, ть, то, та]), палатализованный перед передним ([т'и, т'ь, т'е, т'е, т'о, т'е]). Палатальные согласные в своем употреблении были свободны от влияния последующего гласного, могли употребляться перед любым гласным: *волъ* — *воль*, *любъ* — *лоубъ* (т. е. [лъ—л'ъ], [л"у—лу]). Поэтому палатальные (среднеязычные) являлись в этой системе самостоятель-

ными фонемами, а палатализованные оставались оттенками соответствующих веллярных; ср.: [т] и [т'] в *сытъ* и *о мытъ* (т. е. [тъ—т'ѐ]), — сохраняя единство корневой морфемы во всех формах этого слова. Тем самым в системе противопоставлений намечается известное противоречие, поскольку несколько согласных могут быть и палатальными, и палатализованными, например <л, н, з, с>; ср.: *вола* — *воля*, *волъ* — *воль*, *воли* — *воли* и другие формы слов *воля* и *волъ*, в которых противопоставлены соответственно [ла—л"а], [л'ѐ—л"ѐ], [л'и—л"и].

Фонетическая мягкость <л> в формах [vol'ѐ], [vol"ѐ], которая на письме даже передается одинаково, имеет различное морфологическое значение, потому что [л'] представляет собой видоизменение ряда <л>, а <л"> — всегда <л">. Фонетическое сходство при морфологическом различии чревато изменениями, тем более что в системе имелись фонемы, не вступавшие в такое внутреннее противоречие между звучанием и значением; ср.: *соуда* — *судѣ* — *суди*, *соуша* — *соушь* — *соуши* (т. е. [да—ш"а], [д'ѐ—ш"ѐ], [д'и—ш"и] и т. д.).

Общность функции (только веллярное <д> или только палатальное <ш> по всей парадигме) приводит к тому, что на письме формы окончания начинают передавать одной и той же буквой, хотя основано это, конечно, на фонетических изменениях произношения.

Весьма показательны возможные в древнерусском языке сочетания согласных. Например, в начале слова допускались сочетания:

—	—	—	гв	кв	дв	тв	зв	св	хв	цв	—	—
бл	пл	—	гл	кл	—	—	—	св	хл	—	чл	—
—	—	—	—	—	—	—	—	см	—	—	—	—
—	—	—	гн	кн	—	—	зн	сн	—	—	—	шн
бр	пр	вр	гр	кр	др	тр	зр	ср	хр	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	ск	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	ст	—	—	—	—

Сочетания, встречающиеся в середине слова, увеличивают список очень незначительно, главным образом это *зд*, *зг* — варианты сочетаний *ск*, *ст*. Сочетания из трех согласных возможны лишь как распространители сочетаний *зд*, *ст* (*здв*, *ств* с прежним глайдом <ц>). Обычно в качестве второго согласного выступает глайд, и только в двух случаях (*ск*, *ст* и *зд*, *зг*) сочетание состоит только из шумных согласных.

Палатальные перед глайдами встречаются очень редко и представляют собой видоизменения соответствующих велярных; ср.: *цвѣтъ* < **kvetъ*, ст.-сл. *члвнъ* (единственный пример такого сочетания), *шнека* < **snekkja* (редкое заимствование) — все примеры диалектные. Губные не вступают в сочетание с <в>, потому что два одинаковых по основному признаку согласных невозможны рядом. По той же причине зубные (кроме <з, с>) невозможны в сочетании с зубным <н>. С <м> сочетается только <с>, и притом в очень редких морфемах. Наибольшее число сочетаний дают <л, р>, но и тут имеются свои особенности. С ними не сочетается <з>, следовательно, сочетания с плавными возникли довольно давно, еще когда <з> была оттенком другой фонемы. И впоследствии это положение не изменилось, если не считать церковнославянских сочетаний типа *злакъ*, *зракъ*. Зубные <д, т> не сочетаются с зубным <л>. В середине слова подобные сочетания также устранились — либо путем сокращения *дл*, *тл* в *л*, либо заменой *дл*, *тл* на *гл*, *кл* (см. § 26). По степени «слоговости», таким образом, <р> выше, чем <л>, потому что обслуживает большее количество сочетаний с «возрастающей звучностью слога»; ср.: *дро-ва*, *тра-ва* при отсутствии сочетаний *дло-* или *тло-*. Сочетания *бл*, *пл* со временем увеличились за счет прежних сочетаний <б, п> с <ј>, особенно в середине слова (также *мл*, которое в начале слова чрезвычайно редко).

Итак, закон открытого слога регулировал правила употребления согласных таким образом, что, во изменение общей закономерности следования «согласный + гласный + согласный + гласный», могли образовываться стечения согласных, которые до определенного времени были сочетаниями не двух согласных, а согласного и полугласного. Это положение должно было измениться с переходом плавных в консонантный ряд.

§ 38. Все рассмотренные факты дают дополнительный материал для суждения о фонемных признаках согласных в древнерусском языке.

В качестве фонемных признаков могли выступать: место образования (губной — переднеязычный — среднеязычный — заднеязычный), способ образования (щелевой — аффриката — взрывной), наличие голоса (глайд — шумный), что осложнялось неоформленным еще противопоставлением глухих звонким (у щелевых) и старым противопоставлением напряженных ненапря-

женным (у взрывных). Некоторые признаки дублируют друг друга, другие двузначны, но самый большой недостаток системы заключается в чрезвычайной дробности различительных признаков, каждый из которых обслуживает лишь определенную группу согласных, так что последние представляют собой как бы автономные элементы системы. Многие признаки согласных оказываются совмещенными с аналогичными признаками у гласных: признаком голоса глайды совпадают с гласными, но последние выделяются и просодически, тогда как глайды не имеют противопоставлений по долготе — краткости или интонации. Признаки ряда и лабиовелярности также сопряжены и одинаково отражаются у гласных и согласных. В слогах [л"е—ло] среднеязычное <л"> и переднеязычное лабиовелярное <л> соответствуют переднему <е> и заднему лабиализованному <о>. Признак носовости также представлен ринезмом у носовых гласных, сохраняясь у <м, н>.

Напряженность артикуляции, связанная с реализацией верхних гласных, особенно в определенных положениях (например, перед <j>), в известном смысле соотносится с некоторыми противопоставлениями у согласных, не вступавших в оппозицию по ряду, т. е. не имевших среднеязычных эквивалентов (как <д—т>).

Единственный признак, автономный только для гласных, признак подъема, на самом деле еще только возникает на основе разложения праславянских оппозиций по количеству, еще не устойчив в своих проявлениях, синтагматичен (определяется в сочетаниях с другими фонемами).

Таким образом, роль и значение слога в древнерусском языке очень важны, и нам необходимо рассмотреть основные просодические признаки этой системы.

Просодические признаки исходной системы

§ 39. Во всех диалектах праславянского языка произошли следующие просодические изменения: 1) возникла новоакутовая интонация, 2) произошло фонетическое и позиционное сокращение долгот, 3) утратился межслоговой <j> и произошло стяжение гласных в зиянии.

Еще до утраты носовых гласных (см. § 48), но после возникновения полногласия (см. § 44), по крайней мере в некоторых говорах, произошла оттяжка ударения

на предыдущий слог со слабых ⟨ъ, ь⟩ и со срединных нисходящедолгих слогов. Например: **bord'ъ* ≥ *bórdъ* (род. п. мн. ч.), ср. укр. *boríd*, русск. диал. *boróm*, сербск. *bráda*; в суффиксальном имени типа **z'en'iskŭ*, откуда русск. *жѣнский*, сербск. *женски*. Ср. аналогичные изменения в полных прилагательных, ясные из сравнения их с исходной краткой формой: *kórotko* — *korótкий* (что восходит к **kórtъko* и **kórtъkъjъ*) с таким же чередованием разноударных полногласных форм (*oró* восходит к новоакутовой, *óro* — к нисходящей интонации), *sórok* — *coróчка* (<**sorc'ьka*), *berегŭ* — *берѣг*, так же *конь* <**kon'ь*, *стол* <**stol'ъ* (ср. русск. диал. [кyон'], [стуол] и единоголасные показания южнославянских языков). То же в корневых редуцированных: *обла* <**ob'ъla*, *осмь* <**osm'ь*, *осна* <**os'ъpa*; русские диалекты отражают уже новоакутовую интонацию в *обла*, *осмь*, *осна* так же, как и литературный язык, в котором произошло выделение признака лабиовелярности и образовались формы *вобла*, *восемь*, *восна*. Аналогичная перетяжка ударения происходила с нисходящедолгих слогов, которые находились перед конечным редуцированным, ср. форму местного падежа множественного числа имен мужского рода типа **dvor'-ěxъ* ≥ **dvórěxъ*, **stol'ěxъ* ≥ **stólěxъ*, откуда в древнерусском языке до XVII в. устойчивое ударение *дворѣхъ*, *столѣхъ* с рефлексом новоакута в *дворѣхъ*, *столѣхъ*, русск. диал. *двѣрахъ*, *стѣлахъ*. Нет ни одного славянского языка, который не отражал бы новоакутовой интонации; вместе с тем все непосредственные последствия этого изменения в славянских языках различаются. Вот почему образование новоакутовой интонации следует считать последним праславянским изменением, приведшим к завершению тенденции к просодическому единству слога. Образование новоакута привело к межслоговому объединению по просодическим признакам.

Принципиальное отличие новоакута от старых интонаций заключалось в следующем. Старые интонации — восходящая (акут) и нисходящая (циркумфлексовая) — действовали в пределах двух соседних слогов. Перед акутом ударение повышалось начиная с предшествующего слога (поэтому оно не могло переноситься на предыдущий слог): **na 'brata*. Перед циркумфлексом оно

понижалось начиная с предшествующего слога (поэтому могло перетягиваться на него): **nā* 'lēšū дало *'nā lēšū (*nā* лес). Это были чисто музыкальные тоны, действовавшие в пределах отдельных сл о в о ф о р м, т. е. имевшие особый ритмический рисунок в каждой форме парадигмы. Все словоформы не объединены еще общим просодическим признаком в цельное слово.

Из этих первоначальных принципов тона вырастает новоакутовая интонация. Ударение переходит на предшествующий слог, который понижается по тону перед следующими ударными (ъ, ь); так, **stolъ* дало **stólъ*. И новоакут возникает в отдельной словоформе, например: **stólъ* (им.п.ед.ч.) — **stólъ* (род.п.мн.ч.) — **stólēxъ* (местн.п.мн.ч.), в суффиксальном прилагательном **stólъ-nъjъ* и т. д. Но, рождаясь на старых мелодических основаниях, эта интонация одновременно получает свойства, которых не было у акута и циркумфлекса: новоакутовая интонация возникает не только на долгих, но и на кратких слогах (раньше краткие слоги не имели различия по интонации); она всегда связана с ударением и не меняет своего места (чем похожа на акут), но в пределах парадигмы она может чередоваться с формами, в которых новоакутовая интонация не образовалась (чем похожа на циркумфлекс). Функциональное отличие новоакута заключается в том, что он совмещал в себе сразу два признака: ударение и восходящий тон, оба средства маркировки, тогда как прежние интонации существовали сами по себе и определяли место ударения в сл о в о ф о р м е. Из всех типов интонации только новоакутовая со временем вызвала выравнивание по аналогии всех (или большинства) форм парадигмы по общему ударению; ср. русск. диал. *конь* — *коня* — *коню* и т. д. на месте прасл. **kōnъ* — **konъa* — **konъu* с новоакутом в форме именительного падежа единственного числа, родительного и местного падежа множественного числа, которые распространили сильное ударение на остальные формы парадигмы. Последовательно такое выравнивание произошло в суффиксальных образованиях; например, **stolъ-nъ* > **stólъ-nъ*, **stolъ-na* > **stólъ-na* дали общее ударение слова **stólъ-nъ* еще до появления полной формы прилагательного. Таким образом, только новоакут выходит за пределы конкретной словоформы и, являясь интонацией, выступает

регулирующим средством всей парадигмы как словесное ударение. Ясны функциональные преимущества этого просодического элемента. Впоследствии во всех славянских языках именно новоакутовая интонация определяла просодические изменения, являясь маркированным признаком в просодии. В связи с этим произошел окончательный отрыв интонации от количества, поскольку интонационные различия стали возможными и на долгом, и на кратком слоге. Пересечение старых интонаций с новой привело к изменениям в различных славянских языках. В южных языках (кроме болгарского) различие в интонации осталось, но произошло выравнивание по этому признаку (по аналогии с новоакутовой возникла еще новоциркумфлексовая интонация); в западных языках образовалось противопоставление по количеству (долгота — краткость); у восточных славян основным просодическим признаком стало ударение.

§ 40. Это изменило некоторые признаки гласных фонем и преобразовало позиционное их варьирование, например, после возникновения новоакутовой интонации ⟨ъ, ь⟩, эту интонацию и вызвавшие, не вступают ни в какие просодические противопоставления, они не противопоставлены ни по количеству (всегда краткие), ни по тону (всегда восходящий под ударением), ни по ударению (подударные ⟨ъ, ь⟩ всегда с новоакутом, а безударные ⟨ъ, ь⟩ всегда без интонации). Это единственная пара гласных, не имеющих значения в слоговой структуре словоформы, а следовательно, и слова. С этого момента они «просто гласные», «гласные для гласности», не имеющие никаких просодических признаков. Они и становятся собственно редуцированными, «иррациональными», глухими не потому, что были фонетически короче прочих кратких гласных, а потому, что никакие просодические признаки не имели для них значения. Старые противопоставления гласных по долготе — краткости окончательно ушли из языка, поскольку фонетически долгим теперь мог быть лишь гласный под новоакутовым ударением. Старое противопоставление гласных по долготе — краткости сменилось противопоставлением по четырем степеням подъема, поскольку прежние оппозиции ⟨ū—u, ī—i, ā—a, ē—e⟩ и т. д. сменились качественными в противопоставлениях по подъему ⟨ы—ъ, и—ь, а—о, ё—е⟩. Невозможно говорить

о совпадении редуцированных с ⟨о, е⟩ по подъему (средний), поскольку это значило бы, что преобразование фонематической долготы — краткости в степени подъема хронологически совпадало с совмещением немаркированных средневерхнего и среднего подъема в один общий; последнее стало возможным только после ликвидации носовых гласных (см. § 47).

В связи с этим произошло позиционное сокращение исконных долгот, которое также отражено всеми славянскими языками. Все долгие гласные сократились: в абсолютном конце слова независимо от ударения; в любом подударном слоге, кроме новоаккутового; в любом безударном слоге, кроме первого предупдарного. Образовалась сложная иерархия позиций, в которых та или иная фонема могла выполнять свою морфологическую функцию.

Изолированная позиция возникала в конце слова, где не было противопоставления по количеству и по тону, а гласные могли различаться только ударением; ударение же — признак слова (а не словоформы).

Слабая позиция образовалась в предупдарных (и в предконечных у трехсложных словоформ) слогах, в которых не было противопоставления ни по тону, ни по ударению, а только по количеству; долгота и краткость составляют признак словоформы (а не слова).

Под ударением в неконечных слогах образовалась просодически сильная позиция гласных, так как тон здесь совмещен с количеством и всегда находится под ударением. В границах слова и словоформы происходило выравнивание ударения, которое все больше получало морфологические функции, утрачивая прежнее фонетическое значение.

Одновременно с этим происходило и стяжение соседних гласных как следствие утраты междугласного ⟨i̯⟩ (особенно последовательно в западнославянских языках). У восточных славян этот процесс не развился, потому что междугласное ⟨i̯⟩ в примерах типа *добраја*, *ногојѣ* уже стало протетическим ⟨j̯⟩, не имевшим фонетического значения. Поэтому у восточных славян стяжение гласных ограничено несколькими чисто морфологическими позициями: в суффиксе имперфекта не было междугласного ⟨j̯⟩, поэтому стяжение осуществлялось простым устранением одного гласного; ср.: *неспахъ* > *несахъ*, *слышааше* > *слышахе* — это так называемые рус-

ские формы имперфекта, которые встречаются в рукописях с конца XI в. В парадигме склонения полных прилагательных типа *добраѣго* — *доброуѣмоу* ⟨j⟩ не выполнял никакой морфологической функции, поскольку в результате переразложения основ после корня (**dobr-*) шли окончания, т. е. *аѣго* — *оуѣмоу* в качестве одной морфемы. Как нефонемная единица ⟨j⟩ сокращался, но только в связи с межслоговой ассимиляцией гласных, т. е. уже после изменений *аѣго* > *аѣго*, *оуѣмоу* > *оуюмоу* флексия окончательно упростилась в *-аго*, *-уму* и т. д. Стяжение через междугласный ⟨j⟩ подтверждается рядом суффиксальных имен, например отглагольными *соудиище*, *стоило*, *хайло* (совр. *судище*, *стойло*, *хайло*).

Все рассмотренные просодические изменения не происходили одновременно, а накладывались друг на друга по мере образования. Результаты их относятся не только к фонологической системе середины X в., которую мы здесь реконструировали как исходную систему древнерусского языка, но и характерны для фонологической системы вплоть до конца XI в.

ГЛАВА 2

Завершение динамических тенденций праславянского языка в древнерусском (середина X — конец XI в.)

§ 41. Образование новоакутовой интонации привело к возможности межслогового объединения по просодическим признакам и создало сложную систему позиционного варьирования гласных. Реальным межслоговое взаимодействие гласных стало только после серии последующих изменений вокализма, однако значение просодических преобразований весьма велико: впервые в системе появились возможности позиционного варьирования гласных, а это всегда предшествует их фонемным преобразованиям.

Завершение тенденции к открытому слогу. Русское полногласие

§ 42. На месте праславянских сочетаний типа **gordъ*, **vbrxъ* образовалось восточнославянское полногласие, т. е. формы *город*, *верѣх*. Исходным моментом изменения являлась тенденция к открытому слогу, в результате чего закрытые глайдом слоги должны были дать либо слоговые плавные (для **vbrxъ* в ряде русских говоров), либо дополнительную гласность после плавного (**go/rə/dъ*). Все славянские языки изменили исходное сочетание типа **tort*, но изменили по-разному. Следовательно, это изменение началось в праславянском языке, но завершилось уже в отдельных славянских языках. У восточных славян это должно было случиться в древнерусский период, ибо русский, белорусский и украинский языки одинаково отражают полногласие. Однако этот процесс не мог завершиться до падения редуцированных, потому что до середины XII в. появление ⟨о, е⟩ разрушало бы просодическую структуру речи включением гласного, не несущего интонационных

и количественных характеристик. Только ⟨ъ, ь⟩, не участвовавшие в просодических оппозициях, могли войти в фонетический текст, не разрушая его синтагматической структуры. Таким образом, в соответствии с тенденцией к открытому слогу полугласные ⟨ъ, ь⟩ появлялись на месте полугласных ⟨l, r⟩ и рядом с ними (*go/rъ/dъ), не нарушая тенденции к просодическому единству слога. Поскольку в результате такого преобразования в синтагматической структуре не осталось закрытых слогов, можно сказать, что диахроническая тенденция к открытому слогу стала синхроническим законом открытого слога, что создало условия для образования слоговых единиц — силлабем.

Однако разложение полугласных ⟨l, r⟩ в закрытом слоге на ⟨лъ, ръ⟩ связано не только с разрушением глайдов по ряду признаков. «Разложение» слога стало возможным после сокращения долгот, потому что разложение долготы на составляющие ее моры (один долгий слог типа *or* в *go^r/dъ раскладывается на две моры: *orъ*) происходило после утраты количественных противопоставлений, т. е. после сокращения акутовой и циркумфлексовой долгот в противопоставлении к новоакутовой долготе. Ср. формы *go^rda, *go^rxa (род.п.ед.ч.), которые дали *go^rada, *go^raxa, тогда как *ogo^rda — нет. Среди 350 примеров первого полногласия, отраженных в русских рукописях XI—XII вв. (самые ранние в OE1056 *Володимира, Новгородъ, перегнувъ*), почти нет достоверных случаев полногласия в долготном (новоакутированном) корне. И только в конце XII в. мы находим формы: *загорожено* в Выг.XII; *огородъникъ* в УСХII (один такой пример имеется в ГБХI, но в тексте поздней приписки); *здоровиѣ* в НК1282; *възворочасѣ* в ME1215. В XIII в. отражение полногласия становится нормой (в Лавр.1377 более 400 раз, в Ип.1425 более 300 раз переданы полногласные русские формы).

§ 43. Последовательность фонетических изменений, связанных с полногласием, можно установить на основе некоторых фактов.

Среди акцентованных рукописей северо-западного происхождения, в том числе и ППЛ, есть такие, где оттяжка ударения на предлог происходит лишь с корня, в котором было полногласие или ⟨ъ, ь⟩, т. е. *до Пскова, за вси, на князи, на мнѣ, погнути, посла, по смерти*

и др. (из *Пльскова*, за *всьи*, на *кѣнязи*, на *мьнѣ*, *погѣ-
ноутѣ*, *посѣла*, по *сѣмьрти*), также на *городѣ*, на *полотѣ*,
отъ чрева, по *берегу* и др. (но никогда при новоакутовой
интонации корня, типа без *хоромѣ*, на *здоровье*). Таким
образом, в северо-западных говорах XIII—XIV вв.
сохранялась еще стадия нефонематической гласности
в первом слоге: *ко берегу*, *ко мнѣ* (как *кѣ берегу*, *кѣ мнѣ*).
В других русских говорах в то же время происходило
удлинение ⟨ъ>о⟩ в предлоге (*въ>во*, *къ>ко*, *сѣ>со*)
именно и только перед такого рода корнями (см. § 65).

В украинском языке после XII в. гласные ⟨о, е⟩
удлинялись перед слогом с исчезающим редуцирован-
ным: *конь* — *кѣн'* — *кѣн'*. Такого удлинения нет в фор-
мах с полногласием (*гѣрод*, *морѣз*), хотя под новоакуто-
вым ударением подобное изменение возможно (ср.:
формы род. п. мн. ч. *ворѣт*, *корѣв*, в суффиксальных
корѣвка, *сторѣнка*). Это значит, что в момент удлинения
кратких ⟨о, е⟩ в современных полногласных формах
не было еще гласных полного образования ⟨о, е⟩, на их
месте находились ⟨ъ, ь⟩. Появление ⟨і<ѣ⟩ связано с обыч-
ным изменением ⟨ѣ⟩ в украинском языке (иногда ⟨і⟩
в таких формах считают вторичными по происхождению).
Фонологическая разница между *горѣха* и *гѣрода* все время
сохраняется, как сохранялась она и в древнерусском
языке: во втором случае возможно чередование морфемы
**gorad* с сильной формой типа **ogordьnikъ* или вообще
отсутствие ударения (**'na goradъ*), а в первом — ударе-
ние всегда на второй морфеме (**gor'axa*, **gor'axъ*). Тип **gor'-
axъ* очень рано дал полногласные формы, потому что
второй гласный оказывался подударным, а первый
(исконное ⟨о⟩) был морфологически изолированным.
Еще А. А. Шахматов в своей магистерской диссертации
(1887) обратил внимание на то, что в русском литератур-
ном языке неполногласные формы могут быть только
в словах с исконным нисходящим ударением: *власть*,
враг, *злато*, *млад*, *сласть*, *смерд*, *срам*, *страж*, *страна*,
но никогда — в словах с восходящим ударением: *береза*,
болото, *ворона*, *горох*, *дорога*, *корова*, *мороз*, *порог*,
солома, *сорока*, *холоп* и др. В некоторых сложных соче-
таниях согласных полногласие дало отличный от обыч-
ного фонетический результат, и всегда только в корнях
с нисходящей интонацией. Так, в сочетании ⟨л⟩ с носо-
выми ⟨м, н⟩ образовалось сочетание *олы* вместо *оло*:

голымя ('открытое море'), полымя, полынья, шобыля и др., но *полон*, *солома*, *шолон* — при восходящей интонации корневого слога. Следовательно, развивавшееся полногласие отклонилось от нормы еще в древнерусском языке, когда расхождение в интонации было существенным и имелось различие между **golme* и **poln*, т. е. **golme* давало **golame* без полного межслогового сингармонизма. При наличии в сочетании двух глайдов второй гласный элемент вообще мог не проявиться или оказаться несущественным, поскольку в описываемую эпоху глайды фонетически были еще равны редуцированным; в результате до нас дошли примеры несостоявшегося полногласия: *борно́воло́к*, *горноста́й*, *скорлу́па* < **skorlupa* и др. с нисходящим тоном на корневом слоге. Новоакутковые слоги вступили в процесс тогда, когда уже наметился основной тип выравнивания гласных в новых полногласных сочетаниях. Только в XVIII в. в поэзии была сделана попытка «облагородить» русские формы *болото*, *мороз*, *порог* и т. п. искусственным созданием церковнославянизмов типа *блато*, *мраз*, *праг*, но в литературном языке эти слова не прижились, как не прижились и диалектно-разговорные *бо́лого*, *бо́рошно*, *во́рог*, *со́ром* и многие другие полногласные формы. Архаический тип русского языка, его литературная норма сохранили (с некоторыми отступлениями) исходное, древнерусское распределение полногласных и неполногласных форм, сложившееся к XIV в. Так же распределяется полногласная и неполногласная лексика в произведениях фольклора — в былинах (но не в песнях, появившихся позже). Специальные стилистические и семантические исследования этой лексики показали, что к концу XIV в. среди русских писателей, редакторов старых текстов и писцов возникла тенденция соотнести русизмы и славянизмы в общем контексте изменяющегося литературного языка. Однако и тут семантическое и стилистическое варьирование допускалось только у слов типа *го́род* (с исходной нисходящей интонацией); ср.: *город* ('посад') — *град* ('крепость'), *голова* ('часть тела') — *глава* ('заголовок'), *волость* ('административная единица') — *власть* ('права') и т. д. Все подобные изменения позволяют уточнить соотношение типа *городъ* и *горохъ*: в первом существовало длительное колебание между *горъдъ* и *гъродъ*, что и вызвало чередование *город* — *град*, во втором —

довольно раннее распространение русского полногласия.

В ранних русских рукописях различные стадии формирования полногласия выразительно представлены передачей ⟨о, е⟩ только на месте одного из корневых гласных, именно подударного (имеется в виду древнерусское ударение, как его можно реконструировать). Ср. для типа *город*: *пор^осите* в И73; *вроты*, *злотъникъ*, *обронишася*, *плониша*, *повлечи* в СПХІ; также *сковродъ*, *сковродопечьъ* в ЕКХІІ; *злото* в надписи 1068 г.; *тлощи* ('толочь') в МЕ1117, ЮЕ1120; *Въсеволъдъ* в УСХІІ; *изъкоръстъня* в Лавр.1377 (под 945 г. в тексте, составленном в XI в.); *Вълодимира* в РК1284; *сердъ* в М96; *сердоу* в ЧСХІІ; *по сердъ* в МЕ1215; *обротившеся* в ЯПХІІ и др. Причем после XIII в. такого рода примеры часто встречаются в записях и приписках к церковным рукописям, отражая, безусловно, личное произношение писцов. Особенно последовательно передается неполногласие в формах, утративших этимологическую связь с производящим словом, например в слове *чловѣкъ* в новгородских рукописях до XIV в. (*че/ловѣчьскы* только при переносе в МХІV). В качестве полногласного стало восприниматься любое следование гласных по обе стороны плавного (ср. *плокаахоу* в ЮЕ 1120 на месте *по-локати* с русской огласовкой корня *локати*). Корень *сѣребр-* также был вовлечен в общий ряд фонетических обобщений, связанных с формированием полногласия (ср. *серебро* в И73, ПАХІ и др.). Корневые морфемы, не утратившие этимологических связей с производящим словом, впоследствии выключались из этого процесса, утратив при этом изолированный ⟨ъ⟩; ср. написание *золоба* в ряде рукописей XI в. (из *зѣлоба*, впоследствии *злоба*). Случиться это могло лишь тогда, когда новые сочетания подобного типа уже достигали стадии полной гласности второго слога в связи с утратой изолированного редуцированного (см. § 62).

Все же ранние примеры с исконно акутовым корнем сомнительны: они могли входить в подвижный тип, как и все предыдущие; ср.: *хроминъ* в ПАХІ; *проздѣнолюбци*, *проздѣньство* в М96; остальные встречаются с конца XII в., ср.: *Вѣлосъ* в Х1192 (*Волоса* в НСХІV); *въ вѣротъхъ* в ТЕХІІ; также *черосъ* в УС XII (последние должны быть уже с рефлексом новоакутовой интонации). Сомнительны также наиболее ранние примеры из берестяных

грамот: например, в *срочька*, *срочькѣ* ('сорочка') смешиваются буквы *о* с *ѣ*, *е* с *ѡ*. Особенно сложно складывалась судьба префиксальных корней, которые вообще могли утрачивать всякие связи с просодическими характеристиками как постоянно безударные; ср.: *пѣредѣ* — *перѣдѣ*, *чѣресѣ* — *черѣсѣ* в древнерусских источниках, откуда уже в УСХП *черосѣ* и *чересѣ*. Подобные колебания указывают на то важное значение, которое имели в окончательном выборе состава фонем в полногласно-неполногласной морфеме грамматические и семантические характеристики каждого отдельного слова. Последним источником, который отразил фонетическую неопределенность в передаче ⟨ѣ, о⟩, ⟨ѡ, е⟩, была Смол. гр.1229: *голѣвоу*, *от горда Смольньска*, *хѣлопоу* и др. Написание *о* или *е* в этой грамоте всегда связано с подударным слогом. Вообще же, как и всякое синтагматическое изменение словоформ в составе фонем, первое полногласие отражается в рукописях непоследовательно; правила обозначения связываются с внешними по отношению к фонетике факторами. Например, исследования показали, что до XIII в. полногласие предпочтительно передавалось при переносе на другую строку (ср.: *ве/ремя*, *но/рови*, *пе/реже* в И76).

Древнейшие русские заимствования в финские языки все касаются слов с подвижным ударением; ср.: русск. *долото*, кар. *taltta*; русск. *полотно*, финск. *palttina*; русск. *толокно*, кар. *takkuna*, финск. диал. *talakkuna*; русск. *торока*, финск. *tarakka*; русск. *веретено*, финск. диал. *värättinā*, кар. *värt't'ina*; русск. *беремя*, финск. *pārähma*. Они не могли быть заимствованы в праславянский период, а некоторые из них уже отражают и русское полногласие. Наоборот, слово *соломя* ('пролив') заимствовано из финск. *salmi* и в данной форме употреблялось до начала XVI в. (последнее употребление в 1505 г.), затем использовалось то же слово, но в новом заимствовании — *салма*. Следовательно, первое полногласие как фонетическое явление окончательно оформилось в русском языке в XV в. Нижнюю границу этого изменения можно установить по записям Константина Багрянородного: названия древнерусских городов *Новгородѣ* и *Вышеградѣ* он передает как *Nemogardās* и *Bousegrade*, т. е. как **gārd* и **grād* в зависимости от ударения в слове.

§ 44. Таким образом, примерно с X до XV в. фонетически оформлялось и постепенно лексикализировалось

явление, известное под общим названием русского полногласия. Последовательность изменений может быть представлена следующим образом:

1) **tort* > **torat*: в украинском языке XII в. эта стадия еще актуальна, она же соотносится и с заимствованиями X—XII вв.;

2) **torat* > **tarot* в зависимости от характера долготы — восходящей или нисходящей; эта стадия представлена в древнерусских источниках XI — начала XII в., в Смол.гр.1229, сохранилась в северо-западной просодической системе конца XIV в.;

3) **tarot* / **torat* > **torot* по общему правилу выравнивания корня как следствие падения редуцированных (см. § 71). Окончательное оформление полногласия следует отнести к XIII в. Наблюдается известный параллелизм между восточно- и западнославянскими языками: в польских рукописях XIV в. обнаружены аналогичные изменения на стыке предлога с именем; например, встречаются написания *se zlotem*, *ve bloce*, *ve vrota*, т. е. с прояснением ⟨е⟩ в ⟨сь, вь⟩ перед слогом типа **tarot*. Следовательно, в формировании русского полногласия сыграла свою роль фонологизация ударения. В польском языке конца XIV в. фонематично противопоставление долготы — краткости, и разница между **gord* — **grod* не могла лексикализироваться в полногласном составе фонем.

Одновременно развивается и второе полногласие, но и оно окончательно сформировалось только после падения редуцированных, став диалектным явлением.

Упрощение системы вокализма.

Утрата ринезма

§ 45. Важной структурной особенностью носовых гласных являлась их синтагматическая неустойчивость. Являясь по происхождению и долгими, и краткими, фонологически они были всегда долгими. Это доказывается тем, что интонационные различия на носовых возникали, следовательно, в праславянском языке они были двухморными (долгими). Они неустойчивы и потому, что появились из разных сочетаний гласных с ⟨м, н⟩ и образовали морфологические чередования с различными в структурном отношении морфемами. Давало ли это фонетические различия в произношении,

нам неизвестно, потому что фонетическое варьирование ни в графике, ни в орфографии никогда не передается. Однако по своему происхождению носовые были передними и непредними, средними и средневерхними, лабиализованными и нелабиализованными — всего шесть вариантов, которые образовывали три самостоятельные фонемные единицы — ⟨е, ɔ, ǫ⟩.

§ 46. При уяснении причин утраты носовых гласных следует иметь в виду некоторые структурные особенности систем, вызвавших устранение ⟨е, ɔ, ǫ⟩.

В языках всего мира динамическое соотношение носовых и неносовых гласных строится по следующим принципам. Носовые гласные всегда возникают в результате дефонологизации первичных носовых согласных ⟨м, н⟩ в определенных условиях; это и случилось в праславянском языке на границе слога и в связи с отсутствием противопоставления по ринезму (носовости) между глайдами и шумными согласными (среди последних нет носовых в отличие, например, от германских языков, в которых возникали фонемы типа [ŋ]). Носовые гласные всегда существуют в системах, где фонетически сохраняются носовые согласные, в соседстве с которыми начинается нейтрализация в противопоставлении носовых неносовым. Действительно, и старославянские, и древнерусские рукописи отражают колебание между ⟨у⟩ и ⟨ǫ⟩ после носовых согласных; ср. написания: *гноуѣ* — *гнѣѣ*, *моудрѣ* — *мѣдрѣ*, *ноужда* — *нѣжда* т. д. (т. е. [нуд] — [нѣд = нунд]). Нейтрализация по признаку ринезма независимо от происхождения носового гласного, но в определенных позициях доказывает фонематическую реальность самого противопоставления ⟨у—ǫ⟩ в позднем праславянском языке. Если носовые гласные устраняются из системы, они совпадают с неносовыми. В большинстве славянских языков носовые гласные совпали с ⟨у⟩ (фонема ⟨ǫ⟩) и с ⟨а, е, ѣ⟩ (фонема ⟨е⟩); фонема ⟨ǫ⟩ изменялась различным образом в зависимости от окружающих согласных (мягких и твердых). Разнонаправленное изменение праславянских носовых гласных подтверждает их диалектное изменение уже в праславянском языке (кроме ⟨ǫ⟩, которое во всех славянских языках совпало с ⟨у⟩, следовательно, изменялось еще в праславянском), причем изменение самостоятельных гласных, а не сочетаний типа [он, ен].

А. М. Селищев указал на сходство в изменениях носовых и плавных сочетаний. Носовые гласные со свободным консонантным элементом свойственны тем окраанным говорам праславянского языка, которые одновременно с тем сохраняли и праславянские сочетания типа **tort*, не испытывавшие метатезы (перестановки или полногласия). Например, в полабском языке еще в записях XVII в. отражается произношение *borna* ('борона'), *storna* ('сторона'), *slad* ('солод') и др., но также и *ronka*, *runka* ('рука') с сочетаниями [on, un] на месте ⟨o⟩. В среднеболгарских текстах до XIII в. сохранялись написания типа *бал'тина*, *зал'таринѣ*, *мал'дичие* и др., которые сопутствовали произношению слов типа **ranka*, что и привело впоследствии к рефлексации болг. *рѣка*, *сѣд*. У восточных славян фонологизация носовых гласных достигла завершающей стадии параллельно с формированием полногласия; наличие русского полногласия в рукописях уже XI в. подтверждает, что к тому времени в языке восточных славян прошла стадия изменения, при которой вокалическая система включала носовые гласные фонемы. Последние утрачиваются тогда, когда динамическая тенденция к открытому слогу стала фонетическим законом, и морфологические чередования носовых с сочетаниями типа [он, ен] стали излишними.

Во всех славянских языках, рано утративших носовые гласные, их рефлексy не совпадают с гласными среднего подъема, как ожидалось бы в случае сохранения ими их исходного качества; перед дефонологизацией фонемы ⟨o, e⟩ изменили свое качество, заменили некоторые различительные признаки и тем самым сместились в парадигматической системе фонем. При этом важно взаимное соотношение других гласных фонем в системе: носовые гласные сохранялись в системах с четким противопоставлением гласных по ряду (передние — непередние), но устранились в системах с утратой этого признака, т. е. в тех, которые испытывали вторичное смягчение согласных. Одновременно в системах, утрачивавших носовые гласные, развивалось противопоставление по подъему и исчезало противопоставление по долготе — краткости.

Из этого краткого обзора видно, что деназализация ⟨o⟩ предшествует изменениям ⟨e⟩ или вызвана другими причинами: только носовые гласные переднего ряда дают варианты в славянских языках. Фонема ⟨o⟩

утрачивает ринезм, переходя в верхний ряд, потому что носовые гласные верхнего подъема физиологически невозможны (последовательность изменений $\langle \bar{q} \geq \bar{u} \geq \bar{u} \rangle$). Фонемы $\langle \epsilon, \bar{q} \rangle$ изменялись в зависимости от окружающих согласных, главным образом в связи с развитием противопоставления по твердости — мягкости; последнее изменение, если оно имело место, во всех славянских языках происходило достаточно поздно.

§ 47. Структурная причина утраты носовых заключается в том, что в позднем праславянском языке разрушается противопоставление гласных по количеству и происходит формирование различительного признака по подъему: верхний — неверхний, куда входили только долгие по происхождению гласные, и средний, где оказались и краткие, и долгие (см. табл. в § 11). Долгие $\langle \bar{q}, \bar{q}, \bar{e} \rangle$ должны были либо сократиться и тогда остаться среди средних, либо, сохранив свою долготу, перейти в верхний или нижний ряд. У восточных славян произошло второе.

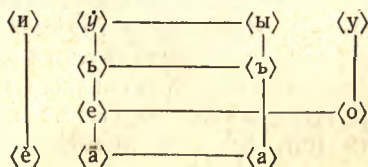
Процесс утраты носовых гласных был достаточно сложным и длительным. Необходимо различать утрату носовости (дифференциальный признак ринезма) и утрату носовых гласных; различные попытки устранить назальный признак еще не приводили к утрате всех носовых фонем как фонемных единиц. Сначала изменяется дифференциальный признак (ринезм) — его устранение представляет собой парадигматическое изменение, всегда сопровождаемое выходом из системы хотя бы одной фонемы. Изменению $\langle \bar{q}, \geq \bar{u} \geq u \rangle$ и обязано изменение системы. Утрата дифференциального признака приводит к постепенному устранению носового произношения у остальных носовых, которые остались в системе, потому что были и другие признаки, связывавшие их с системой гласных и после утраты признака ринезма. Само изменение $\langle \bar{u} \geq u \rangle$ произошло только потому, что $\langle \bar{u} \rangle$ и $\langle u \rangle$ различались единственно признаком ринезма, и его устранение привело к совпадению двух фонем. Только один «фонематический шаг» разделял эти фонемы, этот «шаг» был сделан и — система лишилась признака ринезма. Однако $\langle \epsilon \rangle$ от соседних фонем, например от $\langle a \rangle$, отличалось не только ринезмом, но и рядом. Если в древнерусском языке происходило понижение артикуляции $\langle \epsilon \rangle$, т. е. последовательность изменений

была $\langle \epsilon \rangle \rightarrow \langle \ddot{a} \rangle$, то $\langle \ddot{a} \rangle$ все-таки по-прежнему противопоставлено $\langle a \rangle$ как передняя фонема непредней. Точно так же и преобразования $\langle \dot{q} \rangle \rightarrow \langle \dot{u} \rangle$ дают фонему, противопоставленную $\langle u \rangle$ признаком ряда: передний, а не задний. Новое противопоставление $\langle \dot{y} - y \rangle = \langle \ddot{a} - a \rangle$ очень слабое; но оно существует, пока признак ряда является в системе различительным (до падения редуцированных так и было; см. § 72).

Таким образом, на месте фонем $\langle \dot{q}, \dot{q}, \epsilon \rangle$ система сохранила только $\langle \dot{y}, \ddot{a} \rangle$ с новым набором различительных признаков. Утрата ринезма происходила одновременно у всех носовых гласных, но устранение бывших носовых фонем — не одновременный процесс.

В самых ранних древнерусских рукописях находим определенные указания на то, что утрата ринезма произошла до начала XI в. (так много в рукописях примеров смещения букв *ou* и *ж*, *л* и *и*). Распределение носовых и неносовых гласных часто связано с орфографической традицией. Например, в НЛXI все носовые употребляются верно, в ОЕ1056 более 500 смещений «юсов» с другими буквами, а в М97 *ж* употреблен всего 41 раз (*л* — 2247 раз), *ж* — два раза в испорченном тексте. С начала XII в. русские рукописи не употребляют *ж* и *ж*, тогда как различие букв *и* и *л* начинают использовать в новых целях (см. § 51). Самые ранние восточнославянские рукописи, переписанные с западнославянских и западноболгарских глаголических оригиналов, дают противоречивую информацию о стадиях утраты носовых гласных в произношении. В новгородской ПМХI замена *ж* на *ou* или *л* на *и* определяется окружающими согласными, а в ГБХI — в зависимости от долготы или краткости слога (как и в некоторых среднеболгарских текстах). Точных сведений об этом получить не удастся, поскольку синтагматические изменения фонем в письменном тексте всегда передаются непоследовательно.

Результатом изменения явилась новая парадигматическая система гласных:

§ 48. Деназализацию носовых гласных у восточных славян можно датировать довольно точно. В записях Константина Багрянородного восточнославянские слова с носовым ⟨ǫ⟩ передаются буквами *ou* (*beroutsi* = *вьрѡци* — ‘кипящий’), с носовым ⟨ę⟩ — буквой *a* (*Neasit* = *неаѡситъ* — ‘пеликан’), однако в безударном слоге сохраняется носовое ⟨ę⟩ (передается сочетанием *en*: *Sfentosthlabos* = *Святославъ*). Древнейшие славянские заимствования из греческого, скандинавских языков или финские заимствования из языка восточных славян отражают наличие носового гласного. Ср.: др.-русск. *сѣдѣ* и финск. *suntia* (‘наказывать’); эст. *sund* (‘судья’); др.-русск. *Сойдѣ* < др.-сев. *Sund* (‘залив’); оба примера показывают, что в эпоху заимствования ⟨ǫ⟩ = *un*. В конце IX в. через южнорусские степи прошли кочевники угры, которые заимствовали восточнославянские слова еще с носовыми гласными: венг. *galamb* < др.-русск. *голѣбъ*, венг. *rënd* < др.-русск. *рѣдѣ* и др. Само название народа восточные славяне переняли как *ѡгры* < (*v*)*engr*-. Наоборот, в древнейших заимствованиях из восточнославянских говоров в литовский славянские гласные ⟨ā, ę, ja⟩ передаются уже одним и тем же *ė*: лит. *časas* (‘время, пора’), др.-русск. *часѣ*; лит. *prėslas* (‘прясло’), русск. *прѣсло*; др.-русск. *прѡявление*, лит. *pra-jėvas* (‘чудесное явление, чудо’) и т. д. Ко времени этих контактов (после X в.) ⟨ā⟩ и ⟨ę⟩ восточными славянами не различаются, совпадая с ⟨ja⟩.

Важное значение имеют наблюдения над передачей скандинавских имен в русской летописи, особенно в договорах с греками. В ПВЛ (в договорах 907 и 911 гг.) скандинавские имена, имеющие в своем составе сочетания типа [on, un], дают еще рефлекс носового гласного, т. е. в более поздних, дошедших до нас списках этих текстов передаются через *ou*, *y*: *Асмоудѣ* < *Asmundi* (асмодѣ) или (асму^ндѣ), *Боуды* < *Bondi* (бу^нды), *Веремоудѣ* < *Vermundr* (вермодѣ) или (верму^ндрѣ) и т. д. В договоре 944 г. транскрипция и транслитерация этих имен другие: *Амоу^ндѣ* < *Amundi* (аму^ндѣ), *Инѣгварѣ* < *Ingjahr* (инѣгварѣ), *Инѣгельдѣ* < *Ingjaldr* (инѣгельдѣ) и т. д. Действие закона открытого слога еще продолжается, поэтому сложные сочетания согласных разрежаются вставочными редуцированными ⟨ъ, ь⟩ после ⟨н⟩, но сами сочетания [un, in] уже никогда не передаются

рефлексом носового гласного, видимо, потому, что к середине X в. носовых уже нет. В текстах (в том числе и восходящих к X в.) появляются написания греческих слов типа *Аньдрѣа* < *Andreas*; *кинѣсъ*, *кинѣсъ* < *kēnsos* ('налог'); *пенѣтикоѣстии* < *pentēkostē* ('пятидесятница'), *сканѣдѣль*, *сканѣдѣль* < *skāndalon* ('ловушка'); *скумѣнѣ* (в И73 также *скуменѣ*) < *skūmnos* ('львенок') и др. (во всех случаях со вставочным редуцированным: это новое средство избежать закрытого слога, появившегося после утраты носовых).

Таким образом, к середине X в. дефонологизация носовых гласных у восточных славян завершилась. На основе косвенных данных то же время изменения носовых указывается для чешского, словацкого и лужицких языков.

§ 49. В образовавшейся системе гласных фонем наиболее серьезным моментом является столкновение фонетически сходных гласных нижнего подъема, т. е. <ě—ǣ—а>, которые в фонетической транскрипции следует представить как [ʼǣ—ǣ—а]. Совпадению фонем <ǣ—ǣ> грозила утрата ринезма, а это нарушило бы очень важные морфологические противопоставления, в том числе и во флексиях. Поэтому на синтагматическом уровне сразу же начались новые преобразования.

Л. Л. Васильев обнаружил, что в древнерусских рукописях до середины XII в. буква ѡ обозначала <ǣ>, не смягчавшее предыдущего согласного и в соответствии с прежней фонемой <ѣ> (*сѣдоу*), и на месте общеславянского <ǣ> (*прѣмо*), и на месте <а> после свистящего (*кѣнѣзѣ*), и на месте сочетаний [ja, je] после сонорных <р, ѡ> (*боурѣ*; после <л, н> пишется ѡ: *волѣ*). Все эти написания указывают на смешение <ѣ—ě—а> в определенных фонетических условиях до того, как произошло обобщение <ě≤ē> и <ě≤ai> в одну фонему, но после утраты ринезма носовыми гласными. Смешение <ě> и <ѣ> в зависимости от предшествующего согласного могло произойти лишь после изменения <ѣ≥ǣ>, когда произошло совпадение «двух <ǣ>» — из <ě> и из <ѣ>.

Чтобы этого не случилось, в синтагматической системе древнерусского языка, в сочетаниях фонем друг с другом выработался следующий принцип: перед <ǣ≤ѣ> не мог быть мягкий (среднеязычный) согласный, а перед <ǣ≤ě> — мог, так как ѣ восходит не только к <ѣ>,

но и к дифтонгу [ai]. В результате в древнерусском языке происходит последовательное перераспределение гласных <ѣ> и <е> (т. е. [a] и [ä]) по позициям в зависимости от предшествующего согласного: 1) после палатального всякое [ä] из <е> заменяется фонемой <ѣ>; 2) после непалатального всякое [a] из <ѣ> обязательно заменяется фонемой <ä>. Происходит это в разных грамматических классах слов, существенно важных для системы:

1. В формах родительного падежа единственного числа *jā-основ, именительного-винительного падежей множественного числа тех же основ, винительного падежа множественного числа *jo-основ, которые всегда имели палатальную основу, флексия <је> заменилась на <ѣ> (в рукописях *ѣ* на *ѣ*), т. е. на месте ст.-сл. *земля*, *конѣ* появляются др.-русск. *земль*, *конь* (ср.: *недель* в АЕ1092; *воь*, *ключь* в ГЕ1144 и др.; в русских рукописях обычно с XII в.). В некоторых словах в форме множественного числа, например в слове *гаци* ('нижнее белье'): в южнославянских языках флексия <е> (сербск. *rahe*), в западных и восточных языках — <ѣ> (др.-чешск. *hácě*, чешск. *gatě*), в древнерусском также *гациь* с последующим выравниванием по общему для *pluralia tantum* типу *гачи*.

2. В суффиксе имперфекта с характерным для древнерусского языка изменением типа *неспахъ* > *несахъ* одновременно отражены и стяжение, и фонематическая твердость <с>, поскольку после него употребляются не *ь*, *ѣ*, а *а* — гласная буква, передававшая непалатальность предшествующего согласного. В старославянском языке возможно еще колебание между употреблением *ь* и *а* в некоторых изолированных корнях и суффиксах, а в древнерусском происходит уже унификация за счет *а* (после непалатальных губных, заднеязычных, а также <р>): ст.-сл. *камьнъ*, *камьнъ*, др.-русск. *камьнъ*; ст.-сл. *пламьнъ*, *пламьнъ*, др.-русск. *пламьнъ*; ст.-сл. *помьнати*, *помьнати*, др.-русск. *помьнати*; ст.-сл. *прьмо*, *сьмо*, др.-русск. *прьмо*, *сьмо*. Такая замена никогда не происходит в корнях (ср.: русск. *няня*, польск. *niania* и болг. *нени*, сербск. *нена*, также корни типа *дрьмати*, *сьмиш*, *тьмь* и др.) и в тех продуктивных суффиксах, которые содержали носовой согласный (причастия типа *одьнъ*, существительные типа *младьнъць*, местоимения типа *тьмь* и др.). Это показы-

вает, что синтагматическое распределение гласных происходило преимущественно на стыке морфем (имеет морфологические основания и служит морфологическим целям) и только в изолированной позиции (где нет чередования палатального согласного с непалатальным, или наоборот). Таковы естественные пределы колебаний в первоначальном варьировании $\langle \bar{a} - a \rangle$, которые были поставлены парадигматической системой фонем. Наиболее выразительно они проявляются в самых ранних русских рукописях (например, в ПМХІ), следовательно, по времени очень близки к изменениям носовых гласных и являются прямым следствием такого изменения.

Таким образом, в результате утраты носовых произошло функциональное перераспределение гласных нижнего подъема в зависимости от предшествующего согласного, а именно:

после палатальных $\langle \bar{a} < \bar{a} < a \rangle$ } $\langle ' \bar{a} - ' a - a \rangle$ ($\bar{a} - a - a$)
 после непалатальных $\langle \bar{a} > \bar{a} > a \rangle$ }

Как и $\langle \bar{u} \rangle$ и по той же причине (противопоставление $\langle \bar{y} < \bar{o} \rangle$), $\langle \bar{e} \rangle$ становится гласной фонемой, которая, по выражению Л. Л. Васильева, с этих пор «вызывает особую мягкость предшествующего согласного», порождая вторую степень мягкости. Однако, несмотря на важность, это противопоставление было чисто синтагматическим, на некоторое время «спасало» фонемные противопоставления в сочетаниях фонем, но требовало новых изменений в самой системе фонем.

Завершение тенденции к слововому сингармонизму.

Вторичное смягчение полумягких согласных

§ 50. Вторичное смягчение полумягких согласных, т. е. непалатальных фонем, смягчаемых в положении перед гласным переднего ряда (*спѣдѣ* [с.ѣд.ѣ]), с фонематической точки зрения представляет собой фонологизацию признака мягкости, т. е. распространение этого признака и на прежде твердые согласные. Этот процесс охватывает вторую половину XI в. и может быть описан во всех подробностях.

Обычным обозначением исконно мягкого (палатального) согласного в древнеславянских рукописях является йотация следующего за ним гласного: *вони, дрѣвѣ,*

помышляти (т. е. [н"а, л"е, л"а]) в отличие от *лещи*, *лагоу*, *лагна* (т. е. [л"е, л"а, н"а]) и т. д. В самых древних русских рукописях, к числу которых относится и ПМХІ, это единственный способ обозначения палатального, который вынесен из церковнославянской письменной традиции и почти точно соответствует исконным фонетическим отношениям — противопоставление палатального велярному, например ⟨л" — л⟩ в одной и той же позиции. В этой системе ⟨л", н"⟩ — среднеязычные, образовавшиеся из сочетания ⟨л, н⟩ с ⟨j⟩, который и переводил эти сонанты в средний ряд. Преимущественно только йотацией фонемы ⟨л", н"⟩ обозначены в ОЕ1056, И73 (здесь 45 раз йотируется даже *ль* — большая редкость в древнерусских рукописях), М96, М97, ЖКХІ, ЕПХІ, ДЕ1164, Мстисл.гр.ок.1130 и др., что отражает скорее традицию письма, чем произношение писцов.

Несколько позже появляются и другие обозначения. Из числа наиболее распространенных следует указать надстрочный знак каморы, который ставился в промежутке между согласным и гласным: *въ нѣмь*. Такое обозначение sporadически встречается уже в ГБХІ с интересной дифференциацией по отношению к традиционному обозначению: палатальные согласные по-прежнему обозначаются йотацией следующего гласного, изредка и каморой, в то время как согласные вторичного смягчения обозначаются только каморой: *гнѣвъ*, *по винѣ*, *стѣнѣ*, *огнь*, *огна*, но и *огнемѣ*.

В более поздних рукописях либо нет специального обозначения палатальности (в И76, ЮЕ1120, С1156 и др., особенно в северных рукописях), либо оно проведено sporadически (как в ЗХІІ, где всего три раза показана палатальность согласного). Самой важной особенностью рукописей конца ХІ — начала ХІІ в. является широкое распространение графических средств выражения мягкости согласных. В АЕ1092 появляется и новое для русских рукописей обозначение (в переписанном из болгарского оригинала ГБХІ оно использовано только раз) — посредством черточки (крюка) справа от буквы (н); в МДХІ палатальные обозначены точками, а палатализованные — йотацией гласного. Несколько раз крюки, перенесенные из оригиналов, использованы в ОЕ1056, И73 (в последнем он использован 53 раза). Зато в рукописях ХІІ в. этот способ стано-

вится основным в передаче палатальных, он последовательно использован в МЕ1117, Выг. XII, УСХ II, а также в рукописях конца XI — начала XII в., таких, как ЧПХ I, СПХ I. В начале XII в. много южнорусских рукописей со смещением крюка и йотации (ПАХ I, ГЕ1144, ХАХ II). Палатальные обозначаются с помощью крюка, причем не только <л", н">, но и <р"> (*цѣра, вечера* в АЕ1092.), <ж"д"> (*въждѣлахъ, дѣждѣ, неподвижное, пригвозждены* в Выг. XII; *жаждеть, ижденоу* в МЕ1117); согласные вторичного смягчения обозначаются либо крюком, либо йотацией (*иконѣ, испѣлнѣни, плѣнѣти* в Выг. XII).

Обычно не обозначалось как мягкое <р">. В ОЕ1056 форма *морѣ* (род. п. ед. ч.) обычнее, чем ожидаемая *морѣ* (в § 49 показано, что в этом отражается смещение <ja>ā) после твердого согласного), здесь нет также йотации перед <р">: только *боура, боуроу, горе, гороушьноу, море, цароу* и др. Много примеров своеобразного отвердения <р"> в И73, АЕ1092 и др., что, может быть, связано с влиянием оригиналов, потому что восточноболгарские рукописи XI в. (СРХ I и СЕХ II) отражают то же явление.

Обозначение мягкости смягченных согласных проникает в русские рукописи с конца XI в. (если не считать нескольких случаев в И73, может быть, и подвергшихся сильному воздействию южнославянской орфографии таких рукописей, как ПАХ I, ГБХ I, где написаний типа *тѣбе* довольно много). Из надежных источников рассмотрим: 1) ПМХ I и ГЕ1144; 2) АЕ1092, МЕ1117 и С1156; 3) ЕКХ II.

В ПМХ I (рукопись первой половины века) отражена интересная закономерность — *ѣ* вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *ѣ* пишутся здесь главным образом после <л, н, р>: *кѣнязь, изрядѣно, обрыцоу, по ридоу, сътрысь*; также в суффиксах причастий (65 раз) типа *большоу, зѣриштимѣ, моляще*; в конце слова также в причастных формах (*зѣри, моля, храня*); в формах именительного падежа единственного числа среднего рода типа *мѣни* и т. д., тогда как после прочих согласных сохраняется *ѣ* (*нось, свѣтъ* и др., при исключениях: *славѣца, сѣ, тѣ*); *възъмѣть, въ пеленахъ, ѣмень, на колесе, посреѣдѣ, Феодуль* (зв. п.) и др. пишутся так же, как и исконные палатальные типа *воиѣ, дръвѣѣ*. Учитывая все написания с *ѣ*, *ѣ* на месте *ѣ*, *ѣ*, в ПМХ I отмечаем 175 случаев обозначения полумягких <л, н, р, з, с> как палатальных.

Сопоставление написаний типа *хотѧ* — *зѣри* показывает, что рукопись отражает функциональное совпадение полумягких и палатальных, но только у тех согласных, которые еще в праславянском языке имели одинаковые палатальные и палатализованные согласные, т. е. с точки зрения системы различались только признаком ряда (палатальные — это среднеязычные согласные).

В ГЕ1144 палатальные <л, н> обозначаются всеми тремя способами (йотацией, крюком и каморой), <р> — только четырежды перед <у> каморой (*мор'ю*), так же <з, с>. Полумягкие <л, н> передаются йотацией (но не надстрочным знаком), а <р, з, с> — нет.

В рукописях второй группы все согласные обозначаются как мягкие перед ю, и (*идѣ, крѣви, плѣтоша, рѣче, тѣбе, си* и др.), но только йотацией гласного и, видимо, безразлично к тому, в какой области рукопись написана. В М97 159 примеров такого типа; в АЕ1092 перед <е> совпадения <л', н'> и <л", н"> довольно редки, поэтому Н. Н. Дурново предполагал, что в говоре первого писца <л'> и <л">, <н'> и <н"> совпадали перед <и>, но еще различались перед <е>. Синтагматическое варьирование палатальных и палатализованных можно установить и по другим рукописям до середины XII в.

ЕКХII типична как рукопись XII—XIII вв., в которой различение *ла* и *ла̑* уже не имеет никакого значения и является чисто графическим приемом с чередованием *ла/ла̑*: безразлично к происхождению и функции оба написания употребляются почти поровну. К концу XII в. никаких фонетических оснований такое графическое разграничение уже не имело.

§ 51. Если не принимать во внимание редких отклонений, обязанных влиянию старославянских оригиналов, в основном изменение графических обозначений палатальности в древнерусских рукописях идет в следующей последовательности: до середины XI в. — йотация, с середины XI в. до начала XII в. одновременно с йотацией развивается употребление каморы, с конца XI в. и до конца XII в. обычным средством выражения палатальности становится крюк. При этом на первом этапе в качестве мягких могут передаваться смягченные [л, н, р, з, с]; на втором этапе положение существенно не меняется (встречаются рукописи, отражающие его, например ГЕ1144), но с конца XI в. количество смягченных, передаваемых как мягкие, увели-

чивается (в АЕ1092 — 54 раза), а к середине XII в. это изменение фактически охватывает все типы согласных.

Выбор знака для обозначения палатальности вряд ли случаен. До середины XI в. устойчивая ориентация на йотацию связана с распределением гласных в начале слова (см. § 17). Графические сочетания типа *ю*, *ѣ*, *и* обозначали не сочетание <j> с гласным, а передний нелабиализованный гласный. <j> нефонематичен, и, следовательно, в написаниях типа *дрѣвѣ* буква *ю* обозначает не только мягкость <л>, но и отсутствие лабиализации у <е>. Исконно мягкие шипящие и <ц> в этой позиции не обозначались знаком *ю*. Там, где чередование с лабиализованным и не могло возникнуть (например, перед *н*), там обычно нет и йотации. Палатальность <л, н> существует сама по себе, независимо от следующего гласного, и не нуждается в обозначениях. Связанное с фонетическими изменениями появление каморы, а затем крюка явилось переворотом в графике. Теперь знак смягчения стал возможен перед любым нелабиализованным гласным, т. е. также и перед <ѣ, и, ь>. Даже графически этот знак оторвался от гласного элемента слога и теперь обозначал не определенное качество гласного, а какую-то особенность всего слога в целом, напоминая функцию титла; ср. *нынѣ* [нынѣ] как *гъ бѣ*. Именно в это время происходит отмеченное Л. Л. Васильевым неорганическое смягчение [н' > н"] после <г, к> в словах типа *гнѣвъ*, *огнь*, *огню* (ГБХІ), не участвуя в слоге с <ѣ> (*гѣнешѣ*, *окѣно*), следовательно, — до утраты редуцированных. Но изменения в положении после <г, к> имеют колебания в различных славянских языках (ср.: чешск. *hnus*, сербск. *гнус* с <н'>, русск. *гнус* с <н>), следовательно, смягчение происходит все-таки незадолго перед утратой редуцированных. Это доказывает, что камора действительно связана с обозначением мягкости целого слога, а не одного <н">.

Введение крюка, в свою очередь, указывает на то, что обозначение мягкости согласного снова изменяется: следует передать именно мягкость или твердость согласного, независимые от качества следующего гласного. Варианты самих гласных букв становятся ненужными и постепенно меняют свое назначение (л — ѣ).

§ 52. Таким образом, в соотношениях

$$\left. \begin{array}{l} [\text{лу}] \\ \{[\text{л}^{\text{н}}\text{у}]\} \\ \{[\text{л}^{\text{е}}]\} \end{array} \right\} \text{ (I) и } \left. \begin{array}{l} [\text{ду}] \\ [\text{д}^{\text{е}}] \end{array} \right\} \text{ (II), но } \left. \begin{array}{l} [\text{ку}] \\ [\text{кы}] \end{array} \right\} \text{ (III)}$$

начинается преобразование «разных степеней мягкости». В соотношении I возникло противоречие между фонетическим сходством (мягкость и полумягкость после изменений ⟨j⟩ мало чем отличались друг от друга) и фонематическим различием (противопоставление палатального ⟨л̣⟩ непалатальному ⟨л—л̣⟩), полумягких [л, н, р, з, с] — мягким [л̣, н̣, р̣, з̣, с̣]. Фонематические различия нейтрализовались в некоторых морфемах, т. е. не выполняли различительную функцию; ср., например, странное противопоставление палатального непалатальному в одной и той же основе: *жителѣа*, *рыбарѣа* (ед. ч.), *жителе*, *рыбаре* (мн. ч.), т. е. [л̣, р̣] — [л̣, р̣]. У некоторых имен такое противоречие было устранено введением суффикса единичности (*крѣстынинѣ* — *крѣстынѣ* с постоянной велярностью основы), но и тут первоначальное соотношение корня сохранилось (не обозначаясь на письме: [крѣст̣ъjaṇ] — [крѣст̣ъjaṇ]). Только [л̣, н̣, р̣] — [л̣, н̣, р̣] пересекались также и в формах спряжения; ср.: *хвалѣа* — *хвалѣа* (т. е. [л̣] — [л̣]), *жынѣа*, но *жынѣа* — *жынѣа* (совр. *жну* — *жнущий*), также *стенѣа* — *стенѣа* (т. е. [н̣] — [н̣]). Так же ведут себя и [з̣, с̣] — [з̣, с̣], например, в парадигме местоименного склонения; ср. формы *въсь* (им.-вин. п. мн. ч. ж. р.) и *въсьмѣ* (тв. п. м. р.) с «разными» по качеству свистящими: в первом случае ⟨с̣⟩ (ср. ст.-сл. *вѣса*), во втором — [с̣], так как флексия *мѣ* является вторичной, не связана с мягкой основой склонения (ожидалось бы *въсьмѣ*, ср. *симѣ*). Однако «вторая ступень мягкости» и здесь приводила к нефонематическому смягчению ⟨с̣⟩ перед *мѣ*, в результате чего одна и та же парадигма давала фонетически сходные, но фонематически неравноценные типы смягчения согласного в корне. Кроме того, целая серия морфологических выравниваний привела к тому, что одно и то же окончание стали получать фонематически разные основы; ср. формы местного падежа единственного числа *кони* [кон̣'и], *дѣни* [д̣'ѣн̣'и], *конѣ* [кон̣'ѣ] (от *конѣ*, *дѣнѣ*, *конѣ*); само окончание совпадало и у твердых, и у мягких основ, но в твердой основе сохранялось [н̣], а в мягкой — ф у н к-

ционально равное ему ⟨н⟩. Такое сходство в функции способствовало совмещению мягких и полумягких согласных в одну фонемную единицу, произошло преобразование

$$\left\{ \begin{array}{l} \{лу\} \\ \{л'у\} \end{array} \right\} \text{ в } \left\{ \begin{array}{l} \{лу\} \\ \{л'у\} \\ \{л'е\} \end{array} \right\}, \text{ но } \left\{ \begin{array}{l} \{ду\} \\ \{д'е\} \end{array} \right\} \text{ и } \left\{ \begin{array}{l} \{ку\} \\ \{кы\} \end{array} \right\}$$

еще сохранялись некоторое время как непалатальные. Вторичное смягчение полумягких началось в тех согласных, которые имели сходные (одинаковые по образованию) палатальные и палатализованные (⟨н⟩, ⟨н'⟩) варианты, связанные общностью функции. Произошло перераспределение оттенков двух фонем, определяемое морфологическими пределами их варьирования.

В связи с совпадением ⟨н'⟩, ⟨н'⟩ возникает новый, общий для них дифференциальный признак. В изменении

$$\left\{ \begin{array}{l} \{л'е\} \\ \{л'е\} \\ \{ла\} \end{array} \right\} \text{ в } \left\{ \begin{array}{l} \{л'е\} \\ \{л'е\} \\ \{ла\} \end{array} \right\}$$

[л'е], совпадая с [л'е], утрачивал бы и свои функциональные связи с [ла] (на самом деле их не было: [л'е—ла] противопоставляются только в корнях; ср.: *лебедь* [л'еб'ед'ь] — [лабод'ь]), а [л'е], совпадая с [л'е], в свою очередь, утрачивал свои фонетические связи со среднеязычными. В результате совпадения в одну фонему каждый из элементов (и [л"], и [л']) поступился чем-то, чтобы устранить функциональное противоречие между сходством звучания и различием в значении. В конечном счете их общим признаком стала палатализованность (бывшая прежде признаком [л'е]) — дополнительная йотовая артикуляция основного согласного. Этим древнерусское вторичное смягчение отличается, например, от древнепольского или древнечешского, в которых выбор был сделан в пользу среднеязычной артикуляции (палатального ⟨л'⟩). Особенность древнерусского варианта заключалась в том, что палатализованность в принципе возможна для любого согласного, а палатальность — нет, и потому впоследствии в русском языке образовался коррелятивный ряд согласных по твердости — мягкости (см. § 78).

§ 53. Объективным критерием выделения корреляции по твердости — мягкости из прежней палатальной

зоны образования становится поведение заднеязычных и губных согласных, которым практически очень трудно получить смягчение (даже в современном русском литературном произношении они производят «впечатление мягких» только благодаря вокалическим переходам с полугласными типа *пить* [пјит'], [пјит']). Поэтому в тех русских говорах, в которых губные и заднеязычные не вступают еще в корреляцию по твердости — мягкости, по-прежнему сохраняется исходный палатальный ряд, поскольку только заднеязычные и губные не могут образовать среднеязычного ряда. В свое время такие изменения коснулись белорусского языка: кроме палатальных он включил в противопоставление по твердости — мягкости только зубные, которые и сами стали палатальными (ср. произношение слов типа *дети* < *дѣти* как [д'з'ец'и]). В древнерусском языке, таким образом, произошло не вторичное смягчение полумягких, а скорее, фонематическое отверждение палатальных, потому что полумягкий (палатализованный) «тверже» палатального.

Совпадение [л''] и [л'] и т. д. в древнерусских рукописях отражается в смешении букв, указывающих именно на отверждение палатальных. Так, в И73 формы типа *до недѣла*, *землоу*, *на ноу*, *от чрева матера*, *оухыштравъ*, *прѣмышлаи*, *твора*, *жвлатъ* встречаются в следующем распределении:

Соглас- ный перед	[л'']	[л']	[р'']	Всего
[у]	49	36	14	99
[а]	5	—	12	17
Итого:	54	36	26	116

Пересечение форм типа *твора* — *творити* — *твороу* (т. е. [р'ä—р'и—р'у]) показывает, что в рукописи отражен процесс совпадения палатальных и непалатальных согласных одного качества. Тот факт, что «смешение» отражается только перед <а, у>, вовсе не определяет условий изменения, потому что только перед этими гласными писец мог отразить синтагматическое изменение языка. Рукопись И73 в орфографии зависит от восточноболгарского оригинала, в котором подобное

смещение букв встречается. Однако и другие древнерусские рукописи того же времени (но не раньше, этого нет в ПМХІ) отражают тот же процесс.

Особенно показательны данные об отвердении ⟨р⟩. Кроме ОЕ1056 (см. выше) то же находим в АЕ1092 (*оупокрѣтити, приобращѣтъ, рокоша, рызы, сътворюу*), в Выг. XII (*градоуца*) и т. д. — р на месте ⟨р⟩ встречается уже и перед ⟨и, е⟩, хотя в этой позиции мягкость ⟨р⟩ сохранялась дольше, чем перед другими гласными. Впоследствии число рукописей с подобными написаниями увеличивается.

Наоборот, новгородские рукописи второй половины XI в. и XII в. указывают на совпадение ⟨л, л'⟩, ⟨н, н'⟩ в палатальном варианте (*лючами, лочь* в М95), такие примеры встречаются вплоть до XIV в.: *аньны* ('Анны'), *въ противную весь, маньноу, оусню* в Ев.С.

Все эти факты отражают разное направление диалектного выравнивания в двух типах сонорных согласных: из «трех л и н» (т. е. [л—л'—л''] и [н—н'—н'']) и «двух р» ([р—р']) у восточных славян отмечено два возможных типа изменения — отвердение только ⟨р⟩ и развитие противопоставления ⟨л'—л⟩, ⟨н'—н⟩ (где [л', н'] сохранили палатальность) — или распространение нового фонемного признака и тем самым сохранение всех трех сонантов в корреляции по твердости — мягкости (т. е. [р—р'] = [л—л'] = [н—н']); последнее произошло в большинстве древнерусских говоров и стало типичной особенностью собственно русских говоров. Отвердение же ⟨р⟩ в южной зоне распространения древнерусского языка произошло настолько рано, что впоследствии, когда начались изменения палатальных ⟨л, н⟩, рукописи уже не отразили никаких колебаний у ⟨р, р'⟩; ср. в ПА1307, где много примеров отвердения ⟨л', н'⟩, связанных, несомненно, с отвердением губных сонантов ⟨в, м⟩, но не ⟨р'⟩: *былы, выно* ('вино'), *денъ, донѣдеже, мотыль, прислалы* и др.

Таким образом, вторичное смягчение есть не фонетическое увеличение степени мягкости полумягких (смягченных) согласных, а фонологизация уже существующей в слоге фонетической мягкости. Это происходило вследствие указанных морфологических причин не у всех согласных одновременно; на различных территориях Древней Руси возникли собственные типы фонемных противопоставлений.

§ 54. Положение осложняется в связи с одновременными изменениями $\langle \ddot{a} \leq \epsilon \rangle$. Если прежде только $\langle л, н, р, з, с \rangle$ могли морфологически пересекаться своими палатальными и велярными типами, теперь фактически любой согласный мог оказаться в таком положении; например, в формах имперфекта *видѣахъ* [$\dot{\epsilon}a$], *знаахъ* [aa], *хожаахъ* [$'aa$].

Согласные корня во всех случаях фонематически равны, ибо и перед $\langle a \rangle$, и перед $\langle \dot{\epsilon} \rangle$ употреблены твердые согласные (за исключением исконно мягких в последнем примере, которые и не могли быть велярными). После изменения $\langle \epsilon > \ddot{a} \rangle$ происходили описанные изменения $\langle \ddot{a} > \dot{\epsilon} \rangle$ в зависимости от предшествующего согласного, т. е. в наших сочетаниях начались перемещения вариантов: [$t\dot{\epsilon}a > t\ddot{a}a$], потому что после смягченного согласного в изолированной позиции теперь может употребляться не $\langle \dot{\epsilon} \rangle$ а $\langle \ddot{a} \leq \epsilon \rangle$ (на письме не ѣ, а а). В новых сочетаниях, т. е. в наших примерах соответственно [$t\ddot{a}a$ —таа— $t\ddot{a}a$ —ж'аа], стяжение гласных было связано с условием: сохранить мягкость сочетания (слога), как у [$ж'aa \Rightarrow ж'a$], или устранить ее, как в случае с [$таа \Rightarrow та$]. Совпадение в твердом слогe еще невозможно, так как это привело бы к совпадению гласных фонем $\langle a \rangle$ и $\langle \ddot{a} \rangle$. Но поскольку позиционная мягкость $\langle л, н, з, с \rangle$ фонологизовалась в результате вторичного смягчения полумягких, имеющих палатальные соответствия, постольку и в данных сочетаниях выбор был сделан в пользу мягкости, произошло вторичное смягчение остальных согласных, имевших палатализованные варианты в положении перед передним гласным (*писахъ*, *несахъ*, т. е. [$са, с'\ddot{a}$]), кроме $\langle г, к, х \rangle$, которые таких вариантов не имели, и $\langle в, м \rangle$, которые не приняли признака мягкости (см. § 78). В результате морфологического выравнивания, допускаемого новыми фонемными отношениями, возникали новые позиции различия твердости — мягкости согласных; ср. формы кратких причастий мужского рода именительного падежа единственного числа: *неса* — *носа* (т. е. [$са—с'\ddot{a}$]), *веда* — *вода* (т. е. [$да—d'\ddot{a}$]) и т. д., но только *воза*, *зова*, *мога*, *река* и т. п. Увеличение числа сильных позиций для всех зубных шло параллельно с уменьшением числа сильных позиций для губных и заднеязычных, что ослабляло различительные возможности последних. Любопытно, что формы причастия типа *дада*, *паса* появляются только с М95

(до этого встречаем ст.-сл. *дады, пасы, сы*), а *приима, река* и др. появляются гораздо раньше, фактически в связи с утратой носовых гласных. Следовательно, именно процесс вторичного смягчения согласных допустил в конце XI в. возникновение форм типа *паса*, но еще не привел к другой возможности — к совпадению в общем типе *неся* — *нося* (что отмечается только после падения редуцированных).

Фонологическая система не допускает одновременного изменения и согласного, и гласного в пределах слога; вторичное смягчение знаменует собой фонологизацию мягкости согласных, которая вынужденно совпадает с противопоставлением гласных по ряду. Таким образом, в оппозиции $[са—с'ă] = [су—с'ÿ] = [та—т'ă] = [ту—т'ÿ]$ и т. д. качества гласного и согласного сопряжены в одном слоге, мягкость согласного перед передним гласным невозможна без гласного переднего ряда, и наоборот (следовательно, каждый гласный, стоящий после мягкого согласного, — передний). Возникает единая по ряду признаков функциональная единица — *силлабема* (от гр. *syllabē* — слог). Некоторые ученые допускают даже, что новый признак противопоставления, общий для гласного и согласного в пределах слога, был не линейным, а просодическим, т. е. признаком, сходным с долготой или интонацией. Расхождения в толковании явления несущественны, но важно, что в эпоху функционального единства слога по целому ряду признаков, т. е. наличия силлабем, от середины XI до середины XII в. в просодической системе древнерусского языка фонологически различных *интонаций* не могло быть, поскольку фонетически признаки палатации и интонации слога очень близки и потому в данной системе не могут использоваться одновременно. Южнославянские языки, сохранившие интонационные различия слога, не знали вторичного смягчения согласных и впоследствии не развили оппозиции согласных по твердости — мягкости.

§ 55. Вторичное смягчение наиболее последовательно и фонологически устойчиво было в тех диалектах древнерусского языка, в которых одновременно с тем 1) $\langle ę > \tilde{a} > a \rangle$ и $\langle ǫ > \tilde{y} > y \rangle$, 2) $\langle e > o \rangle$ в определенных условиях и 3) согласные перед $\langle \tilde{e} \rangle$ по степени мягкости не различались от согласных перед $\langle e \rangle$.

Важной и устойчивой особенностью северных говоров до сих пор является позиционное изменение $\langle a > e \rangle$ между мягкими согласными: *пятый* [п'áтый] — *пять* [п'ét']. Как остаточное явление оно встречается и в среднерусских говорах, уже перешедших к противопоставлению согласных по твердости — мягкости. В архаических говорах переход $\langle a > e \rangle$ возможен и перед твердыми согласными (*на ту пята* [п'étу], *оттянуть* [отт'énут'], *сяду* [с'éду], и без ударения в *памятях* [ф пам'et'áx], *кровяной* [кров'енóй], *лягушка* [л'егу́шка]). Притом иногда разграничивается употребление исконного $\langle \bar{a} > e \rangle$ (дает переход в $\langle e \rangle$) и исконного $\langle a \rangle$ (в $\langle e \rangle$ не переходит); ср. произношение [п'et'], [п'et'и], [п'этый] из *пять*, но *днями* [дн'ám'и], *сетями* [с'et'ám'и] (с исконным $\langle a \rangle$). В старожильческих сибирских говорах, сохраняющих полумягкость шипящих, сохраняется и функциональное различие между $\langle a < e \rangle$ и $\langle a < a, j\bar{e} \rangle$; ср.: *жажда* [ж'ажда] с полумягким [ж] перед $\langle a < e \rangle$, но *жаль* [ж'ал'] с [ж'] перед $\langle a < a \rangle$. Инструментальное изучение этого диалектного изменения показало, что фонетически в словах типа *пять* — *пятый* первые слоги различаются не гласными [e, a], а целыми слогами — с различной степенью мягкости согласного перед [ä], т. е. как [п'ä—п'ä]. В тех же говорах возможно совпадение [õ, y] в [и] в произношении ряда слов, как и в литературном произношении союза *либо* (*любо* еще в Сл.ПИ). Все это лексикализованные или фонетические остатки древнерусской системы, сохраненной в говорах, в которых после падения редуцированных фонемы $\langle \bar{a}—a, y—u \rangle$ не совпали в одну фонемную единицу (см. § 72) и, следовательно, сохранили остатки слогового принципа, действовавшего в древнерусском языке.

Это явление отмечается только в южнорусских (украинских) рукописях XII—XIV вв., а также в рукописях, отражающих особенности севернорусских говоров, которые в XIV—XV вв. еще только отходили от древнерусской силлабической системы. А. И. Соболевский приводил примеры из ДЕ1164 и др. (*печели, приселется, развраще́ть* и т. п.), а диалектологи подтверждают, что в северо-западных украинских говорах до сих пор отмечается переход $\langle e > a, a > e \rangle$ (*жель, счастье, тяжело*), но не после [л] (*гуляти, для*), причем особенно широко представлено изменение $\langle e < e \rangle$. Это изменение должно

было произойти до отвердения ⟨р⟩, т. е. довольно рано, так как в украинских говорах встречается архаическое произношение типа *буре* [бур'а], *порядок* [поредок], *прясти* [прести] (с ⟨е<е̣⟩). Оно происходило до отвердения согласных перед ⟨е⟩, т. е. также очень рано; все это связывает изменение со временем формирования корреляции по твердости — мягкости.

Те же выводы касаются другого сопутствующего изменения гласных. Вторичное смягчение не развивалось последовательно в тех говорах, которые имеют изменение ⟨е>о⟩ только после исконно мягких согласных (см. § 88), — это те же севернорусские и украинские говоры, которые отражают изменение ⟨е>е̣⟩.

О «двух степенях мягкости» согласного перед следующим передним гласным историки и диалектологи говорили неоднократно. О. Брок в архаических тотемских говорах особенно сильное палатализующее воздействие ⟨ѣ̣⟩ (из ъ) на предшествующий согласный объяснял распадением дифтонга [ịe>ie], чем он и отличался от ⟨е̣⟩. Л. Л. Васильев разницу между ⟨ѣ̣⟩ и ⟨е̣⟩ видел в различном влиянии на предшествующий согласный: в первом случае более мягкий, чем во втором. В украинских и севернорусских говорах ⟨ѣ̣, е̣⟩ действительно развивались иначе, чем в большинстве других древнерусских говоров, а это косвенно может подтверждать (см. табл. в § 49) выделение двух типов гласных переднего ряда, т. е. [ị'е̣, 'и̣], но [ị'е̣, 'а̣].

Таким образом, вторичное смягчение впоследствии определило целый ряд вокалических изменений: [ā>а, ·у>у, е>о, ѣ̣>е̣] или ⟨ѣ̣>и̣⟩ (см. § 72, 88). Совпадение всех этих условий в одной системе может указывать, происходила ли когда-то в исходной системе данного говора фонологизация мягкости согласных или такого изменения не было (оно не завершилось последовательно), если различные степени мягкости согласных по-прежнему сохраняются в говоре.

§ 56. В результате вторичного смягчения согласных и образования силлабем в системе появились сочетания, не имевшие парных по новому признаку эквивалентов: сочетания заднеязычных и шипящих с ⟨ц⟩ перед некоторыми гласными. Началось взаимное приспособление фонемных признаков гласного и согласного в пределах слога, особенно выразительное в слогах с шипящими.

В древнерусских рукописях довольно последовательно

писались после шипящих и <ц> только *а* и *ю* (на месте *я, ю*). Однако между рукописями разного времени имеются различия. ПМХІ, МДХІ, ЧПХІ, ОЕ1056, И73 и другие ранние рукописи последовательно передают написания типа *ша, шоу, шь, ши*; исключения появляются уже в И76. Но особенно изменяется орфография в АЕ1092, М95, ЕПХІ, становясь впоследствии особой приметой древнерусских рукописей до XIII в.: наряду с написанием типа *ша* возможны только написания типа *шю*. Это не случайное изменение орфографической нормы, потому что хронологически оно совпадает с вторичным смягчением согласных и отражается во всех возможных сочетаниях с гласными переднего ряда. Так, *а* на месте <ѣ, а> после шипящих может заменяться на *е*: *жены за mouже* в И73; *щедить* в ПАХІ; *оукрашаемъ, шетание, шетания* (также *шатания*) в МХІ; *въждедая, соуграженинъ* в М95; *желъите* (также *желъниемъ*), *запрещею, подѣ лежениемъ* в БГХІІ. Такое изменение сохранялось и в более поздних рукописях: *свершети, чюжего* в ПА1307; *слышелѣ* в ПСХІV и т. д. (в западно-русских и в новгородско-псковских рукописях, поскольку в соответствующих говорах этот этап изменения задерживался).

Появляются написания с *ѣ, о* после шипящих. При этом написания с *жѣ, шѣ* на месте <жь, шь> мало показательны, ибо возможны и в ранних рукописях, переписанных с восточноболгарских оригиналов (ГБХІ, ОЕ1056); замена же *е* на *о* подтверждает изменения гласного в слоге по качеству. Все это заставляет предполагать общую причину изменения, отраженного в орфографии. Оказывается, во всех возможных колебаниях, представляемых нам древними рукописями, именно в типах

шатание > *шетание* [ш'а > ш'е]
жажа > *жажа* [ш'а > ш'а]
же > *жо* [ш'е > ш'о]
шьѣ > *шѣѣ* [ш'ь > ш'ь]
прошоу > *прошоу* [ш'у > ш'у]

в рукописях до середины XI в. смешение шло не по признаку ряда, а по подъему; ср. наиболее ранние примеры в ОЕ1056: *алчѣ* (на месте формы 1-го л. ед. ч. *алчиж*), *даѣ* (на месте *дажѣ*) и т. д.

Различие между ст.-сл. *кожю* и др.-русс. *кожоу* (до второй половины XI в.) того же типа, что и различие

между ст.-сл. *юноша* и др.-русск. *оуноша*. В обоих случаях маркированный по признаку лабиализованности гласный не нуждается в специальном обозначении различия, возможного только у гласного. Палатальность шипящих — такой же постоянный признак этих согласных и потому также не требует особого обозначения на письме.

После завершения вторичного смягчения соотношение фонемных признаков в силлабеме видоизменилось. Нужно было обозначать и мягкость согласных, и противопоставление гласных по лабиализованности. Единого знака для выражения этих прямо противоположных характеристик слога древнерусским писцам найти не удалось, может быть, потому, что они не прибегали к использованию надстрочных знаков (это позволяет думать, что никакими просодическими признаками новый тип смягчения уже не обладал). Во всей цепочке графических переходов, отмеченных в древнерусских рукописях, в жертву приносится обозначение гласных по ряду: вередний — непередний. Самые интересные и частые обозначения с чередованием $\langle o \leq e, \text{ъ} \leq \text{ь} \rangle$ также не связаны с огублением шипящих. Это попытка передать смещение по ряду, но очень неудачная (и потому не прижившаяся) попытка, ибо всякое смещение по ряду у $\langle e \rangle$ обязательно пересекается с $\langle o \rangle$, а $\langle o \rangle$ — гласный лабиализованный.

Самое важное, на что указывают все такие колебания в рукописях, заключается в том, что уже в древнерусском языке до падения редуцированных основным признаком стала лабиализованность у гласных и палатальность (связанная с признаком ряда) у согласных. Еще в силлабеме согласный и гласный в пределах слога как бы перераспределились. Прежде всего, это происходило в положении после шипящего, потому что в этой позиции $[a] \leq \langle a \rangle$ и $[\tilde{a}] \leq \langle e \rangle$ никак друг другу не противопоставлялись; например, в *жажа* ('жажда') оба слога после вторичного смягчения согласных оказывались фонетически схожими ($[ж' \tilde{a} ж' \tilde{a}]$) и приводили к нейтрализации противопоставления $\langle \tilde{a} - a \rangle$ в этой позиции.

Особенно выделяется по рукописям передача $\langle ш, ц \rangle$; $\langle ц \rangle$ постоянно обозначается как мягкое, ср. в ЕКХІІ написания типа *ша, жа, ча*, но чаще пишется *ца*, чем *ца*; и в галицко-волынских ПА1307, и в новгородских и двинских грамотах XIV—XV вв. *ца* (*ца*) является обыч-

ным написанием при *ша, жа*; во всех русских рукописях XII в., которые использовали написания *чѣ, жѣ, шѣ, щѣ*, последовательно пишется только *цѣ*. Дело в том, что ⟨ц⟩ не могло употребляться во всех тех положениях, что и шипящие согласные. И по происхождению ⟨ц⟩ отличалось от ⟨ч⟩; например, в положении перед ⟨ѣ⟩ могло быть только ⟨цъ⟩ (⟨ч⟩ перед ⟨ѣ⟩ привело к изменению ⟨ѣ > а⟩); всякий же согласный перед ⟨ѣ⟩ был особенно мягким. Наоборот, во многих рукописях XII в. пишется только *щѣ* (даже там, где обычны написания с *чѣ, шѣ, жѣ*), и это опять-таки связано с положением [ш"т'ш"] в системе.

Развитие межслогового сингармонизма

§ 57. Смещение некоторых фонемных признаков в сторону согласного элемента слога, вызванное вторичным смягчением согласных, привело к частичному уподоблению гласных, находившихся в соседних слогах. Особенно это касается ⟨ѣ, ъ⟩, которые не были противопоставлены друг другу фонематически и потому легко могли вступать в чередование.

Примеров смещения ⟨ѣ, ъ⟩ в древнерусских рукописях очень много, некоторые из них не подтверждаются современными говорами восточнославянских языков, потому что соответствующие редуцированные впоследствии исчезли бесследно. Ср. написания типа *бычела* в OE1056, M95, ГБХІ, GE1144, ЖН1219, но закономерное *бъчела* в И73, ПАХІ, AE1092 и *бъчелинѣ* в И73; *въдова* и производные в OE1056, И73, AE1092 всегда с ⟨ѣ⟩, хотя в старославянском здесь был ⟨ѣ⟩ (ср. *въдова* в ГБХІ при др.-инд. *vidhāvā*, лат. *vidua*); *въселеная* во всех рукописях XI в. представлено в написании *въселеная* (OE1056, И73, ПАХІ и др.); также *въчера* в OE1056, И73, но странное *въчера* в ME1117, ЕКХІІ; *донъдеже* в OE1056, AE1092, но *донъдеже* в M95, ЕКХІІ, Епиф.ХІІІ и др.; *довъльнѣти* в И73 и новое написание *довъльнѣти* в Еп.ХІІІ; *зъдание* в OE1056, M96, ГБХІ, ПАХІ, ME1117; *бозъданѣ* в M95 и закономерное *здание* в И73, ГБХІ (т. е. в рукописях, переписанных с восточноболгарских оригиналов). Только косвенным образом мы можем удостовериться в том, что в приведенных корневых морфемах когда-то действительно имело место чередование ⟨ѣ/ѣ⟩, например, на основе того, что в современном литературном языке со-

хранилось слово *зодчий* (с <о < ъ> на месте *зѣдъчии*), а в древнерусских рукописях встречается написание типа *ведовица*, показывающее, что еще долго эта морфема сохраняла исконный <ь > е>).

Другие чередования <ь/ъ> проверяются современным произношением. Ср. изменение <ь > ъ>: *бѣдрѣ* закономерно во всех рукописях, но в ГБХІ перед мягким слогом *бѣждреѣ*, *бѣждра*; в У1047 *дѣбрь*, но в УСХІІ находим уже сходную с современной форму *дѣбрь* (> *дебрь*; ср. бел. *добрь*, в некоторых списках русской летописи *Добрянскѣ*, а не *Дебрянскѣ*); *мѣдлостъ* в ГБХІ и др., но *мѣдлыть* в И76, *мѣдльна* в ОЕ1056 — здесь уже совпадение с совр. русск. *медлить*, *медленный*; др.-русс. *рѣдѣти*, *рѣдрый* уже в И73 дают написание *рѣдрѣ*, впоследствии русск. *редрый* ('рыжий, красный'), ср. и русск. *редька* < *рьдька* (при исконном *рѣдѣкы*, *рѣдѣкъве*); исконная форма *съсьцю* в ПАХІ во всех древнерусских рукописях пишется как *съсьца* (ОЕ1056, М96, СПХІ и др.). Возможно и изменение <ь > ъ>; например, исконное *възѣръ* дало современную форму *взор*, следовательно, имело промежуточную форму *възѣръ*; последовательное древнерусское написание *бездѣнье* ('бездна') соотносится с совр. русск. *донце* (т. е. *дѣньце* < *дѣньце*), *дѣска* на месте исконного *дѣска* (ср. лат. *discus* с <і>), но в Лавр.1377 (под 1209 г.) еще *дѣска*, на *дѣскахѣ* как архаизм, не сохраненный впоследствии языком. В заимствованиях из финских языков в ПВЛ, ПП1406 и др. обычно произношение *корста*, *короста* ('гроб'; финск. *kirstu* — 'ящик'), но севернорусские говоры сохраняют это слово в форме *кѣрста* ('могила'), некоторые рукописи XIII в. также дают написания *керста*, *керстица*; ср. *пѣстри* в И76, ГБХІ и др. (русс. *пестрый*), но *пѣстро* в Ип.1425, *пострецы* в Гр.1534. Чередованием форм *скѣрьбѣ* — *скѣрьбѣ* в древних рукописях различались соответственно новгородские и украинские тексты, отсюда русск. *скорбѣ*, др.-укр. *скербѣ*, такое же колебание между северным *трѣсти* в У1047, *трѣстию* в М97 и южным *трѣстиѣ* в ОЕ1056 и др., между *трохот* (< *трѣхѣтъ* — 'кроха') в северных списках XIII в. и *трѣхѣтъ* в ГЕ1144; исконное *стъгна* ('площадь, улица') отмечено во всех древнерусских источниках, но в У1047 наблюдается чередование *стъгнахѣ* — *стъгны* (последнее попало и в церковнославянский язык: на *стогнахѣ града*). Написание *тънѣкъ* < *тънѣкъ* проникло во все русские ру-

кописи (только в ПАХІ *тънѣкъ*, *тѣнѣкъ*); в древнерусском языке до XVII в. существовало чередование форм *тенко* — *тонко*, но в современном языке сохранилось *тонко*. После падения редуцированных выбор литературного варианта определялся уже нефонетическими причинами.

Из приведенных примеров видно, что смещение ⟨ъ, ь⟩ зависит от качества «сильного» соседнего слога: перед мягким ⟨ъ⟩ сохраняется или ⟨ъ > ь⟩, перед твердым, наоборот, ⟨ъ⟩ сохраняется, а ⟨ь > ъ⟩. В рукописях конца XI — начала XII в. много примеров, фонетический характер которых мы никак не можем установить, поскольку соответствующее синтагматическое изменение было затемнено утратой редуцированных. Это написания типа *дѣвь* — *дѣва*, *зѣри* — *вѣзѣръ*, *мьнь* — *мѣною*. Принципиально они совпадают с теми, которые доступны проверке, и потому можно считать, что в древнерусском языке после вторичного смягчения согласных происходило смещение ⟨ъ, ь⟩ в зависимости от окружающих слогов.

§ 58. В изолированной позиции редуцированные оказывались и в конце слова. Здесь смещение букв, обозначающих редуцированные, также отмечено очень рано, особенно после губных согласных.

В творительном падеже единственного числа имен мужского и среднего рода окончание *-ѣмь/-омь* рано стало заменяться окончанием *-ѣмъ/-омъ* и при этом смешивалось с окончанием формы дательного падежа множественного числа *-омъ* (в OE1056 — около 44 раз, вместе с новым окончанием *-мъ* в местном падеже местоимений). Покажем распределение ⟨ъ, ь⟩ в ГБХІ (первая половина рукописи; выделены этимологически правильные написания):

Окон- чание \ Падеж	Тв. п. ед. ч.		Дат. п. мн. ч.	
	-ѣ	-ѣ	-ѣ	-ѣ
<i>-ѣм/-ом</i>	156	108	78	6
<i>-ѣм/-ѣм</i>	10	41	2	8

В основной части рукописи М96, а также во многих рукописях XI в. смешиваются окончания творительного падежа единственного числа и дательного падежа множе-

ственного числа: после твердой основы (с [ъ/o]) -*мь* и -*мъ* совпадают в -*мъ*, после мягкой (с [ь/e]) — в -*мь*; ср. в ПМХІ, ІІ73, ОЕ1056, новгородских минеях ХІ в. (здесь важны и сочетания с прилагательным: *гласомъ великомъ*, но *камениемъ трѣбнымъ*), в новгородских грамотах до ХІV в., даже берестяных (надежные примеры — с конца ХІІ в.: *с нимо*, *съ хтмъ* и др.). Некоторые рукописи не отражают такого смешения (Выг.ХІІ), другие, особенно в ХІІ в., сохраняют смешение, не имеющее уже фонетических оснований (ЕКХІІ, Муз.ХІІ, УКХІІІ и более поздние рукописи типа Е1283, ПЕ1354, ГЕ1357, Лавр.1377). В ХІІ в. отмечены рукописи с односторонней заменой -*мь* на -*мъ*; ср. МХІІ, в которой форма *въньцьмь* (дат. п. мн. ч.) похожа на описку, но зато 16 разъ пишется на месте ⟨ь⟩ в форме творительного падежа единственного числа.

В форме местного падежа единственного числа местоимений и прилагательных находим написания с -*мъ* на месте -*мь*: *въ томъ* в Бер.гр.начала ХІІ в. Формы типа *семь рустьмь* сохранялись еще довольно долго, но тот факт, что впоследствии в русском языке форма *о сѣм* отразила изменение ⟨е > о⟩, показывает, что отверждение конечного [м] завершилось до ХІІІ в.

В форме 1-го лица единственного числа настоящего времени атематических глаголов -*мь* перешло в -*мъ* в то же время; ср.: *дамъ*, *имамъ*, *имаамъ*, но *въмь*, *юсмь*, *имь* в ОЕ1056; то же в ПМХІ и в других рукописях ХІ в. Но в ХІІ в. никаких следов указанного фонетического распределения ⟨ъ, ь⟩ не остается: либо по традиции различаются формы единственного и множественного числа (*имамь* и *имамъ*), как в ЕКХІІ, либо эти формы смешиваются, отражая окончательное отверждение [м], т. е. давая написания *въмъ*, *имъ* и др. (Муз.ХІІ, МЕ1117, УКХІІІ). Как обычно, позже отражают эту фонетическую вариацию северо-восточные рукописи: в ГЕ1357 *имамъ* для единственного и множественного числа, но *юсмь* в единственном числе и *есмъ* во множественном числе.

В отдельных наречных формах отверждение конечного согласного отражается с середины ХІ в. Так, в ОЕ1056 *отинждъ* (и исконное *отинждь*), *правъ*, *свободъ*, но *оудобъ*, ибо здесь сохраняется еще связь с формой *оудобьс*. Впоследствии южнорусские рукописи предпочитают исконное мягкое окончание (*близь* в МЕ1117),

а северные в церковных текстах дают колебания (*близъ* и *близь* в ЕКХІІ), но в оригинальных текстах отражается результат отвердения (*близъ*, *назадъ* в СНІЛ, *одеренъ* в грамотах и др.). В дальнейшем последовательно отвердели только губные: *прав* < *правъ* (< *правь*), *стръми-глави* > *стръмиглавъ* (совр. *стремглав*) и т. д.

Произошло отвердение изолированных слогов в предлогах-приставках, например в *объ* < **obi*, *отъ* < **oti*. Колебания вариантов прослеживаются до середины XII в., затем этот процесс стал совмещаться с утратой редуцированных и позиционными ассимиляциями согласных. В ряде сочетаний эти приставки вообще могли употребляться без гласного. Тем не менее регулярную фонетическую замену <ь> <ъ> находим опять-таки только в рукописях XI — начала XII в.: *объходоу* (и *объходоу*) в И73; *объдържа* в И76; *объдържаше* в ЮЕ1120; *объдържитъ*, *объхождение* в ЕКХІІ.

Негубные согласные подвергались отвердению только в северных говорах, и притом несколько позже. Например, в окончании 3-го лица глаголов настоящего времени переход *-тъ* в *-ть* отражается с XIII в.: *оубыютъ*, *придетъ* в Гр.1257 (копия с грамоты 1189 г.), *гоститъ* в Гр.1266, есть примеры в НК1282 (в тексте «Русской правды»), но нет в СНІЛ; в тексте ПВЛ эта замена не встречается в списке Лавр.1377 (но часто в Суздальской летописи по этому же списку), в берестяных грамотах она появляется с конца XIII в. Северо-восточные тексты отражают *-тъ* с конца XIV в. в грамотах и (частично) в рукописях (колебания в ПЕ1354, ГЕ1357), западнорусские — с XVI в. Русские рукописи XI—XII вв. в этом отношении не показательны, так как написания с *-тъ* в них могут быть перенесены из южнославянских оригиналов: в ГБХІ (первая половина рукописи) *-тъ* всего 102 раза, в остальных случаях — *-ть*.

Впоследствии на севере же процесс отвердения изолированных морфологически согласных распространился и на слоги с гласным полного образования, подвергшимся редукции (см. § 73); например, частица *ся* в севернорусском произношении дала формы *собирала[s]*, *собирала[sa]*, *собирала[sə]*. Следовательно, перераспределение слоговых признаков между гласным и согласным происходило независимо от того, редуцированный или нередуцированный был в этом слоге представлен. Большая распространенность отвердевших губных объясня-

ется тем, что впоследствии эта синтагматическая твердость наложилась на их фонематические качества: губные не образовывали корреляции по твердости — мягкости (см. § 79).

§ 59. Межслоговой сингармонизм распространился на все гласные изолированных слогов, хотя впоследствии не все такие слоги сохранили результат синтагматического уподобления. Изменение <о > а> до сих пор отражается в украинском языке (*багато, гаразд, гарячий, калач, калява, качан*) и в русских говорах, даже окающих; некоторые слова закрепились с <а> и на письме: *баран, заря, калач, карман, касатка, качан, лапта, лапша, стакан* и др. Такую же ассимиляцию изолированных гласных находим в новгородских рукописях с конца XI в.; ср. в М95: *дрѣвѣныи, неопольѣвши огонь, окавасте, попълѣсающа, порѣвѣнаеавѣша, пробедѣ, прообразава, радити, разерение, ширата* и др. Сюда же относятся случаи с изменением о > е, ѣ> и: *ребенокъ < робѣнѣкъ, теперь < топѣрьѣо; еитиѣ < еѣтитиѣ, дѣвица < дѣѣвица, мизинецъ < мѣзинецѣ, свидѣтель < свѣдѣтель, свирѣль < свѣрѣль, сидитъ < сѣдитъ, снѣгирь < снѣгирѣ* и т. д.

Изменение происходило в таком корне, который находился по отношению к гласному в абсолютно слабой позиции (не проверяется сильной позицией в вариациях корня), а впоследствии утратил семантические связи с производящим; ср. этимологическое соотношение слов *багатъ — бог, калачъ — коло, ребенокъ — роба* и т. д. (ср. также: *бѣжиши, смѣиши и бѣгѣ, смѣхѣ, но сидиши < сѣдиши, сидитъ* при отсутствии форм типа *сѣдѣ*). В конечных слогах происходило аналогичное изменение: ср. форму именительного-винительного падежей двойственного числа *колѣньи — колѣни* и другие сходные формы. Некоторые написания в древнерусских рукописях похожи на описки, но описки весьма характерные; ср.: *вѣсѣмѣщѣсѣ, грѣховѣнаго, дрѣвѣныи, искоушѣния бѣсовѣсѣсѣ, прѣдѣвѣстьѣнаѣа, пробедѣ (аорист), разерение, свѣтозарѣныи* в М95 (обычно в этой рукописи нет описок).

Все приведенные выше формы объединяет то, что качество гласного в смежных слогах определяется с и л ѣ н ы м, подударным гласным (обычно под новоакутом, но не обязательно), а в самом морфологически изолированном слоге происходит нейтрализация по тому признаку, которым два соседних гласных прежде отлича-

лись друг от друга, т. е. в приведенных примерах $\langle \acute{e}-и>и \rangle$, $\langle e-o>e \rangle$, $\langle a-o>a \rangle$, $\langle a-e>a \rangle$. Проблема русского полногласия также связана с этапом межслового сингармонизма гласных.

Пределы варьирования определялись диалектной системой. Только новгородские рукописи до XIV в. дают замену [o] на [a], потому что только в северных говорах эти гласные противопоставлены одним признаком подъема, тогда как лабиализованность не была для них релевантной (см. § 100). В других говорах такое изменение отражается позднее; точно так же замену *ь* на *е* мы находим в древнерусских рукописях, а *и* на месте *ь* пишется гораздо позже, в связи с изменением степени подъема фонемы $\langle \acute{e} \rangle$ (см. § 94). Как и во всяком другом синтагматическом изменении, подобный сингармонизм не мог затронуть более чем один признак, отличающий данную фонему от фонемы в сильном слоге; отсюда непоследовательность изменения, а в дальнейшем и зависимость его от нефонетических условий.

Особенно выразительно межслововой сингармонизм прослеживается в тех словах, которые в конце XI — начале XII в. были для восточных славян новыми, только что заимствованными, не имевшими еще произносительной традиции. Например, в греческих заимствованиях изменявшийся по качеству гласный, как правило, всегда был морфологически изолированным, происходило уподобление слогов друг другу в зависимости от ударения или два безударных слога подравнивались друг к другу, приводя к межслововому сингармонизму: *Патрикѣи* > *Патраки*, *Артемонъ* > *Артамонъ*, *Досифеи* > *Дософеи*, *Капитолина* > *Капителина*, *Доментий* > *Дементий*, *Фотиния* > *Фетинья*, *Потании* > *Патапий*, *Доместикъ* > *Деместикъ*, *Мелания* > *Маланья*, *Онисофоръ* > *Онисифоръ*. Древнерусские синодики сохранили множество примеров постепенного приспособления заимствованных слов, отражающих происходивший в это время процесс межслового сингармонизма. Большинство результатов этого процесса осталось в русском языке до настоящего времени.

§ 60. Межслововой сингармонизм привел к тому, что гласный в слоге стал восприниматься иногда просто как носитель слоговости, поскольку основные признаки слога постепенно переносились на согласный. В результате те слоги, которые кроме гласного содержали в своем

составе также и плавные <л, р>, претерпели изменение, поскольку в новых условиях двух носителей гласности быть не могло (тогда как плавные имели еще все признаки глайдов).

В рукописях конца XI — начала XII в. широко распространены два типа написаний: 1) с пропуском плавного и 2) с пропуском гласного (в скобках — пропущенные буквы):

1) *непо(ро)чьна, оумь(р)тви, оутвь(р)ди, н(р)орицаша, ть(р)пъние* в М95; *вь(р)но, възб(р)аните, доблемоуд(р)-ныя, доб(р)ъ, доб(р)ышмь, ист(р)адавъ, к(р)асоты, мoud(р)е Феодоре, невече(р)ню свѣтоу, прѣс(л)авнышмь, разв(р)ащению, разд(р)ъшение, ст(р)адающа, сък(р)ъвении, х(р)ама* в Мин. XI; *в(р)ачевати, в(р)ъдѣна, възв(р)атитися, доб(р)а, н(р)авомъ, н(р)имоу* в ГБХ I;

2) *въмъстил(ь)но, сълн(ь)чньихъ* в М95; *въ м(ь)ртвость, дв(ь)рь, ист(ъ)ргъ, кр(ъ)ви, милос(ь)рдъ, оум(ь)р-тви, оус(ь)рдѣно, с(ъ)лн(ь)чноую, тв(а)рь, чудотв(о)ръца* в Мин. XI и др.

Позиция плавного во многих случаях является вторичной, т. е. не восходит к исконным сочетаниям типа **tъrъt* (ср.: *вьрьно, чудотворьца*). Схематически указанные пропуски гласных и полугласных можно передать следующим образом (*ā* — фонетически долгий, *o* — краткий, *ъ* — редуцированный гласный):

- $$\begin{array}{l} 1) *t\bar{r}at \text{ (без неполногласных сочетаний)} \longrightarrow *t\bar{a}/t \\ \quad \quad \quad \left. \begin{array}{l} *t\bar{o}/r\bar{o}/t \\ 2) *t\bar{o}/r\bar{o}/t \end{array} \right\} \quad \quad \quad \left. \begin{array}{l} *t\bar{o}r/\bar{i} \\ 3) *t\bar{a}/r\bar{o}/t \end{array} \right\} \quad \quad \quad *tr/t \text{ или } *t\bar{o}/t \\ \quad \quad \quad \longrightarrow \quad \quad \quad *tar/t \end{array}$$

Как правило, во всех упрощениях нетипичного слога (т. е. не сочетания согласного с гласным) остаются первый и последний элементы, тогда как срединный (лишний) устраняется. Это может обозначать, что в типах слогов **tra* и **tar* <г> и <а> были в фонематическом отношении одинаково важными для слога, т. е. с л о г о в ы м и. В различных рукописях (а примеров такого рода довольно много) возможны несовпадения в преобразованиях одного и того же слога; ср.: *оу/мь/тви* — *оу/мр/тви* или *тъ/пъ-ние* — *страста/мр/пъць*, т. е. преобразование *ъ*-слога типа **tъr* в **tъ* либо в **tr*. Из этого можно было бы сделать вывод о фонетической близости <ъ> и <г>. Важно, что такое колебание в слоговости между <г> и <ъ> начинается в соседстве с утрачиваемыми (обычно морфологи-

чески изолированными) ⟨ъ, ь⟩; следовательно, подобное колебание не могло быть достаточно ранним. Кроме того, это синтагматическое изменение плавных показывает, что именно оно подготавливает фонологические условия последующей утраты редуцированных и в парадигматическом отношении. Глайды, «промежуточные» между гласными и согласными фонемы, уже в самых первых попытках разложить силлабему на консонантный и вокалический элементы, освободить их признаки друг от друга, максимально отстранить систему вокализма от системы консонантизма принимают на себя вокалические дифференциальные признаки и тем самым вступают в противоречие с основной линией парадигматического изменения: нейтрализуют в себе признаки согласных и гласных.

ГЛАВА 3

Утрата редуцированных гласных в древнерусском языке

Причины и предпосылки изменения

§ 61. К началу XII в. функциональная ценность редуцированных становится весьма сомнительной. К этому времени окончательно сложилась необычная для гласных фонем позиционная дробность <ѣ, ѥ>, по существу приводившая к утрате фонемной общности ряда вариантов, например [ѣ, ѥ] совпадают с [ы, и], в сочетании с плавными редуцированные и <л, р> по ряду признаков становятся в дополнительное распределение. После вторичного смягчения согласных и развития межслогового сингармонизма утрачивается единственный признак, противопоставлявший фонемы <ѣ—ѥ> друг другу — признак ряда. Сближение <ѣ, ѥ>, начавшееся было в древнерусском языке (в отличие от других славянских языков того же времени), было приостановлено утратой изолированных редуцированных (см. § 62). Всем прочим гласным фонемам редуцированные противопоставлены неясным признаком, относительно которого у ученых нет единого мнения. Скорее всего это были средневерхние гласные, потому что на первом этапе изменения (см. § 63) <ѣ, ѥ> нейтрализовались не только в оппозиции к <о, е>, но и в противопоставлении к <и, у, ы>, — верный признак того, что нейтрализация по общему признаку подъема происходила и по отношению к верхним, и по отношению к средним гласным. В истории русского языка средневерхний подъем для гласных всегда являлся критическим положением в парадигматической системе; гласные этого подъема изменялись, совпадая с гласными среднего подъема (ср. § 93—95). Длительное сохранение напряженных [ѣ, ѥ] объясняется именно тем, что они не были средневерхними. В просодическом отношении редуцированные были абсолютно слабыми, не вступали ни в ка-

кие противопоставления и с фонематической точки зрения являлись редуцированными. Иногда за эту особенность ⟨ъ, ь⟩ называют сверхкраткими, но это неверно: противопоставление по трем степеням количества (долгие — краткие — сверхкраткие) вообще встречается в языках очень редко, а в древнерусском языке вряд ли было возможным, так как фонематическим в нем было противопоставление новоакутовой долготы всем другим видам ударения (бинарный принцип). Редуцированные уже сыграли важную роль в праславянском языке, способствовав развитию новоакутовой интонации; теперь перед ними стояла еще более важная задача.

Кроме того, частотность сильных и слабых позиций у ⟨ъ, ь⟩ отличалась от равномерного распределения по позициям у всех прочих гласных. Например, в отрывке из ПМХІ соотношение сильных и слабых гласных составляет:

	⟨а⟩	⟨и⟩	⟨о⟩	⟨е⟩	⟨ъ⟩	⟨ь⟩
сильные . . .	244	289	286	216	65	51
слабые	225	273	238	196	307	283

Слабые редуцированные встречались в несколько раз чаще сильных, но и сильные позиции редуцированных, по существу, не сопоставимы с сильными позициями остальных гласных: последние могут находиться под новоакутовой долготой (абсолютно сильная позиция), а ⟨ъ, ь⟩ в этом положении не противопоставлены редуцированным под другим ударением.

По закону открытого слога все возникавшие синтагматически закрытые слоги разрежались вставочным гласным (ср. примеры типа *Амунѣдѣ* или полногласие). В рукописях XI—XII вв. (И73, И76, ГБХІ, ПМХІ и др.) находим много примеров вставочных ⟨ъ, ь⟩ в словах типа *алѣченѣ*, *вихѣрь*, *Евѣгу*, *Егупѣтъ*, *закѣлати*, *Марѣка*, *Павѣлъ*, *седѣмь*, *сѣлоуга*, *храбѣра*, *хѣльба* и т. д. очень часто. На то, что такие «новые» ⟨ъ, ь⟩ не являются прихотью писцов, указывает последующее совпадение «новых» ⟨ъ, ь⟩ в сильной позиции с ⟨о, е⟩; ср.: *земѣль* > *земель*, *могѣлъ* > *моголѣ* (в ТЕХІІІ), *Егупѣтъ* > *Египет*.

Естественно, что вновь возникающая гласность закрытого слога идентифицировалась с самыми неопределенными в фонематическом отношении гласными ⟨ъ, ь⟩. «Новые» ⟨ъ, ь⟩ отличались от исконных своей постоян-

ной безударностью и отсутствием всяких противопоставлений по ряду или подъему. Их качественное отличие друг от друга определялось характером окружающих слогов; ср. *сѣлоуга* — *земель*, хотя предпочтение оказывалось наиболее неопределенному по качеству ⟨ъ⟩. Древнерусскому писцу важно было показать гласность неопределенного качества, поэтому он мог использовать также надстрочные знаки ' (ерок, паерок, ертица) или паузной точки, вполне заменяющие ⟨ъ, ь⟩, поскольку разница в качестве самого редуцированного не имела значения. Например, в ПМХІ паерок употреблен 1282 раза, в АЕ1092 точка в той же функции использована 466 раз. Но в ранних древнерусских рукописях или в рукописях с устойчивой старославянской графической традицией (ОЕ1056, И73, ГБХІ, М97) паерок стоит только над исконными ⟨ъ, ь⟩ и никогда на месте «новых» ⟨ъ, ь⟩ (последние здесь и редки), что подтверждает, собственно, древнерусский характер описываемой особенности передачи «новых» ⟨ъ, ь⟩. Все эти неопределенные признаки «новых» ⟨ъ, ь⟩ стали признаками и исконных ⟨ъ, ь⟩ — после вторичного смягчения полумягких согласных. Таким образом, морфологически различающиеся, но фонетически сходные гласные совпали по своим признакам и после XII в. развивались в одном направлении.

Все это показывает, что ⟨ъ, ь⟩ постепенно утрачивали свою морфологическую нагруженность, превращаясь в неопределенные по фонетическим и фонематическим признакам звуки. Обилие «новых» ⟨ъ, ь⟩, никогда не имевших морфологического значения, окончательно нейтрализовало употребление исконных ⟨ъ, ь⟩, а в некоторых позициях они вообще оказались излишними.

Утрата слабых редуцированных

§ 62. Утрата ⟨ъ, ь⟩ начинается с их устранения в морфологически изолированной позиции, где они не имели никакого морфологического значения, — в предударных корневых слогах и в абсолютном конце слова. Процесс утраты изолированных редуцированных начался рано, еще до вторичного смягчения согласных, но затем на время приостановился в связи с начавшимся вторичным смягчением и перераспределением фонемных признаков между ⟨ъ⟩ и ⟨ь⟩ (два столь важных синтагматических

преобразования не могли проходить одновременно, иначе бы нарушилась фонетическая структура словоформ).

По рукописям видно, как постепенно увеличивалось число корней, способных последовательно опускать ⟨ъ, ь⟩: от 2—3 в начале XI в. (ПМХІ, ОЕ1056), 10—12 в конце XI в. (АЕ1092, М95, М96, М97, ПАХІ) до 20—30 в конце XII в. (ЕКХІІ, УСХІІ, МЕ1215). Одновременно с этим увеличивалось количество пропусков изолированных: в ПМХІ их почти нет, в М95 их около 30, в МЕ1215 на 795 пропусков ⟨ъ, ь⟩ приходится всего 521 случай их сохранения, в МХІІ ⟨ъ, ь⟩ 586 раз опускаются и 143 раза сохраняются.

Общий список корневых морфем, содержавших изолированные ⟨ъ, ь⟩, дать невозможно, так как это зависит от содержания памятника; из наиболее частых укажем: *бъчела, въдова, въноукъ, въторои, въсь, въчера, гъноути, дъва, доньдеже, зъло, къдъ, кънига, кънязь, къто, мьнихъ, мьнь, мьньти, мъногъ, пьсати, пътица, пьшеница, рътуть, съдъ, тъгда, тъкмо, чьти, чьто*. В случае *въсь* и *зъло* можно было бы предполагать слабую позицию (ср.: *въсь, зълъ*), однако для древнерусского языка это не так. До XIV в. рукописи сохраняют написание *въсь* (им. п.) (и *все*: в новгородских рукописях *вхе полкъ, все Псковъ, все градъ*), сильную форму местоимения и восстанавливают либо со слоговым ⟨в⟩, либо с прояснением конечного ⟨ъ⟩ под ударением, т. е. ⟨≥е⟩. Это местоимение, благодаря своим просодическим свойствам (оно могло входить в сочетание с другими словами как клитика), имело фонетически неустойчивое ударение, а фонологически не имело его вовсе, потому что клитики все были не маркированными по ударению служебными словами. С корнем *зъл-* положение может быть таким же, да и вообще форма *зълъ* (род. п. мн. ч.) очень редка, а само слово *зъло* не по всем русским рукописям XI в. утрачивает корневой ⟨ъ⟩.

Поскольку устранение изолированных ⟨ъ, ь⟩ являлось чисто фонетическим процессом, то и последовательность звуковых сочетаний, типов корней, в которых ⟨ъ, ь⟩ сокращались или, напротив, длительно сохранялись, определяется чисто фонетически. В. М. Марков показал, что утрата ⟨ъ, ь⟩ прежде всего происходила в таких сочетаниях согласных, которые одновременно с тем могли вызывать появление «новых» ⟨ъ, ь⟩, ср.: *кънигы* в ПМХІ и «новый» ⟨ъ⟩ в *претъкънешѣ* в АЕ1092; *мъного* в ПМХІ

и *мѣнасъ* ('древняя монета') в заимствовании из греческого; *дѣвъ* в ПМХІ и *дѣвиженія* в ДЕ1164 и др. В. М. Марков же заметил, что именно воздействие «новых» ⟨ъ, ь⟩ приводило к ранним устраним и слабым ⟨ъ, ь⟩. Например, в сочетании **tъrъt* один из редуцированных имел морфологическое значение, а другой, возникший в результате второго полногласия, нет (ср. *търнъ* > **tъrn*); на письме он мог изображаться, но мог и опускаться, поскольку морфологически был подвижным элементом корня. Поэтому в сочетаниях типа **гъп* происходило устранение ⟨ъ⟩ и в слабой (не только изолированной) позиции, поскольку эта позиция была «нарушена» действием «нового» ⟨ъ⟩; ср. в М95 опущение ⟨ъ⟩ только в сочетаниях типа *върно*, *мирно*, *правовѣрно*, даже *творче*, *творчѣ*. Те же примеры встречаются до XII в., ср. в Мин.ХІІ, где пропуск ⟨ъ⟩ в суффиксе (511 раз) обусловлен сочетаниями типа *върный*, *мирно*, *умный* и др., тогда как прочие сочетания сохраняются (3424 раза). «Разрушительная» роль «новых» ⟨ъ, ь⟩ здесь несомненна, фонетическая последовательность изменения заключается в неуклонном распространении «новых» ⟨ъ, ь⟩ в соответствии с законом открытого слога, который, таким образом, изменял функциональную ценность фонем ⟨ъ, ь⟩. Замечено, что в приписках писцов изолированные ⟨ъ, ь⟩ сохранялись дольше, чем в переписываемом ими тексте, — до середины XII в. Общее фонематическое сохранение ⟨ъ, ь⟩ в системе поддерживало исконные ⟨ъ, ь⟩ во всех прочих положениях, и в произношении они еще могли присутствовать; более того, они должны были присутствовать из-за действия закона открытого слога.

Однако имелись и особые фонетические условия, способствовавшие сохранению изолированных ⟨ъ, ь⟩. Дольше всего обозначение гласности сохранялось в положении после ⟨в⟩ (= *ш*); так, в ГБХІ наиболее устойчивы корневые морфемы *въдов-*, *въноук-*, *въс-*, *вътор-*, *въчер-*, *въвѣг-*; слово *въселеная* впоследствии дает даже вариант *оуселеная*; *въсь* в рукописях XII в. (в отличие от более ранних) стремится к стабилизации с обязательным ⟨ъ⟩ (в Мин.ХІІ 143 раза сохраняются изолированные ⟨ъ, ь⟩, в том числе 110 раз в корне *въсь-*). В конце XIII — начале XIV в. изолированные ⟨ъ, ь⟩ сохраняются в таких сочетаниях согласных, из которых первый был взрывным и мог бы утратиться в результате устранения гласности;

ср.: *дѣжг*, *дѣжг-*, *Дѣнѣпр-*, *дѣск-*, *дѣч-* в СНЛ; *бѣр-*, *дѣр-*, *нѣр-*, *обѣщ-*, *тѣм-*, *тѣсн-*, *тѣщ-* в Выг. XII. Только после формирования корреляции согласных по звонкости — глухости стали возможны сочетания взрывного с последующим согласным и произошло фонетическое устранение редуцированных в этом фонетическом окружении (см. § 85).

§ 63. В слабых позициях фонетическая утрата ⟨ъ, ь⟩ постепенно подготавливалась теми же условиями: принципиальная возможность соответствующего сочетания согласных в языке и спорадическое наполнение этого сочетания «новыми» ⟨ъ, ь⟩. Например, сочетания *ск*, *см*, *сн*, *ст* возможны в системе, они входят в одну морфему (например, в суффиксы *-ьск*, *-ьств*), но с недавнего времени по закону открытого слога могут разрезаться вставочными ⟨ъ, ь⟩: *оуъзмаре*, *письменьхъ*. Именно в таких сочетаниях функциональная ценность исконных ⟨ъ, ь⟩ сразу уменьшается, они также становятся подвижными элементами фонетического слова, не имеющими морфологического значения. Так появляются произношение и написание *скончати*, *смотръти*, *смырти*, *створити* (на месте *съкончати*, *съмотръти*, *съмырти*, *сътворити*), в суффиксальных именах *десный*, *присно*, *ясно* (на месте *яьсно*) и т. п.

На стыке двух слов положение осложняется, если предлог оканчивается согласным (*без*, *въз*, *из* и др.): перед гласными и сочетаниями согласных эти согласные развивали дополнительную гласность, передавая ее «новым» ⟨ъ⟩: ср. *безъ*, *изъ* и т. п. уже в ОЕ1056, М95, М96, М97, ГБХІ и др. Эта новая гласность могла давать и гласный полного образования: *безоосъждением*, *безо оца*, *изообогъ* в ГБХІ; *изи истъльниа* в ПМХІ и др. Становилась возможной фонетическая ассимиляция ⟨ъ, ь⟩ следующим гласным. Межслоговой сингармонизм направлял слабые редуцированные в этом направлении, и с середины XI в. мы в изобилии встречаем написания типа *близокоу*, *водовы*, *золоба*, *кото*, *весемоу*, *възметъ*, *агница*, *виси*, *двирѣ*, *кѣрмичая*, *птицами*, *прелищаи*, *мыльвы*, *чютоуищихъ*, *ивлюшоусъ* и др. Примеры типа *безбожинья*, *различинныхъ*, формы именительного падежа единственного числа *вьсѣкоземьнъ*, *чьсти*, *ивлюшоусъ* показывают, что в подобных написаниях отражается фонетическая ассимиляция слабых гласных сильным (а вовсе это не описка, как можно было бы думать на основании приме-

ров *золоба* или *весеми*). Появление их совпадает со вторичным смягчением полумягких согласных и действием межслогового сингармонизма (середина XI — вторая половина XII в.). После падения редуцированных архаические формы с «прояснившимися» слабыми редуцированными сохранились в культовом языке (например, у старообрядцев).

В фонематическом толковании процесса подобные случаи весьма важны. Они демонстрируют окончательную утрату редуцированными всех их фонематических признаков, их готовность к совмещению с другими гласными. Поскольку ⟨ъ, ь⟩ были средневерхними, оказалось возможным их смешение и с верхними (в рукописях с ⟨у, оу, и⟩), и со средними (⟨о, е⟩), но окончательное совпадение и с теми и с другими невозможно без разрушения сложных морфонологических отношений, сложившихся в древнерусском языке. Направление слияния определилось не фонетическим сходством ⟨ъ⟩ с ⟨у, ы, о⟩, а морфологической функцией ⟨ъ⟩ в системе. К середине XII в. и по парадигматическим, и по функциональным признакам ⟨ъ, ь⟩ были близки к ⟨о, е⟩. Например, они вступали с этими гласными в морфологические чередования, а в некоторых особо важных морфемах даже дублировали друг друга; ср. флексию творительного падежа единственного числа, выражаемую двояко: *столомь* — *столъмь*, *лицемь* — *лицъмь*. Так же как ⟨о—е⟩, ⟨ъ—ь⟩ были слабо противопоставлены друг другу и могли выступать как варианты одной флексии в зависимости от твердости — мягкости предшествующего согласного. Последнее после вторичного смягчения полумягких было особенно важным. Все это постепенно подталкивало ⟨ъ, ь⟩ к ⟨о, е⟩, так что к началу XII в. смешение слабых ⟨ъ, ь⟩ с гласными верхнего подъема почти исчезает из рукописей, сохраняются только некоторые лексикализованные корни.

Нет ничего удивительного в том, что именно ⟨ъ, ь⟩ (раньше ⟨ъ, ь⟩) привели к совпадению с ⟨о, е⟩. Слабая позиция — это позиция нейтрализации фонологического противопоставления, именно в такой позиции выявляется направление последующего изменения фонемы. В данном случае нейтрализация

$$\left. \begin{matrix} \langle \text{ъ} \rangle \\ \langle \text{о} \rangle \end{matrix} \right\} \langle \text{о} \rangle \quad \left. \begin{matrix} \langle \text{ь} \rangle \\ \langle \text{е} \rangle \end{matrix} \right\} \langle \text{е} \rangle$$

показывает, что редуцированный гласный являлся маркированным членом оппозиции, поэтому именно он и исчезает в результате нейтрализации в слабой позиции.

На то, что утрата слабых редуцированных долго регулировалась морфонологически, указывают случаи длительного сохранения их вплоть до XIV в., а затем даже прояснение их в ряде морфем.

В сложных сочетаниях согласных слабые ⟨ъ, ь⟩ утрачивались в зависимости от фонологической ситуации, складывавшейся в системе. Например, два взрывных рядом или взрывной в соседстве со щелевым сохраняли редуцированный вплоть до XIV в.: ср. корневые морфемы типа *бъве-*, *жъж-*, *къзн-*, *лъж-*, *тъщ-* и др. в ПА1307 и других рукописях этого времени. То же происходило на стыке с суффиксом; ср.: *естьство*, *рожьство*, которые дали незакономерное ⟨е⟩ в современном литературном языке (*естество*, *рожество*); суффиксальный ⟨ь⟩ в *-ъск*, *-ъств* в северных говорах сохранялся до XIX в. То же имело место при начальном сонанте; ср.: *Мисти-слава*, *отместившиеся* в Ип.1425; *Мистишинъ*, *въ мегновеньи ока* в Лавр.1377; *мегла*, *мезда* в других рукописях XIV в. Сильными были те редуцированные, которые имели особое грамматическое значение; например, односложные *нъ*, *тъ*, *сь* на фонетической стадии изменения приводили к образованию форм *но*, *то*, *се*; ср.: *то* в Лавр.1377 (часто); *се же король* в Ип.1425 и др. (в значениях 'тот' и 'сей').

Несомненно столкнулись церковнославянские и русские формы произношения, с этого времени навсегда разграничив два языка. В таких словах, как *возопити*, *оуповати*, *бисера*, *вертена*, *скрежета* и др., поначалу происходили закономерные устрания слабых редуцированных: ср.: *возпи* в Лавр.1377; *оупвание* в А1220; *бисра*, *вертъны*, *скрежъта* в ЕС1377. Но впоследствии церковнославянскими (а потому и литературными русскими) стали «полные» формы этих слов. Способствовала тому старая церковная традиция, согласно которой в подобных словах слабые ⟨ъ, ь⟩ прояснялись в большинстве русских рукописей еще в XI в.; ср.: *оупъвати* в ГБХІ, но *оуповати* в И73, АЕ1092, ДЕ1164, ЖН1219, УСХІІ и др. Благозвучие высокого стиля произношения воспрепятствовало фонетическому изменению и привело к стилистическому его регулированию.

Прояснение сильных редуцированных

§ 64. Прояснение сильных ⟨ъ, ь⟩ начинается в морфологической позиции, которая не давала чередования их со слабыми ⟨ъ, ь⟩. Такая позиция образовалась в некоторых флексиях (творительного падежа единственного числа мужского рода -ѣмь, -ьмь при чередовании с -омь/-емь; винительного падежа единственного числа женского рода -ѣвь, ряд флексий множественного числа *й- и *i-основ, например -ѣхѣ, -ьхѣ, -ьмѣ) и суффиксах (-ѣв, -ѣк, которые чередовались с суффиксами -ов, -ок). Некоторые церковнославянские корневые морфемы также представляли ⟨ъ, ь⟩ в абсолютно сильной позиции (бѣхѣма, довѣльнѣ, кѣждо), но они не показательны для собственно русских изменений, ибо ⟨о⟩ под влиянием южнославянских оригиналов могло проникнуть в русские рукописи и раньше XII в. Важнее корневые морфемы типа тѣм-ьн-, шьд-ѣш-, в которых по самой структуре основы ⟨ъ⟩ всегда находился в сильной позиции.

Формы со «вторым полногласием» также давали постоянно сильный редуцированный в корне, особенно если это было суффиксальное слово: *вьръвъка*, *дървьня* при *вьръвь*, *дървь*, *дърви* (оба редуцированных в корне одновременно оказывались сильными). Написания *ор*, *ер* (на месте *ѣр*, *ьр*) особенно показательны, потому что они не могли попасть из южнославянских оригиналов, а представляли собой собственно русское отражение общеславянского изменения. Тексты Выг.XII, ГЕ1144, ЕХII, БГХII, Мин.XII, ЕКХII, а из северных рукописей (но реже) МЕ1215, А1220, УКХIII отражают именно этот этап проявления ⟨ъ, ь⟩ — только в указанных положениях. Например, в первом почерке ЕХII 250 раз отражен переход ⟨ъ, ь⟩ в ⟨о, е⟩, и все примеры касаются только абсолютно сильной позиции: *вьшедѣ*, *дѣломь*, *довольно*, *жерновѣ*, *кождо*, *кротокѣ*, *плоть*, *яремника* и др. В Выг.XII и БГХII подавляющее число прояснившихся ⟨ъ, ь⟩ приходится на сочетание **tъrt* (в первой рукописи их около 80%, во второй около 90% от общего числа написаний с прояснившимися сильными ⟨ъ, ь⟩). В ДЕ1164, рукописи, наиболее полно отражающей прояснение сильных редуцированных, во всех указанных случаях почти последовательные написания с ⟨о, е⟩, тогда как для прочих положений с сильными ⟨ъ, ь⟩ возможны некоторые отступления (например,

в предлогах и приставках). Новгородские рукописи только к концу XIII в. отражают этот этап изменения; в НЕ1270 из 378 сочетаний типа **tǫrt* 65 переданы с ⟨о⟩, 123 — с ⟨е⟩ в корне *шед-*, 88 — с ⟨е⟩ в суффиксах типа *-ьн*, *-ьц*, 3 — в суффиксе *-ѣк* и т. д.

Таким образом, наблюдается функциональная связанность слабой и постоянно сильной позиций: прояснение сильных ⟨ѣ, ѥ⟩ вызывается утратой находившихся в следующем слоге слабых ⟨ѣ, ѥ⟩. Морфологически это значит, что усиление сильных ⟨ѣ, ѥ⟩ происходило не в слове, а в словоформе; ср. в ЕКХII: *вещемъ* < *вещьмъ* (дат. п. мн. ч.), *чинохъ* < *чинѣхъ*. Как «падение» слабых, так и «прояснение» сильных сначала является синтагматическим изменением и, следовательно, еще не означает утраты фонем ⟨ѣ, ѥ⟩.

Постепенно утратив все фонемные признаки различия, они стали не фонемами в связи с вторичным смягчением полумягких согласных, но фонематически же они еще существуют, потому что сильные ⟨ѣ, ѥ⟩ не совпали пока с другими гласными в сильных позициях.

§ 65. Фонетический характер прояснения ⟨ѣ, ѥ⟩ подтверждается тем, что первоначально происходило фонетически закономерное прояснение только тех ⟨ѣ, ѥ⟩, которые находились в слоге перед ⟨ѣ, ѥ⟩. Например, в рукописях начала XIV в. (ПСXIV, ЛЕХIV, ПА1307, МПХIV), а в московских рукописях и позже (МЕ1358) обычно изменение ⟨ѣ, ѥ⟩ в пределах фонетического слова, т. е. *весь снемъ* (= съньмъ), *воспи* (= вѣзѣпи), *вось вѣкъ* (= вѣ съ вѣкъ), *вотъ часъ* (= вѣ тѣ часъ), *во чти* (= вѣ чѣсти), *злыѣтъ рабъ* (= злыи тѣ рабъ), *народось* (= народѣ съ), *работъ* (= рабѣ тѣ) и др., также только перед *и*, *оу*, *о* или перед сочетанием согласных, в составе которого находится редуцированный (*во мнозѣ*, *изо многѣ*, *надо мною* из прежних *вѣ мѣнозѣ* и *из мѣногѣ*). В результате возникали расхождения между разными формами одного корня или даже одного слова; ср.: *правденъ* — *праведна*, *рпотъ* — *ропыщють* в ПЕ1307; *воспи* — *взопиѣтъ* в ПСXIV; *снемъ* — *сонмъ* в Ип.1425; также *жрецъ* в Лавр.1377 — *жерцо* в Ип.1425; *пришлецъ* в Пут.XIII — *зашелци* в Новг. гр. 1317; *четчи* — *чтець* в Новг. гр. 1368.

Еще сложнее ситуация в сочетаниях типа **tǫrt*. Фонетическая утрата слабых редуцированных приводила к образованию непроеизносимых сочетаний согласных

в ряде словоформ; ср.: *кѡи, крѡе, крѡи* в ПЕ1307; *отѣ крѡе, отѣ крѡи* в Луцк. XIV; *дѣври, кѣ дѣвремѣ, при дѣврехѣ* в ГЕ1266; *до дѣри* в СЕ1340. В украинских говорах это привело к слоговости ⟨л, р⟩, а впоследствии дало сочетания типа *лы, ры*; ср.: *дрыва, ыблыко* в ЖСХІІІ; *скрыжеть* в Луцк. XIV; *брыви, слызы* в Галицк. гр. 1424. В русском языке эти сочетания изменились иначе: произошло обобщение сильных ⟨ѣ, ы⟩ по всей парадигме, т. е. *дѣри < дѣври* по аналогии с *дѣрь < дѣвьрь*.

Расхождение между разными формами слова вызывало задержку слабых редуцированных в сложных сочетаниях согласных, особенно одинаковых согласных: *жѣжение* ≥ *жѣжение* вместо ожидаемого *жжение*. Фонетическое изменение настолько разрушило важные морфологические связи слов и форм, что необходимо должно было возникнуть сдерживающее это распадение семантическое начало. Однако прежде закончились изменения, связанные с теми согласными, которые по своим свойствам совпадали с ⟨ѣ, ы⟩, т. е. с глайдами.

§ 66. Глайды как особый класс фонем сохранялись в древнерусском языке до утраты редуцированных. Фонетическое ослабление ⟨ѣ, ы⟩ на этот раз приводило их к действительной редукции, поэтому в о д н о м с л о г е с глайдом начиналась и редукция гласного полного образования — как реакция на прояснение сильных ⟨ѣ, ы⟩ в слогах без глайдов. Соответствующий процесс отражается только в западнорусских и новгородских рукописях XII—XIII вв.: в РК1284, БГХІІ, ПЕХІІ, в Смол.гр.1229, в новгородских берестяных грамотах наряду с написаниями типа *словесехѣ* или *кротокѣ* для передачи абсолютно сильных ⟨ѣ, ы⟩ появляются и написания типа *въликѣ, въсна, врьмѣне, именьмѣ, инѣгда, камѣнь, корѣне, крѣтъка, овѣць, плѣдѣ, полѣжи, помѣць, прильжно, словѣса, тельсе* и др. (на месте *великѣ, овоць* и т. п.). В таких написаниях отражается своеобразная попытка уравновесить длительность слога в момент фонетической утраты ⟨ѣ, ы⟩, в связи с этим слог *мо* изменяется в *мѣ*, поскольку слог *тѣ* изменился в *то*. На место прежнего противопоставления редуцированных ⟨ѣ, ы⟩ кратким ⟨о, е⟩ приходит противопоставление слогов с различным распределением долготы между гласным и согласным в пределах слога, причем слога открытого. В северо-восточных говорах, в которых закрытые слоги образовались рано, преобразования звучности

в слогах нет. Встречаются только попытки разделить гласным сложные сочетания согласных; ср.: *в темь, мезда, пожжесть, наголъ, сомерть, тощеты* и др. (на месте *въ тьмь* и т. п.) в СЕ1340, МПХIV, ЕС1377. Остатки этого явления находим в современных западно-русских говорах (брянских, смоленских), которые аканье в безударных слогах после ⟨л, р⟩ проявляют иначе, чем в других типах слогов (совпадают в [ы], а не в [а]).

Мы уже отметили, что глайды раньше других согласных начинали вторичное смягчение полумягких, затем именно глайды в результате ослабления ⟨ъ, ь⟩ вошли с последними в синтагматические чередования (*дври, пимоу* вместо *двъри, примоу*), подготавливая фонологические условия последующей утраты ⟨ъ, ь⟩. Теперь мы видим, что первоначально и фонетическая редукция безударного гласного возникала в слогах с глайдом, представляя собой следствие падения слабых редуцированных. Все последовательные преобразования глайдов объясняются промежуточным их положением между гласными и согласными в исходной системе — это п о д в и ж н ы е элементы системы, и все касающиеся их изменения происходили поэтому в пределах слога. Скопление глайдов в слоге легко могло нарушить естественный ход фонетического изменения *а*. Так, мы ожидали бы полногласия в словах: *борноволокъ* (слов. *branovlěk*), русск. диал. *борновать, голдоба* (ср. *голодовка*), *горностай* (чешск. *hranostař*, польск. *gronostaj*), *морзобой* (*морзобойный хлеб*), укр. *морзоватий* ('белоснежный'), *скорлупа* (ст.-сл. *скралоупа*, чешск. *škráloup*, др.-русс. *скоролоупи* в рукописи 1499 г.) и др. Сочетание нескольких глайдов в последовательностях типа **toran-*, **norat-* задерживало развитие полной гласности, необходимой для образования русского полногласия.

Все рассмотренные изменения связаны с разложением силлабемы как единой функциональной единицы. Это — снятие общих для слога дифференциальных признаков и распределение их между гласным и согласным элементами слога. На первых этапах такого перераспределения роль плавных (позже глайдов вообще) оказывается очень существенной.

§ 67. Утрата редуцированных завершается не прояснением ⟨ъ, ь ≥ о, е⟩, как можно было бы думать, имея в виду совпадения ⟨ъ, ь⟩, ⟨о, е⟩. Это чисто фонетический процесс, связанный с возмездительным продлением слога

перед утраченными (слабыми) ⟨ъ, ь⟩: *сѣнъ* ≥ *сѣнъ* ≥ *сѣн* ≥ *сон*. Фонетический характер продления заключается и в том, что слабый редуцированный предварительно должен был исчезнуть также и в звучании, только после этого возможно компенсаторное изменение звуков в пределах словоформы. Вот почему сначала исчезали слабые и только затем прояснились сильные редуцированные.

После вторичного смягчения полумягких и связанных с этим изменений синтагматическая система фонем оказалась «на перепутье». В дальнейшем должны были произойти собственно фонемные изменения, но характер сложившихся отношений предполагал двоякий выбор: фонемное выравнивание могло пойти по линии словоформ, следовательно, сохранения прежнего состава фонем в каждой словоформе. Это произошло в севернорусских говорах, которые отразили и фонетический этап утраты редуцированных, т. е. не привели к выравниванию форм типа *ца*, *цтя* при *доску*, *тестъ* и не образовали морфологических чередований типа *лба* — *лобъ*, *лба* — *лѣдъ* на месте исконных ⟨о, е⟩ (*лобъ*, *лѣдъ*). Как и в древнерусской, в этой системе очень важным для гласных оказалось соседство других гласных и согласных в пределах словоформы; севернорусские говоры развивают с этого времени серию комбинаторных вариантов фонем, которые образуют так называемые параллельные ряды чередования гласных (перед твердым согласным передний вариант, перед мягким согласным передний вариант и т. д.).

Но в возникшем противоречии между словоформой и словом фонема могла «победить» и как представитель морфемы. Это произошло в южнорусских говорах, и впоследствии именно эта система была положена в основу современного русского литературного языка (с добавлением севернорусских черт, например с комбинаторным типом чередований). В этой системе прошло выравнивание типа *тестъ* — *тестя* — *тестю* (из *тъсть* — *тъсти* — *тъсти*) по сильной позиции морфемы, образовалось морфологическое чередование типа *лоб* — *лба*. Появилась, следовательно, возможность варьирования в зависимости от разных форм слова; поскольку такое варьирование определялось словесным ударением, в основной массе русских говоров возникло позицион-

и о е чередование гласных, которые образуют так называемые пересекающиеся ряды чередований (гласный под ударением чередуется с подударным гласным).

Причины расхождения по говорам — различное распределение признаков между гласными и согласными прежде единой sillабемы (см. § 72), а вовсе не разное время утраты редуцированных, как иногда полагают. Основные изменения редуцированных как в новгородско-псковских, так и в ростово-суздальских говорах завершаются к концу XIV в. К этому времени окончательно складывается современное диалектное членение русского языка, поэтому материал современных говоров становится прямым источником изучения исторических изменений в фонетике.

Когда началось регулирующее выравнивание «новых» ⟨о, е⟩ в пределах морфемы, когда «сильные» ⟨о, е⟩ из ⟨ъ, ь⟩ связали воедино серию словоформ и тем самым дали «новым» ⟨о, е⟩ то же морфологическое значение, которое имели исконные ⟨о, е⟩, тогда редуцированные окончательно утратили свой фонемный статус в системе.

§ 68. С начальными стадиями утраты редуцированных связано исчезновение сильных ⟨ъ, ь⟩ в соответствующих формах парадигмы. Например: *гласмь, двьрмъ* (дат. п. мн. ч.), *жеребъ, олтармь, оужасмь* (тв. п. ед. ч.), *слоухмь, старць, страхмь* в ГЕ1144; такие же примеры в ЧПХІ, ХАХІІ и т. д.; на западе — с XIII в.; *жеребъ, конць, крьпкъ, слъпць, старць, телць* в ПЕХІІІ, так же в БГХІІ, в некоторых рукописях с западнорусскими особенностями; с XIV в. и в Новгороде; *вънць, стрѣтѣнць твои* в МХІV, *Новгороцмъ, троѣ дверць* в Гр.1262—1263, *агнць, конць, повиннъ, правднши* и др. в СЕ1340. В М95 имеется пример *отъ конць до конць*, но это может быть описка, зато в новгородских рукописях XIV в. с большим числом диалектных особенностей (ПНХІV или берестяные грамоты) таких примеров очень много. Как можно судить по примерам, ударение во всех случаях должно было быть на корне — это касается производных и от имен с постоянным ударением на корне (*ста́ръ — ста́рьць*), и от имен с ударением на теме (*ко́нъ — ко́на, ко́ньць — ко́ньца*). Можно допустить поэтому, что ⟨ъ⟩ здесь находился в безударной позиции, следовательно, не в абсолютно сильной, почему и мог подвергаться выравниваниям под влиянием косвенных форм парадигмы. Аналогичные примеры отмечены также

в северо-восточных западнославянских языках (в Гнезненской булле 1136 г. 15 подобных написаний), они сохраняются в северо-восточных польских, в лужицких, кашубских, в некоторых словацких говорах (ср.: *domk*, *kônc*, *ptašk*). Из древнерусских галицко-волинские, смоленско-полоцкие и новгородские говоры отражают то же направление в выравнивании форм парадигмы, поэтому причину выравнивания можно было бы считать одной и той же для всех соседних славянских говоров XII—XIV вв. Только слог под новоакутовым ударением оказывается сильным для реализации новых гласных (<о, е> из <ъ, ь>), все прочие приравняются к отсутствию гласного и являются слабыми в фонологическом отношении (см. § 98).

Обычным было фонетическое изменение в последовательном ряду редуцированных многосложного слова с прояснением <ъ, ь>: *Полтескъ* < *Пълътъскъ* в СНЛ; *изъ подѣшивъ* < *подѣшивъ* в Ип.1425; также уже указанные *рпотъ* < *рѣпѣтъ*, *снемъ* < *сѣньмъ*, *швецъ* < *шѣвѣць*. Одновременно с тем образовывались и другие формы слова: *Плоцкъ*, *подошва*, *ропта* (как в ХАХІІ и *ропту* в Гр.1496), *сѣ сонмомъ* (ПАХІ), *сонма* (Лавр.1377 под 1169 г.), *на сонмъ* (Ип.1425 под 1228 г.), *о шевцѣ* (Зак.судн.) и т. д. Как правило, подобные чередования гласных в корне были совмещены с чередованием ударения в разных словоформах по типу: **rǫpǫtǫ* — **rǫpǫtǫ*, **sǫnǫmǫ* — **sǫnǫmǫ*, **sǫnǫmǫ*, **sǫnǫmǫ*. Сильная позиция <ъ, ь> изменяла варьирование в парадигме в связи с изменением словесного ударения; ср.: *Полоцк* — *Полоцка* — *Полоцку*... по косвенным формам (с полногласием); *Смольньскъ* — *Смольньска* ≥ *Смоленск* — *Смоленска* также по косвенным формам, хотя и с ударением на суффиксе, т. е. *Смолѣнск* — *Смолѣнска*... Иначе в словах с ударением на конце и, следовательно, с <ъ, ь> под новоакутом: *швѣцъ* — *швѣца* — *швѣцу* и т. д. (по форме именительного падежа единственного числа); в словах с колебанием ударения варьирование сохранялось до XIX в. (ср. в русской поэзии этого времени: *пришлѣц* — *пришлѣца*, но *пришлѣцъ* — *пришлѣльца*). Фонемный состав морфемы стабилизировался только при оформлении акцента — основной характеристики фонетического слова. В словах высокого слога, пришедших из церковнославянского языка, обычно ударение на первом слоге,

следовательно, выравнивание шло по формам косвенных падежей: ср. *рѣпот* — *рѣпота...*, *сѣнм* — *сѣнма...* с разным отношением к слабым ⟨ъ, ь⟩ — распространяется в сложных сочетаниях согласных (не *ропт*) и утрачивается в простых сочетаниях (не *сонем*).

Зависимость от ударения видна в односложных словоформах. Фонетический процесс разъединения словоформ многих слов (*ко цтю*, *тѣсть* — *аки стѣ* в Ип.1425; *лѣсть* — *лсти*, *чѣсть* — *чти* в Лавр.1377) еще сложнее у слов без сильных ⟨ъ, ь⟩, как *дска* в Лавр.1377; *дчи* в Уставе Владимира (по всем спискам); *на цкахъ* в Гр.1509 и т. д. Утрата редуцированного приводила и к усложнению фонетического состава слова. Во всех таких случаях изменился тип акцентовки, словесное ударение собралось воедино рассыпавшиеся были словоформы слова и оформило новый морфологический ряд: *лѣсть* — *лѣсти...*, *тѣсть* — *тѣстя* — *тѣстю...*, *чѣсть* — *чѣсти...* (вместо старых *лѣсти*, *тѣстя*, *чѣсти*). Также появляются русские формы *дѣчи* — *дѣчери* и др. вопреки исконным *дѣчѣрь* — *дѣци* (остались как церковнославянские); новое ударение *доска* — *дѣску* — *дѣски* (мн. ч.) по типу *рука* — *руку* — *руки*, в который слово *дѣска* (< *дѣска*) прежде не входило.

Чередования сохранились только в подвижных акцентных парадигмах, став важной характеристикой такой парадигмы; ср.: *день* — *днѣ* — *на день*, *сон* — *сна* — *сонной* и т. д., хотя исконно этот ряд имен в подвижный тип не входил (например, *сѣнѣ*), их акцентная подвижность вызвана сохранением морфологического чередования с ⟨ъ, ь⟩. Регулирующее воздействие ударения на формирование нового типа сочетаний подчеркивает морфонологический характер самого чередования, поскольку к концу XIV в. единственным устойчивым морфологическим средством в русском языке оставалось словесное ударение.

Другое доказательство заключается в типе чередований. В подобное же чередование стали вступать и такие корневые морфемы, которые прежде содержали ⟨о, е⟩ (не из ⟨ъ, ь⟩): *лобъ* — *лба*, *лѣдъ* — *льда* с исконными *лоба*, *леда*; ср. *на камни* в ЖН1219; *во рвѣ* в Пр.1262; *шти* ('шести') в РК1284; *лѣба* в Ип.1425; *въ лбѣ* в АНІІ под 1418 г. Подвижность ударения как морфонологический признак развивалась у имен мужского и среднего

рода, но постепенно устранялась у имен женского рода. Поэтому на протяжении XV — XVII вв., когда осуществлялся процесс морфологического выравнивания основ, беглые ⟨о, е⟩ почти совершенно утратились — у непроизводных имен женского рода; ср.: *локоть* — *локтя*, *огонь* — *огня*, *угол* — *угла*, но *изба* — *изб*, *ольха* — *ольх*, *служба* — *служб*, *тыква* — *тыкв* и др., хотя первоначально (встречаются до XVIII в.) фонетически закономерно возникли формы *изоб*, *олѣх*, *службеб*, *тыков*. Такие чередования устранены и у женских имен III склонения: *двери* — *дверь*, а не *дври* — *дверь*, как ожидалось бы после фонетического изменения. Так новое, возникшее с утратой редуцированных чередование получило и грамматическую характеристику. Оно же стало использоваться и в словообразовательных рядах, потому что имена женского рода сохранили чередование в суффиксах: *бабка* — *бабок*, *вишня* — *вишен*, *ложка* — *ложек* и др., в том числе и в «неэтимологических» суффиксах типа *доска* — *досок*, *земля* — *земель*, *капля* — *капель*, — в последнем случае особенно упорно сохранялась и подвижность ударения, сдерживавшаяся наличием самого чередования. Наконец, эти же чередования выполняли и стилистическую функцию, потому что цсл. *огнь* — *огня* или *сосна* — *сосн* противопоставились русск. *огонь* — *огня*, *сосна* — *сосон*.

Таким образом, ⟨о, е⟩ из ⟨ъ, ь⟩ совпали с исконными ⟨о, е⟩ и по функции, стали оттенками фоном ⟨о, е⟩. Только после начала регулирующего выравнивания «новых» ⟨о, е⟩ в пределах морфемы (в вариациях словоформ) завершаются все изменения, связанные с утратой ⟨ъ, ь⟩.

Изменение редуцированных в сочетании с полугласными

§ 69. В древнеславянских текстах буквой *н* (*и*) обозначались ⟨i, i (j)⟩, ⟨j⟩ ь, ь ⟨j)⟩, буквой *ы* — ⟨у, ь ⟨j)⟩, у ⟨j)⟩; *ы* встречается редко. Лишь в самом конце XI в. позиционное распределение между ⟨и—ъ⟩ отражается в рукописях: до этого редкие написания типа *змьа*, *третьаго* в OE1056, I73, I76 можно объяснить влиянием южнославянских оригиналов. Сначала наиболее часты написания с ь перед слогом, в котором содержится ⟨ю⟩ (*змью*), с середины XII в. они стоят наравне с написа-

нием *ѣ*, затем развиваются и написания *ѣя* (при возможном сохранении написаний *ѣе*, *ѣя*). Хотя сочетания *ѣи* встречаются наиболее часто, практически нет написаний типа *ѣи*, напряженные редуцированные в положении перед ⟨и⟩ сохраняются вплоть до падения редуцированных. Видимо, в сочетании ⟨ѣ и⟩ редуцированный еще был близок по своему качеству к ⟨ј⟩ и к ⟨и⟩. Что же это за качество?

В этой позиции возникали более закрытые, напряженные, узкие варианты ⟨ѣј ѣј⟩; составители славянской азбуки признавали их равными фонемам ⟨ы, и⟩ и не различали на письме. Исконные ⟨ы, и⟩ в положении перед ⟨ј⟩ также совпадали с ⟨ѣ, ѣ⟩; ср. [ш"и ја] и [зм'ѣја], впоследствии одинаково давшие ⟨ѣ⟩ (*ишя*, *змия*). Возникла нейтрализация противопоставления по признаку подъема:

$$\begin{array}{lll} \langle \text{ѣј} \rangle \geq & \langle \text{ѣ} \rangle \leq & \langle \text{ыј} \rangle \\ \langle \text{ѣј} \rangle \geq & \langle \text{ѣ} \rangle \leq & \langle \text{иј} \rangle \end{array}$$

Маркированными членами были ⟨ы, и⟩, совпадавшие в слабой позиции с ⟨ѣ, ѣ⟩, но только в кратком слого, например под ударением: [’мыјѣ] $\geq$ [’мыјѣ] (= *мыю*). В предупредном слого долгота сохранялась (*бию* [би’јѣ]), но в форме имперфекта [бијаш’ѣ] дало [бијаш’ѣ]. Впоследствии во всех славянских языках первоначальное распределение по ударению отразилось на характере основы; ср. совр. русск. *мытъ*, *битъ*, но *мою*, *бую* (основы инфинитива и настоящего времени различаются составом фонем). Однако слабые, сократившиеся ⟨иј, ыј⟩ совпали с ⟨ѣј, ѣј⟩.

С конца XI в. в древнерусских рукописях именно ⟨ыј, иј⟩ передаются уже как ⟨ѣј, ѣј⟩: *оумѣ* в ЮЕ1120; *покрѣтъ* в М97; *пыѣ* в ДЕ1164, ЕХII; *осѣѣ* в ДЕ1164; *быѣше*, *пыѣ* в Выг.ХII; *мѣѣ* в Пр.1262; *стрѣѣма* в ЖСХIII; *оумѣю*, *сумѣѣши* в ЕХIV; *мѣѣшесѣ* в Пант.1317; то же сохраняется в архаических написаниях летописного текста и в поздних списках; ср.: *кѣ стрѣѣмѣѣ*, *пыѣѣньствѣѣмѣ*, *стрѣѣѣ*, *съѣѣхоу*, *съѣѣюще* в Ип.1425; *кѣ шѣѣю* в СНIЛ; *не мѣѣющеѣмоуѣ* в ВЗХVI и т. д.

Впоследствии ⟨ѣ, ѣ⟩ изменились так же, как и все сильные редуцированные, совпав в конце XIII в. (почти одновременно во всех восточнославянских говорах)

с <о, е>. Правда, отдельные случаи прояснения встречаются и раньше (*тълообразнои видъ* в М96; *сильнои* в ЕПХІ и др.), но такие примеры справедливо связывают с западноболгарскими оригиналами, с которых списаны рукописи.

Таким образом, уже на фонетической стадии изменения ⟨ъ, ь⟩ в ⟨о, е⟩ происходят независимо от позиции; к моменту изменения все сокращения слабых редуцированных завершились, и все сохранявшиеся к тому времени ⟨ъ, ь⟩ являлись с и л ь н ы м и. Есть и другое доказательство длительного сохранения ⟨ъ, ь⟩ — их употребление в конце слова.

(= ego), другие типы сочетаний предотвратили появление форм 1-го лица множественного числа настоящего времени типа *приимыи* (= страдательное причастие *приимыи*). Лексико-грамматические выравнивания после XIV в. включили ⟨о, е⟩ из ⟨ъ, ь⟩ в обычные для русского языка типы чередований, так что в современном языке мы имеем закономерные *пѣет, шѣѣт*, но *гѣбѣя* и *гѣбѣя*, *шѣѣя*, также *друзѣя, мужѣя*, но и *брѣтя*, при обязательном сохранении гласного в односложных типа *зѣя, шѣя*. Как и в случае со свободным редуцированным, окончательное изменение ⟨ъ, ь⟩ связано с их включением в морфологические ряды, а это случилось не ранее XV в. Рассмотрим ряд примеров, подтверждающих это.

В предлогах *въ, къ, съ* перед ⟨и⟩ начальным ⟨ъ⟩ также оказывался напряженным, почему со второй половины XI в. имеем написания: *вы Иѣрмль*, *вы имени*, *вы искѣсь* в И73; *вы измѣдѣниѣ* в М95; *вы иноу*, *вы истинуоу* в М97; *вы имѣ*, *вы истинуоу* в АЕ1092; *вы Исаиньсѣмь* в ПАХ1; *вы имѣ*, *кы иномоу* в ЗХ11; *выиноу* в ЕКХ11; *вы иго* в УСХ11; *вы изьскѣ* в НК1282. В XII в. в связи с падением редуцированных происходило «стяжение» сочетаний типа ⟨ыи ≥ ы⟩; Л. Л. Васильев объясняет это редукцией начальных нейотированных гласных. Ср.: *вынѣхѣ* в ЕКХ11; *выноую* в Смол.гр.1229; *выстобку* в Гр.ок.1300; *вылмерь* (= в *Ильмень*), *вынѣ законѣ, сываномѣ* в Лавр.1377, хотя здесь сохранялись и старые формы перед ⟨ј⟩: *сыидевѣ* в Лавр.1377; *отымуться* в Моск.гр.1328. Перед нейотированным гласным написание с *ы* (*вынѣ*) передает уже утрату слабого ⟨ъ⟩ в предлоге и переход ⟨и⟩ после твердого согласного в ⟨ы⟩, но только в рукописях XIV в. и более поздних. На фонетической стадии утраты редуцированных напряженные в этой позиции прояснялись, как всякие напряженные, давая написания типа *воиноу* в УКХ11.

С XV в. в грамотах появляется довольно много написаний со смягчением согласного: *безѣ ихѣ, ви ихѣ, въ ихѣ, къ ихѣ, си ихѣ, ви ивъ, ки иве*, что сохраняется до сих пор в ряде среднерусских говоров как произношение *в избе* [в'изб'э], *об избе* [об'изб'э], *от них* [ат'их], *с ним* [с'им], *с ними* [с'имѣ]. Подобное смягчение происходило только перед йотированным ⟨и⟩ (из ⟨јь⟩), подобно тому как оно происходит перед любым йотированным гласным. Ср.: *въ Иѣрославль* в Гр.1392; *въ ѡколи, въ еловую* в новгородских

грамотах XV в.; *ви ямчужное, си Егорьевской* в Лод.ак-тах; в более поздних московских грамотах встречаются написания *выное, сыконъ, сыноземци*, но *въ ево*. Таким образом, последовательное выравнивание произношения, характерного для современного литературного языка, привело к формам как [выване], [выдее], [выных], так и [вызбе], [выйди]. Произошло перераспределение оттенков <и—ы> и фонологизация <j>, и после этого словоформа *выване* противоречила морфеме *Иван-*, и потому происходит морфонологическое выравнивание словоформ. Завершилось оно довольно поздно. На личные местоимения оно так и не распространилось, точнее, направление выравнивания там было другим (ср.: *в него, с ним*). Диалектные расхождения здесь не рассматриваем, по-видимому, направление выравнивания было общим для всех русских говоров. Любопытно только, что церковнославянский язык перенял не древнерусское произношение *выи́мя* и др., фонетически сходное с церковнославянским же изменением напряженных типа *сѣдиш*, а возникшее на фонетическом этапе падения редуцированных русское произношение *во имя, во иную, воистину*. Отчасти это связано с акцентовками сочетаний, поскольку с подобным произношением связана не характерная для русского языка оттяжка ударения на предлог (ср. *во имя* во всех акцентованных русских рукописях с XIV в.). На этом примере можно видеть, что церковнославянский язык представляет собой столь же разнообразный и вполне условный конгломерат разновременных фонетических изменений, как и русский литературный язык. Принципиальные линии их образования совпадают начиная с XV в., когда они начинают развиваться параллельно.

§ 70. Сочетание <jъ> в любой позиции в древнерусских рукописях передавалось буквой *и* (*и*): *игла, иго, игра, искра, искръ* ('близкий'). В украинском языке сильное <и> сохранилось (*игла* < *jъgъla), а слабое утратилось (*гра* < *jъgra); в русском начальное сочетание <jъ> сохранилось как *и* независимо от позиции, что доказывает его позднее изменение (до XIV в. наличие или отсутствие <j> определяло характер предшествующего согласного).

В середине слова положение сложнее. Фонетически здесь также употребляется <и> — и в корне, и в суффиксе (ср. *гнои́нъ* в OE1056), и даже в новой, древнерус-

ской флексии творительного падежа единственного числа -ьмь; ср.: *гноимь* в OE1056, И73, ME1117, ЗХІІ; также *клеимь* в ME1117; *сѣлоучаимь* в И73; *разбоимь* в ЗХІІ.

После вторичного смягчения согласных, особенно в связи с падением редуцированных, начался морфологический процесс вычленения морфем; и старое совмещение части корня (<j>) и части суффикса (<ь>), например в [gnoj-ьп-ъ], оказывалось неприемлемым. Но то, что для AE1092 являлось только колебанием, связанным, может быть, с южнославянским влиянием на церковное произношение (здесь наряду с *вѣзѣмъ*, *потѣмъ*, *прѣмъ* находим *вѣзамъ* и др.), то для DE1164 и более поздних рукописей уже результат фонетического изменения сильного <ь>: *галильскъ*, *гнонъ*, *достонъ* (и *достоинъ*), *самарьскъ* в DE1164; *можаскъ*, *перемъ*, *яецъ* в СНІІ и НК1282; встречается даже в синтагматически обусловленных сочетаниях типа *долгыѣсь поуть* в ПН1296 (= *долгыи съ*); *странныѣсь* в ЕС1377 (= *странныи съ*), что косвенно подтверждает фонетический характер таких изменений. Подобным изменениям подвергается также исконное <и>: ср. написания вроде *Троецькой* в грамоте XV в.; *военъ* в Пут.ХІІІ и т. д. Фонетическая стадия изменения сохранялась в украинском языке (ср.: *вѣзамъ*, *гнонъ*, *достонъ*, *иудѣскъ*, *наемникъ* в Ев.1283), а московские рукописи долго сохраняли традиционные написания (ср.: *вѣзамъ*, *галильскъ*, *гноинъ*, *достоинъ*, *наимникъ*, *примъ* в ME1358), из которых неясно, сохраняют ли они и старое произношение форм, или только следуют старой традиции письма. В разных по происхождению текстах возможны колебания: ср. *приемъ* и *наимъ* в МПХІV. В русских говорах обнаруживаются колебания, которые указывают на различные направления псследующего морфонологического выравнивания. В русском литературном языке даже на письме долго отражались колебания между *е*, *и*: *взаем* — *взаимно*, *достоен* — *достоин*, *яец* — *яиц* и т. д. Объясняется это морфологическими связями с другими словами: *гнонъ* как *боленъ*, но *достоинъ* как *стоити*. Окончательное соотнесение с <о> или <е> здесь, как и во всех прочих преобразованиях <ъ, ь>, определялось не фонетически, а морфонологически на том завершающем этапе утраты редуцированных, который происходил уже в ХІV в.

§ 71. Длительное сохранение редуцированного возле плавного, древнерусское «второе полногласие» объясняется все теми же фонетическими условиями прояснения сильных. В словоформах *врѣхъ* — *врѣха* сильными являлись соответственно *врѣхъ* — *врѣха*, но поскольку оба редуцированных рядом с плавным входят в одну и ту же морфему, в последней создается абсолютно сильная позиция редуцированного, а с таких редуцированных началось прояснение ⟨ъ, ь⟩. Сложность консонантных сочетаний, возникавших в результате этого, обусловила сохранение слабого редуцированного, и до XV в. мы встречаем в Е1355, ГЕ1357, Пут. XIII написания типа *отверъзоу* > *отверъзоу*, *почерьпала*, *теръплю*, *церковь* и др. Произношение с мягким [r] сохранилось и в старомосковской норме (*верх* [в'ер'х], *первый* [п'ер'вый] *серп* [с'ер'п]), только перед зубным в древнерусском языке [r'] отвердело (*дерзкий* [д'ерск'ий]). В северных рукописях XII — XIII вв. отражается фонетический этап изменения, т. е. закономерные по характеру утраты ⟨ъ, ь⟩: *стѣлопника* в СХІІ; *тѣрожку* в СНІІ; *ч'ремное море* в ПСХІV; но также *столпъ* и *торгъ*; этот этап сохраняется и в топонимических названиях на новгородской территории (название речки *Вревка* < *врѣвѣка*). В дальнейшем происходило выравнивание словоформ со вторыми ⟨о, е⟩, т. е. тех корневых сочетаний, за которыми следовали ⟨ъ, ь⟩: *стѣлопникъ* ≥ *столопникъ*, *тѣрожку* ≥ *торожку*, в форме именительного падежа единственного числа *врѣхъ*, *стѣлопъ* при *верха*, *столпа* также дали *верѣх*, *столон*. Достоверные примеры современного севернорусского второго полногласия относятся к самому концу XIII в., но особенно много их в XIV и XV вв.; ср.: *бороть*, *верешь*, *впревки*.

Второе полногласие в суффиксальных образованиях было общерусским явлением, потому что в сочетании с ь-суффиксом второй редуцированный корня всегда оказывался сильным (ср.: *мѣлѣны* — *мѣлѣнь* — *мѣлѣньямъ* и т. д.), почему даже восточные русские рукописи дают написания: *молонии*, *моланья*, *моланьямъ* (с отражением аканья) в ПСХІV, в суффиксальных *берьвно* (в Е1362 *беревна*), *земле полозня*, *коромѣчи* в ПА1307. Произношение слов *берѣвнушко*, *веревка*, *деревня*, *молонья*, *остолон*, *посолонь*, *сумеречный* (но *сумерки*), *тверѣже*, *черемуха* и др. сохранились со вторым полногласием во всех русских говорах. Что же касается непроемных,

они сохранили прежний состав фонем только в некоторых северных говорах. Вторые <о, е> появляются в них только под ударением в таких словах, которые имели постоянное ударение на окончании (*столба́* — *столбу́* и т. д.), почему и в форме именительного падежа единственного числа сохранялось полногласие, приводившее к выравниванию ударения на втором слоге (ср. *столо́б*). То же относится к примерам типа *верѣх* — *верха́*, *гороб* — *горба́*, *полѣк* — *полка́*, *серѣн* — *серпа́* при отсутствии этого явления в словах с ударением на корне (*во́лк* — *во́лка*). Снова мы сталкиваемся с регулирующим воздействием словесного ударения как с морфонологическим средством соединения фонетически разошедшихся слогов в одно слово.

Фонологические следствия утраты редуцированных

§ 72. Таким образом, утрата редуцированных происходила несколько раз. После образования новоаккутовой интонации <ъ, ь> утратили всякое просодическое значение и, следовательно, перестали исполнять функции центра слога. После вторичного смягчения согласных в чередовании <ъ/ь> утратилось противопоставление по ряду, после этого фонемы <ъ, ь> неспособны были различать передний и непередний слоги. Нейтрализация слабых редуцированных в связи с развитием межслогового сингармонизма приводила к устранению оппозиций по подъему и к сближению <ъ, ь> с их морфологическими эквивалентами <о, е>. Прояснение сильных <ъ, ь>, связанное морфонологическому выравниванию в словоформах, лишило их последних остатков самостоятельности, и <ъ, ь> полностью совпали с <о, е>. Такие функционально важные фонемы, как редуцированные, не смогли бы исчезнуть без двух столетий последовательного «снятия» с них все новых и новых признаков, функциональных нагрузок и т. д. Каждое новое преобразование <ъ, ь> связано с основными динамическими процессами древнерусского языка и, в свою очередь, определяет эти процессы. Параллельно полугласным <ъ, ь> изменялись и полугласные глайды, постепенно переходившие в консонантный ряд. В парадигматической системе фонем устранились все промежуточные фонемные типы и состоялось четкое противопоставление гласных согласным.

Утратой редуцированных закончился переходный период функционального единства слога по основным фонемным признакам, общим для гласных и согласных, поскольку согласные занимали теперь сильную позицию, свободную от воздействия последующего гласного; ср.:

<i>пылъ</i>	<i>былъ</i>	<i>силъ</i>	<i>лысъ</i>
<i>пыль</i>	<i>быль</i>	<i>сылъ</i>	<i>лысь</i>

Эти квазиомонимы иллюстрируют изменение функциональной ценности составляющих словоформу фонем. После утраты редуцированных конечное <л> в верхнем ряду и конечное <л'> в нижнем ряду не зависят от последующих <ъ, ь>, становятся релевантными единицами фонемных противопоставлений по новому признаку твердость — мягкость. Это, в свою очередь, приводит к перераспределению отношений внутри слога: если в древнерусском языке в парах *лис* [л'исъ] — *лыс* [лысъ] функциональным центром словоформ являлся гласный (формы различаются гласными <и—ы>), после вторичного смягчения согласных в противопоставлении [л'исъ] — [лысъ] оба элемента слога одинаково важны, определяя друг друга в структуре слога, то в противопоставлении [л'ис] — [лыс] основным элементом слога остается уже независимый согласный <л'—л>, потому что такое именно противопоставление возможно и в свободном употреблении на конце слова (*пыл* [пыл] — *пыль* [пыл'л]), тогда как противопоставление <и—ы> уже невозможно в свободном употреблении начала слова. Оппозиция <и—ы> может сохраняться, но может и утрачиваться: она избыточна после падения редуцированных, когда признак ряда у гласных потерял свое значение. Происходит и парадигматическое сближение ряда гласных, отличавшихся прежде только признаком ряда (передний — непередний):

<и>	—————>	<ы>	<ѳ>	—————>	<у>
<ѣ>					
<е>	—————>				<о>
<ѧ>	—————>	<а>			

На основе синтагматического варьирования в фонетическом тексте начинается попарное совпадение этих фонем после утраты редуцированных; система упрощается на пять гласных: утрачиваются <ъ, ь>, совпадают <ѳ> с <у>, <ѧ> с <а>, <и> с <ы>. В словоформах *лис* — *лыс*,

люди — луна, лягу — лагу первые слоги различаются уже согласными <л'—л>, тогда как соответствующие гласные становятся оттенками одной фонемы. После падения редуцированных окончательно складывается характерная для большинства русских говоров и ставшая литературной нормой лабиализация <о, у> (поскольку одновременно с тем этот признак становится нерелевантным для согласных). По своим признакам фонема <а> еще дальше отходит от <о>, теперь их различают два признака: подъема и лабиализованности.

Сложнее обстояло дело с <о—е>; эти фонемы также сближаются под влиянием <ъ, ь>, которые совпадают с <о, е>, что ведет к неразличению по ряду. Однако эти гласные различались еще и лабиализованностью, как раз в это время получавшей у гласных особую важность, поэтому соответствующие изменения произошли здесь несколько позже (см. § 90).

Все описанные преобразования имели свои морфологические ограничения, связанные с тем, что фонема получает ценность в составе словоформы и морфемы. Но последовательность фонемных изменений определяла и изменение морфологической формы, например, попарное совпадение первоначально различавшихся типов именных основ (рассматривается в связи с морфологическими изменениями).

§ 73. Волна позиционной утраты <ъ, ь> захватила и гласные полного образования, произошло сокращение до нуля гласных <и, у, а> и др. Достоверные примеры появляются с XIII в.: *стояшьте* два мюрина в ЖН1219; *обратишь* в Выг. XII; *дашь* в Бер. гр. XIV; *съ ним* (мн. ч.) в МЕ1215; *боудеши*, *емлещи*, *можещи* (на месте *можеши*), *повелиши* в НК1282; *обидьте*, *оукрадь* (на месте *оукради*), *оставьте* и др. в ГЕ1266; *сьмъ* (вместо *сьмо*) в Пут. XIII; *какъ* < *како* в Гр. 1265; *възяши* (3 л. мн. ч. аориста; на месте *възяша*), *выводиши*, *домовъ*, *нѣтоуть* (на месте *нѣтоути*), *послаши* (на месте *послаша*), *прочь* (и старое *проче*), новые формы наречий *особъ*, *прямъ*, *сторонъ* и др. в СНІЛ; *ажь*, *ожь*, *акожь* (везде *жь* на месте *же*), *дашась* (*съ* < *ся*), *досадила мь* (= *ми*), *оуимала ть* своя земля (на месте *тя*) в Ип. 1425 и мн. др.

Современные говоры и литературный язык отражают подобное сокращение конечных гласных; ср.: *серьга* < < *оусерьга* в начале слова, *стремглав* < *стрѣмглавъ*

и *отнюдь* и *отиноюдь* в середине слова, *мать* < *мати* и *дочь* < *дочи* в конце слова; также: *доколь* < *доколь*, *как* < *како*, *коль* < *коли*, *там* < *тамо*, *тут* < *туто*, *чтоб* < *чтобы*; в сравнительной степени *сильней* < < *сильнѣе*, *скорей* < *скорѣе*; в форме творительного падежа *молодой женой* < *молодою женою*, *чай* (в сочетании *я чай*) < *чаю* (от *чаяти*); наречия *долой* < *долови*, *домой* < *домови*; изолированные слова типа *авось* < *аосе*, *аж* < *аже*, *ан* < *ако*, *вон* < *воно*, *вот* < *въто*, *ин* < *ино*, *нет* < *нету*, в разговорных звательных формах типа *вань*, *дядь*, *мам*. Позже начинается распространение такой редукции на формы инфинитива и императива: *везти* ≥ *везть*, *нести* ≥ *несть*, также: *будь* < *буди*, *знай* < *знаи*, *ходь* < *ходи*, но *бери*, *неси*. В угоду создавшейся тенденции даже исконное ударение на окончании в ряде случаев было перенесено на корень.

Редукция до нуля коснулась тех (главным образом конечных) гласных, которые оказались без ударения и морфологически не проверялись сильной позицией. Ситуация напоминает положение с изолированными редуцированными в первой половине XI в., с той только разницей, что «новые изолированные» фонемы находились в конечном слоге слова, не имевшем ни к а к и х п р о с о д и ч е с к и х в ы д е л и т е л е й. В *аже*, *мати*, *сидися* <е, и, а> не выделялись ни интонацией, ни долгой, ни ударением и, следовательно, в фонетическом тексте не были выражены достаточно четко. Но они ничего и не значили, потому что не входили в морфологическую парадигму, не составляли замкнутого флексивного ряда — вот почему они редуцировались: в говорах и в просторечии очень последовательно, в литературном языке — не всегда, поскольку с XVIII в. литературный язык приступил к лексико-стилистическому отбору вариантов, еще существовавших в народно-разговорной речи. В формах императива и инфинитива возобладали не русские варианты типа *везть*, *несть*, а церковнославянские *везти*, *нести*; не *водь*, *порть*, *ходь*, а *веди*, *ходи*, даже *пóрти* с безударной флексией. Колебание типов *положи* — *пóложь* существует до настоящего времени, но к исходной фонетической ситуации оно уже не имеет отношения.

Рассматривая случаи такой редукции в сопоставлении с изменением редуцированных, мы приходим к выводу,

что: 1) фонетическая стадия устранения нефункциональных гласных действительно определяется синтагматическими условиями — позицией в слове и отношением к просодическим признакам; 2) морфологически изолированная позиция являлась местом пересечения функциональной и фонетической недостаточности фонемы, делавшей ее неважной в составе словоформы; 3) развитие процесса может перерасти границы позиционной безразличности только по отношению к изолированным фонемам, и синтагматически возникают условия, благоприятствовавшие дальнейшему изменению: на фоне падения редуцированных началось устранение и «функционально пустых» гласных полного образования, что, в свою очередь, вызвало изменение ударения (не только *ходи́* > *хо́дь* с изменением ударения, но и *укради́* > *укради́* — чтобы сохранить конечное <и> в данной форме); 4) морфонологическая стадия, по существу, заканчивала это изменение, она регулировала новое функциональное распределение и определила новые связи фонем в чередованиях. Вот почему с фонологической точки зрения процесс утраты редуцированных в собственно русских говорах заканчивался столь поздно. В московской рукописи 1355 г. (ЧЗХIV) мы находим все приметы синтагматической стадии п а д е н и я редуцированных, но только в конце XIV — начале XV в. московские рукописи отражают уже фонематическую стадию у т р а т ы редуцированных. Последующие лексико-грамматические выравнивания для понятия фонетических изменений уже не важны, потому что варьирование, возникшее на фонетических условиях, — это факт лексики, грамматики и стилистики. Дальнейшие изменения редуцированных, вплоть до XVIII в., следует рассматривать в курсе истории русского литературного языка.

§ 74. К концу XIV в. в русских говорах начались фонемные изменения, характерные для современного русского языка. Прежде всего это сказалось на просодических признаках и на связанном с ними строении слога.

Фонетическая стадия утраты редуцированных не предполагает утраты всех слабых редуцированных немедленно и в любой позиции. По рукописям видно, что в сложных сочетаниях согласных, в сочетании одинаковых согласных нефонематическая гласность сохранялась

до конца XIV в. (на севере и дольше), но слог как явление фонетическое мог оставаться открытым, по крайней мере, до полного прояснения сильных редуцированных, доказывающего фонетическую утрату слабых ⟨ъ, ь⟩ в последующем слоге, т. е. до XIII в. Все изменения гласных и согласных показывают, что в славянских языках внутренним механизмом фонемного изменения являлось ритмичное перенесение определенного набора дифференциальных признаков с гласного на согласный (или наоборот) в пределах слога (см. § 72, 76), и каждое такое изменение связано с возможностью проведения морфологической границы по слогу или за слогом.

Утрата редуцированных привела к новому противоречию между границами морфемы и слога; ср.: *сѣ/тъ/ни/къ* ≥ [сѣт'нѣк] с двояким выбором в дальнейшем изменении — либо сохранение прежнего соотношения (единство морфемы *сѣт-*), либо единство слога на новых основаниях (*сѣ-тнѣк*). Все ранние преобразования происходили в границах словоформы — это фонетический этап изменения; но в словоформе граница слога долго определялась морфемным членением: в форме *сѣт-нѣк* сохраняется единство корневой морфемы, а суффиксальная морфема, лишенная гласного, примыкает к фонемному составу следующего суффикса, создавая новую морфему. Такие же новые морфемы находим в фонемных последовательностях типа *-ова-*, *-ива-*, *-енск-*, *-чик* и др., но отдельный слог по правилам фонетической членимости они дали только в том случае, когда гласный был один и находился в середине сочетания: *-лив-*, *-нѣк*, *-чик* и т. п. В этом распределении большую роль играло ударение. Южнославянские языки показывают, например, что имена с постоянным ударением на теме дольше сохраняли открытый слог, чем те, которые в форме именительного падежа не имели ударения на конце (сохранили разницу в акцентовке форм типа словенск. *mōst* — *mostā* с подвижным ударением и удлинением корневого слога при утрате ⟨ъ⟩ в форме именительного падежа и *grōb* — *grōba* с отсутствием такого удлинения в слове с ударением на теме, что указывает на длительное сохранение произношения типа **gro/bā*). То же, несомненно, было и в древнерусском языке, потому что ЧЗХIV показывает еще акцентовку типа *вѣсѣ* на конечном редуци-

рованном. В архаических русских говорах ударение в формах именительного падежа единственного числа *всѣ* ('весь'), *псѣ* ('пѣс') подтверждает сохранение гласности в том случае, если в косвенных формах ударение последовательно находится на окончании: *псѣ* — *псѣ* — *псѣ*, *псѣм* и т. д. Выше мы видели, что это акцентное правило стало причиной возникновения северо-западного второго полногласия.

Постепенно, на морфонологическом этапе утраты редуцированных, изменялись и акцентные правила комбинации словоформ в парадигмы. Так, старое, восходящее к праславянскому языку правило соответствия ударения производного слова ударению производящего отменяется в связи с утратой морфологических связей производящего и производного (например, связь слова *сотникъ* со словом *сѣто*). Разрушение акцентной соотношенности производных относится к XVII в. Новый принцип членения фонетического текста — по сло-гам — это разрыв морфонологической функции морфемы с чисто фонетическим слогом (ср. *со-тник* как фонетическую последовательность, не связанную с морфологическим рядом). «Разложение слога» прошло несколько этапов, но если согласиться с тем, что после падения редуцированных отношения <л—л'> в *пыл* [пыл] — *пыль* [пыл'] перешли на пары типа *лыс* [лыс] — *лис* [л'ис], дав варианты <ы—и>, тогда следует считать, что по тем же причинам после падения редуцированных отношения *лап* [лапъ] — *лапа* [лапа] $\geq$ *лап* [лап] (закрытый) — [ла-па] (открытый) перешли и на сочетания типа *лапка* [лап-ка], *лапочка* [ла-по/чка], а это значит, что в [лап-ка] непосредственно после падения редуцированных образовался закрытый слог и одновременно возникло противоречие между фонетическим слогом и морфемой — противоречие, важное для последующих преобразований слога. Дольше всего эти первоначально закрытые слоги сохранились в ударной позиции ([л^ап-ка], [с^от-ник]); в рукописях членение передается написаниями типа *сѣз'-данъ*, но *созд^ание*. До XVII в. рукописи показывают также, что создание новых открытых слогов (типа *ла/пка*) позже всего распространилось на такие сочетания согласных, которые не могли встречаться в начале морфемы (ср. *птица*), отсюда возможность членения *ла-пти*, но при отсутствии сочетания * *пкати* — членение *лап-ка*.

Ряд орфографических правил и графических приемов в средневековых рукописях подтверждает наличие закрытых слогов в древнерусском языке XIII—XIV вв. В соответствии с «правилом конца строки» писцы каждую строку должны были заканчивать гласной буквой (или ъ, ь, если таковых не было в данной части слова): ср. переносы типа *сѣ/тъникѣ*, *сѣтъни/кѣ*, *пра/влю*, *правь/лю* и т. д. Лишь в рукописях XIII—XIV вв. находим большое число написаний с согласной в конце строки (в ПСХIV, например, на 204 страницы 75 строк с обычным переносом и 129 строк с 227 случаями окончания строки на согласную). Допустимость такого нарушения объясняется особенностями произношения.

Употребление паерков на месте ⟨ъ, ь⟩ (*сот'никъ* вместо *сѣтъникѣ*) и особенно правила употребления выносных букв только в закрытом слоге (например, в конце слова *то(м)*, *тѣ(м)*, согласный перед согласным в середине слова, особенно перед ⟨j⟩ типа *братѣ*, *Юре*, т. е. *братью*, *Юрью*, или типа *собра(л)с* и др.) позволяют выделить фонетические сочетания, создававшие закрытый слог непосредственно после падения редуцированных и вплоть до конца XIV в. Средневековые грамматики требовали неукоснительного использования паерков, которые сигнализировали о перераспределении звучности в фонетическом слове (возникло после утраты ⟨ъ, ь⟩). Сам термин «паерок» («речник», «ертица», «воос» — из гр. *φωνε* — звучащий) указывает на фонетический характер явления, обозначаемого им на письме.

Фонетические изменения, связанные с преобразованием слоговых границ (ассимиляция согласных по звонкости — глухости, твердости — мягкости; см. § 77, 84, 85), начались с конца XIII в. и первоначально распространились только на отдельные сочетания. Но даже те упрощения сложных групп согласных, которые возникли в результате изменения слоговых границ, являлись относительно поздними. Новый составной суффикс *-чьн-* (*коньчю* ≥ *конечно*) отражает упрощение *чьн* ≥ *ин*, но соответствующие примеры отмечены только в XV в. В начале слога и слова сочетания одинаковых по образованию согласных, возникших после утраты ⟨ъ, ь⟩, упрощаются также лишь в XV в.: *дѣстоканѣ* ≥ *стокан*, *дѣхорѣ* ≥ *хорѣ*, *Дѣбръньскѣ* ≥ *Брянск*, *пѣльрьцѣ* ≥ *перец*, *пѣтазѣ* ≥ *тазѣ* и т. д.; ср.: *достоканѣ* — *достокановымъ* в Моск. гр. 1509; *дѣхорѣ* в Полоцк. гр. 1498 и др.

Таким образом, морфологический характер самого процесса утраты редуцированных приводил на первых порах к сохранению морфемного единства на уровне словоформы, что дало большое число закрытых слогов. Возникло несоответствие между фонетическим (открытый слог) и морфологическим (открытый и закрытый слоги) типом членения. И в связи с утратой слогом всяких морфологических функций в конце концов побеждал фонетический закон восходящей звучности слога (следовательно, членение типа *со-тник*). Лишь после XIV в. начались выравнивания в слоговых границах, проходившие длительное время при наличии вариантности, связанной либо с удобствами фонетическими (тип слога), либо с потребностями морфонологическими (зависимость от ударения). Начиная с XV в. определять слоговую границу по текстам столь же трудно, как трудно ее определить и в современном произношении.

§ 75. Просодические признаки изменились очень существенно. Прежние интонационные различия на кратких согласных, осложненные количественными противопоставлениями, утрачиваясь, привели на фонемном уровне к качественным противопоставлениям гласных. Старые количественные противопоставления гласных также утратили свое значение, поэтому долгие гласные на фонемном уровне дали новые дифтонгоиды, например [e ≥ iel] (см. § 93). Интонация стала фразовым признаком и начала использоваться для противопоставления разных типов словосочетаний. Количественные варианты имели свое значение в пределах словоформы. В частности, в древнерусском языке после утраты ⟨ъ, ь⟩ возникла синтагматическая соотносительность долгот по отношению к ударному слогу: предударный долгий противопоставлен предударному краткому, заударный закрытый — заударному открытому (если они последние в слове), т. е. **zada'vatl* ≥ **zada'vati* ≥ **zadā'vat'*, но **vodo'vozъ* ≥ **vodo'vōs* с противопоставлением слогов *do* — *da* в предударном слоге и безразличным относительно просодических признаков употреблением ⟨о—а⟩ в остальных безударных слогах. Такое несовпадение позиций впоследствии привело к развитию аканья (см. § 99, 100).

Ударение же стало словесным, т. е. послужило морфонологическим средством соединения серии словоформ

в единое слово. Характеристики ударения стали грамматическими или лексическими, утратился их первоначально фонетический характер; началась серия морфологических выравниваний, в которых ударению принадлежала особая роль. После XIV в. словесное ударение также выходит за пределы интересов фонетиста как грамматическое средство языка.

В результате всех этих преобразований интонации (в словосочетании), ударения (в слове) и количества (в словоформе) в русском языке XIII—XVII вв. постепенно оформляется новая система вокализма и консонантизма. Последовательные этапы этих изменений рассмотрены в следующих главах. Действие праславянских структурных закономерностей прекращается. Возникают закрытые слоги, которые могут вступать в чередование с открытыми слогами (*нес* — *не-си*). Закон слогового сингармонизма также прекращает свое действие, потому что после падения редуцированных качество гласного связывается уже не только с предыдущим, но и с последующим согласным, необязательно в пределах одного фонетического слога, а это в некоторых случаях могло приводить и к фонемным изменениям (ср.: *нѣс* [нес] ≥ [n'ós] перед твердым согласным в закрытом слоге; см. § 90). Наконец, сложная просодическая система праславянского и древнерусского языков упростилась, приведя к особому развитию словесного ударения, а с этим связано окончательное освобождение гласных и согласных в пределах слога, фонемных и морфонемных единиц (ударения) и т. д. Основные изменения в структуре языка, связанные с утратой ⟨ъ, ь⟩, можно было бы в двух словах определить так: совершенствование парадигматической системы фонем за счет прежней синтагматической системы; праславянский язык вокалического строя становится русским языком, для которого система согласных фонем важнее системы вокализма.

ГЛАВА 4

Преобразование консонантной системы

Корреляция согласных по твердости — мягкости

§ 76. После утраты редуцированных образовалась позиция различения твердых и мягких согласных независимо от следующего гласного: *вер* [в'ёр] — *верь* [в'ёр'], *дан* [дан] — *дань* [дан'], *мат* [мат] — *мать* [мат'], *пыл* [пыл] — *пыль* [пыл']. Это имело последствия.

Во-первых, окончательно совместились прежде различавшиеся признаки палатальности ([л" < *l̥j]) и палатализованности ([л" < *l̥e]), став общим признаком в новой фонемной оппозиции. В результате этого фонетически любой согласный мог получить этот признак различения и, следовательно, включиться в коррелятивный ряд, построенный по признаку палатализованности. В говорах, развивших новую для русского языка оппозицию, происходило смещение среднеязычных <л", н", р", з", с"> в переднюю зону; в современном литературном языке эти согласные являются переднеязычными <л', н', р', з', с'>, хотя и осложнены дополнительной йотовой артикуляцией. В связи с этим стало возможным возвращение в систему <j>. Однако в северных русских говорах вплоть до недавнего времени сохранялись среднеязычные <л", н"> и др., отсутствовала фонема <j>, не развивалось противопоставление согласных по твердости — мягкости.

Во-вторых, распространение признака палатализованности привело к еще большему отходу консонантной системы от системы вокализма. После падения редуцированных обычными типами сочетания согласного с гласным были следующие:

[т'е] — нелабиальный палатализованный [т'], нелабиализованный передний [е]

[т'ѐ] — нелабиальный палатализованный [т'], нелабиализованный передний [ѐ]

[т'и] — нелабиальный палатализованный [т'], нелабиализованный передний [и]
 [то] — лабиальный непалатализованный [т], лабиализованный непередний [о]
 [ту] — лабиальный непалатализованный [т], лабиализованный непередний [у]
 [ты] — лабиальный непалатализованный [т], нелабиализованный непередний [ы]
 [та] — лабиальный непалатализованный [т], нелабиализованный непередний [а]
 [т'ʏ] — нелабиальный палатализованный [т'], лабиализованный непередний [ʏ]
 [т'ä] — нелабиальный палатализованный [т'], нелабиализованный непередний [ä]

Для большинства сочетаний признаки лабиальности (лабиовелярности) и ряда находятся в дополнительном распределении: отсутствие одного предполагает наличие другого, противоположного ему. В терминах акустической фонетики эти признаки можно было бы записать проще, объединив характеристику лабиовелярности согласного и лабиализованности гласного признаком бемольности, а палатализованность гласного и передний ряд гласного — признаком дизности; например: [то] — бемольный недиезный (слог в целом), [т'е] — дизный небемольный (слог в целом) и т. д., в таком случае [т'ʏ] — сочетание дизного небемольного согласного с бемольным недиезным гласным. Положительный признак, знак маркировки, связан здесь с бемольностью для гласного и с дизностью для согласного. Таким образом, положение перед некоторыми гласными закрепило создавшееся в конце слова противопоставление согласных по твердости — мягкости (дизности), в таком случае и во всех прочих возможных в языке сочетаниях фонем «согласный + гласный» дифференциальные признаки прежней syllabемы распределились таким же образом: прежний слоговой признак дизности закрепился за согласным, прежний слоговой признак бемольности — за гласным. По общему закону диахронической фонологии коррелятивные ряды гласных и согласных всегда строятся по максимально противоположным признакам, но признаки, более противоположные друг другу, чем палатализованность и лабиализованность, трудно себе представить. В русском языке образовалась корреляция согласных по твердости — мягкости и корреляция гласных по нелабиализованности — лабиализованности.

Основные свойства фонематической корреляции заключаются в том, что все коррелирующие пары фонем, противопоставленные друг другу по одному и тому же признаку, могут нейтрализовать этот признак в слабой позиции. В древнерусском языке корреляции по твердости — мягкости не было, потому что ни одно из условий корреляции не было соблюдено. После утраты ⟨ъ, ь⟩ также прошло некоторое время, пока большинство согласных усвоило общий признак различения: не среднеязычную артикуляцию, как у ⟨л", н"⟩, не двухфокусное образование, как у ⟨ж", ш"⟩, не дополнительную среднеязычную фрикацию, как у ⟨р"⟩, и никакой другой, фонетически сходный с палатализованностью признак, а именно палатализованность как основной и единственный признак новой корреляции.

В древнерусском языке совмещенность двух признаков в одной фонеме, например ⟨т—т'⟩ (непалатализованный лабиовеларный — палатализованный нелабиовеларный), препятствовала нейтрализации в слабой позиции, потому что это противопоставление эквиполентное, т. е. равнозначное по двум признакам. Нейтрализация только одного из признаков (возможная, например, у шипящих) не приводила к утрате противопоставления, потому что в этой позиции сохранялся другой, дополнительный признак противопоставления. Фонологизация единственного признака создавала условия нейтрализации, появились позиции неразличения в противопоставлении ⟨т—т'⟩. Уже из нашего перечня возможных сочетаний согласных с гласными видно, что первые три типа сочетаний ущербны по отношению к корреляции по твердости — мягкости. Если единственный признак различения, представленный в них, признак палатализованности (ряда), действительно закреплен за согласным, то, значит, в положении перед ⟨и, е, ё⟩ может быть употреблен только палатализованный согласный, а противопоставление ⟨т—т'⟩ нейтрализуется. Наоборот, в сочетаниях [ты, т'а] гласные вообще не имеют положительного признака, по отношению к данным корреляциям они ведут себя как фонологически «пустые» элементы. Они не имеют собственного признака различения, потому что признак ряда, выделявший их в предшествовавшей системе, теперь используется согласными для образования оппозиции по твердости — мягкости.

Вместе с тем ⟨у, а̋⟩ по всем остальным признакам сближаются с ⟨и, а⟩, так же как фонематически равны

и ⟨у, ӯ⟩. Произошло попарное слияние этих гласных в одну фонему, уменьшение числа возможных сочетаний и количества гласных фонем. Характер сочетаний определил такое слияние: поскольку признак ряда приняли для своих противопоставлений согласные, то гласные, различавшиеся только этим признаком, совпали в одной фонеме.

И парадигматически, и синтагматически слабой оказалась фонема ⟨ê⟩ — в средневерхнем ряду не было другой гласной фонемы, а перед ⟨ê⟩ согласные не противопоставлялись по твердости — мягкости. Слабой оказалась и фонема ⟨е⟩: парадигматически она противопоставлена ⟨о⟩ важным для системы признаком лабиализованности, но синтагматически отношение между ⟨о⟩ и ⟨е⟩ точно такое же, как и между ⟨и⟩ и ⟨ы⟩, ⟨а⟩ и ⟨ä⟩, которые стали оттенками одной фонемы. Все это обусловило последующие изменения фонем ⟨ê, е⟩ (см. § 90, 93), которые зависели от распределения слогов:

[t'e] — [t'ê] — [t'и] — [t'y] — [t'ä]
[to] — # — [ты] — [ту] — [та]

Позиция неразличения ⟨т⟩ и ⟨т'⟩ возможна только перед ⟨ê⟩ — здесь встречается только мягкий, постоянно мягкий, всегда мягкий согласный. Это структурное обстоятельство привело к тому, что именно перед ⟨ê⟩ и фонетически развивалась «наибольшая степень мягкости согласного»: всегда мягкий, согласный перед ⟨ê⟩ оказался особенно мягким. Впоследствии это способствовало выделению ⟨j⟩ в изменении [ê > iе] (см. § 93, 94). Но позицией нейтрализации положение ⟨т'⟩ перед ⟨ê⟩ назвать нельзя, поскольку в слабой позиции должен употребляться немаркированный член оппозиции, т. е. твердое ⟨т⟩, а в данном случае этого нет. Кроме того, сочетание ⟨т'ê⟩ сложилось исторически, когда система языка не имела еще возможности образовать сочетание типа *те* в результате каких-нибудь фонетических изменений. Поэтому положение ⟨т'⟩ перед ⟨ê⟩ является позиционным ограничением корреляции по твердости — мягкости, но не нейтрализацией по этому признаку.

Коррелятивная цепь возникла после падения редуцированных одновременно у всех восточнославянских языков, однако впоследствии она реализовалась неодинаково. В севернорусских говорах, где процесс вторичного смягчения полумягких прошел непоследовательно, раз-

ложение силлабемы на признаки согласного и гласного привело к прямо противоположному результату, т. е. там гласные сохранили противопоставление по ряду (поэтому [’ý, ’ã, ы] остались в системе вокализма), а согласные включились в противопоставление по лабиовелярности (губные и заднеязычные согласные противопоставлены всем прочим согласным), поэтому сохранились многие особенности архаичной древнерусской системы, например <л”, н”> и отсутствие <j>.

В украинских говорах, наоборот, начался было процесс, аналогичный русскому, но не дошел до конца, потому что в синтагматическом противопоставлении [т’е—то] гласные <о—е> не смогли выполнять одинаковой с [и—ы], [а—ã] функции различителей <т—т’>. В этих говорах мягкие и твердые согласные по-прежнему противопоставлялись только перед <а, у>, а так как перед другими гласными это противопоставление не осуществлялось, ф о н о л о г и ч е с к и всякий согласный перед прочими гласными стал осознаваться как твердый (даже если по происхождению он и был мягким). Произошло «отверждение» мягких согласных перед <е, и>: *семь* [сем], *сил* [сил]. Эта фонологическая тенденция действовала долго и в разных говорах по-разному. Общим было только то, что сначала отвердевали губные перед <е> (на этот этап указывают все украинские говоры), затем все прочие согласные и только после этого происходило отверждение перед <и>: последнее вызвано тем, что изменение [ê ≥ i] грозило совпадением новой фонемы со старой <i>.

В белорусском языке мягкие зубные развили даже новые аффрикаты: ср. <т’ ≥ ц’>, <д’ ≥ дз’> в *дзеці* ('дети'). Тем не менее самым последовательным противопоставлением корреляция по твердости — мягкости стала только в русском языке. В формировании этой корреляции важно: 1) образование слабых позиций (условия нейтрализации противопоставления по данному признаку) и 2) усиление коррелятивного ряда за счет новых фонемных пар.

§ 77. Ассимиляция согласных по твердости — мягкости довольно последовательно передается некоторыми рукописями с начала XIII в. Правда, и в более ранних (АЕ1092, ЮЕ1120, ДЕ1164) встречаются похожие написания, но они скорее связаны с передачей «новых» <ъ, ь> и обозначают межслоговой сингармонизм.

Невозможно привести весь материал, связанный с обозначением позиционной мягкости или твердости согласных; ограничимся только некоторыми примерами и укажем сочетания, представленные в больших по объему рукописях: ЖН1219, ГЕ1266, Пар.1271, РК1284, УКХІІІ, ПЕ1307, ПА1307, Лавр.1377, МПХІV и Пут.ХІІІ. Смягчение или отверждение согласного показано в этих рукописях либо написанием «новых» ⟨ъ, ь⟩, либо смешением букв, передающих этимологические ⟨ъ, ь⟩; ср.: *дъверь*, но *хърамъ* (на месте *двьрь*, *храмъ*), также *правъдоу* < *правьдоу* или *надъ идью* (*надъ идью*). Все прочие, менее надежные критерии определения фонетических ассимиляций не учитываются в установлении позиционных изменений.

Самой распространенной позицией смягчения является положение губного перед ⟨л', н', р'⟩, независимо от того, восходит ли сонорный к палатальному или нет, здесь встречаются сочетания *бъли*, *бълю*, *въли*, *вълю*, *въля*, *мъли*, *мълю*, *мъля*, *пъле*, *пъли*, *пълю*, *пъля*, довольно редко *бъне*, *бъре*, *върь*, *пърь*, *пъри*. Особенно много последних примеров в ПА1307: *пъ/ръже*; *пъ/риихъ* и др. В других рукописях с ХІІІ в., в МП ХІV, РК1284 и др. смягчения губных даже перед [л'] (*l* epentheticum) нет. Следовательно, смягчение губных перед ⟨л'⟩ есть сохранение исконной мягкости такого сочетания, восходящей к праславянскому языку. С фонологизацией признака твердости — мягкости к концу ХІІІ в. всякие следы смягчения губных исчезают (если в говоре губные не вступают в оппозицию по этому признаку, как в ПА1307). Более того, именно губные особенно упорно передаются как отвердевшие независимо от следующего согласного; ср.: *гнъвъливаго*, *даровъникъ*, *двъѣство*, *Евъгениа*, *исправъляють*, *отмъщаютъ*, *правъдоу*, *собърастъ* — в РК1284. Перед твердым согласным все источники указывают твердость губных, передавая это сочетаниями типа *бъра*, *бъроу*, *въста*, *мъмо*, *мъра* (смягчение ⟨ф⟩ зарегистрировано один раз: *ѡфърьмъ* в ПЕ1307).

Наоборот, зубные последовательно смягчались перед любым мягким и отвердевали перед любым твердым согласным; ср. обозначения типа *зъдъ*, *зьли*, *зьлю*, *сьли*, *сьти* и др., но *зѣда*, *сѣкы*, *сѣлоу*, *сѣно* для ⟨д, т, з, с, н, р⟩. Такое смягчение происходило и перед ⟨ј⟩ (ср.: *надъ идью* в УКХІІІ), на стыке слов (ср. *подъ снь* в ПА1307), на стыке морфем или в пределах одной морфемы (ср.

праведьникъ — дѣверемъ в ПА1307), при переносе на другую строку или в середине строки (ср. *исъти — исъ/те* в ПА1307). Ассимиляция по твердости — мягкости у зубных, и особенно перед зубными, носит абсолютный характер и, по-видимому, была фонетически обязательной. Даже новгородские источники, обычно не отражающие ассимиляции по твердости — мягкости, иногда передают *смягчение зубного перед палатальными* ⟨л, н⟩; ср. *замерьзѣли* в Бер.гр.ХІІІ. Смягчение ⟨ц⟩ отмечено один раз (*цѣ/вьтъцѣ* в ЖН1219), впоследствии подобные примеры не встречаются; более того, ⟨ц⟩ в ассимиляции выступает как твердый (перед ним возможно только отвердение мягкого), из чего можно заключить, что отвердение ⟨ц⟩ происходило немного позже ХІІІ в.

Заднеязычные ведут себя неоднозначно. С одной стороны, перед слогами *гъ, ги, ки, хи, хе* возможно смягчение зубных, но только ⟨н, р⟩, которые и сами по себе могли быть мягкими в подобных сочетаниях; ср. неопределенное по характеру *веръги*, которое можно транскрибировать и как [в'ер'г'и], особенно в рукописи ХІІІ в. С другой стороны, сами ⟨г, к, х⟩ в одних случаях обозначают смягчение, в других, наоборот, отвердение; ср. отражение определенной твердости ⟨г, к, х⟩: *двигъ/нися — хъ/рамъ, кървию — гърядоуще, лихъ/вы — изгъ/нилъ, приникъ/нетъ — навъкъноути*, в ЖН1219 и ПА1307. В РК1284 возможны отклонения, вынесенные, может быть, из южнославянского оригинала, ср.: *нигъ/де, оукъ/ръпнѣть, но прокъ/лѣть, окъ/леветание*. Достоверных примеров позиционного смягчения заднеязычных нет до ХV в.

Поскольку данные московских рукописей особенно важны, укажем на те закономерности позиционного смягчения, которые выявляются из московских грамот после ХV в. Безусловно сохраняется ассимиляция зубных (*двъсьте, Деменьтъя, изъвещать*), в том числе и перед ⟨j⟩ (*въ ево обьѣзде, съѣздоу*), но ассимиляции по твердости — мягкости у губных и заднеязычных еще нет и в рукописях ХVІІ в. (много примеров типа *Акѣсенъ, въместо, въсе, покупъки*), причем и ⟨ч'⟩ выступает в качестве твердого (*стряпъчей, съчетомъ* одинаково с результатом отвердения на стыке морфем). В Ав.ХVІІ позиционное смягчение также отражается только для зубных (позиционное отвердение распространяется и на

⟨р⟩: *горько*). На основании этого можно полагать, что старомосковское произношение XVII в. не выработало свойственного ему впоследствии обязательного смягчения согласного перед следующим мягким.

§ 78. Причин такой задержки в ассимиляции несколько. Первая связана с исходным распределением сочетаний. Заднеязычные и губные не варьировали перед суффиксами, в составе которых находились ⟨ъ, ь⟩, как это было у зубных; ср.: *сладъка* — *рьдъка*, но только *лапъка*, *макъка*. Редкие исключения типа *овъца* во внимание не принимаем, так как здесь условия для ассимиляции возникли только после отвердения ⟨ц'⟩ (первоначально [ов'ц'ă]). Таким образом, лишь ⟨д, т, з, с, л, н, р⟩ могли оказаться в морфологическом сочетании, в котором возникала возможность в з а и м н о й ассимиляции и к твердому, и к мягкому н а с т ы к е м о р ф е м, т. е. в фонологически важной позиции. Губные и заднеязычные могли бы только смягчаться, но это не вызывалось необходимостью морфологического чередования. Смягчение этих согласных было морфологически несущественно, поэтому оно задерживалось и не проявлялось в текстах.

Не произошло оно и в силу парадигматических отношений в системе. Если, например, ⟨т—т'⟩ после утраты ⟨ъ, ь⟩ противопоставлены друг другу только по одному признаку (непалатализованный — палатализованный), в оппозициях у губных ⟨п—п'⟩ или заднеязычных ⟨к—к'⟩ сохранялись оба признака: лабиализованный — непалатализованный и нелабиализованный — палатализованный. Хотя признак лабиовелярности утратил свое фонематическое значение в системе противопоставлений, фонетически он все еще проявлялся в характере сочетаний. Чтобы войти в позиционные ассимиляции, губные и заднеязычные должны были нейтрализовать в слабой позиции не один признак (как зубные согласные), а два, что в одной и той же позиции затруднительно: позиция нейтрализации для каждого нового признака всегда является другой.

Наконец, в абсолютно сильной позиции противопоставления по твердости — мягкости губные и заднеязычные либо вовсе не имели возможности для противопоставления, либо имели очень малую. В конце слова обычны т в е р д ы е ⟨б, п, в, ф, г, к, х⟩ в тех редких случаях, где после падения редуцированных возникли мягкие

губные (заднеязычные такой возможности вовсе не имели), они стремились к отвердению, особенно в изолированной позиции, т. е. опять-таки в морфологически несущественной позиции.

Раньше всего произошло отвердение конечного ⟨м'⟩ в ряде грамматических форм. В обозначении флексий творительного падежа единственного числа -омь и местного падежа единственного числа типа *тъмь* рукописи XII в. продолжают древнерусскую традицию: взаимное смешение форм творительного падежа единственного числа и дательного падежа множественного числа типа *столомь* — *столомъ*, но в северо-восточных рукописях показано только -мь (ЖН1219, Грамота Ивана Калиты 1328 г. и др.), в новгородских источниках изменение -мь > -мъ прослеживается с начала XII в. (ср. в Бер. гр.: *въ томъ*, *съ Лазъкъмъ*, *с нимо*, *съ хтмъ*), пергаменные новгородские грамоты отражают это изменение с XIII в. (ср.: *даромъ*, *томъ* в Гр.1269—1270; *въ коупцьскомъ*, *огородомъ* в ДК1270; колебания в МЕ1215). Даже в новгородских рукописях в обозначении этого явления до конца XIII в. отмечаются колебания в передаче конечного -мь: в СНІЛ583 раза -мь и 47 раз -мъ почти равномерно по всем почеркам (во втором больше всего -мъ — 32 раза). Когда процесс отвердения конечного ⟨м'⟩ затронул северо-восточные говоры, там также наблюдалась зависимость отвердения от характера основы. Позиционные колебания -мъ — -мь отражены, например, в ПЕ1354, ГЕ1357, Лавр.1377, к XV в. и в этих говорах отвердение конечного ⟨м'⟩ было завершено; в Дом.XVI находим только -мъ. В псковских рукописях результаты такого отвердения также отражены в конце XV в.

Отвердение конечного ⟨м'⟩ происходило быстрее, может быть, потому, что некоторые формы с ⟨м'⟩ были архаичными для языка; во всяком случае, уже ЕКХІІ отражает колебание *въмь* — *въмъ*, *имамъ* — *имамь*, а в СНІЛ и в Ип.1425 написания с -мъ обычны; в северо-восточных рукописях XIV в. этот процесс только начинается, но и тут возможна древнерусская дифференциация *имамъ* при *въмь* (в зависимости от характера основы).

В суффиксальных морфемах губные проявляются по-разному. В Грамоте Ивана Даниловича 1389 г. отражено отвердение их (*изъ Боровъска*, *московъских*, *островъ-*

ское), а новгородские и двинские упорно сохраняют ⟨ъ⟩.

Наиболее доказательны примеры отвердения конечного губного в проверяемой позиции (ср.: *мовь* — *мови*, *семь* — *семи*): мягкость конечного согласного поддерживается морфологически, мягкостью согласного во всей парадигме склонения. Отверждение согласного в этой позиции доказывает фонематическую его твердость; только северные рукописи дают такие примеры: *кровъ*, *любовъ*, *молвъъ та*, *семъ*, *семъдесятъ*, *штровъ* (и изолированные *доловъ*) в Ип.1425; *любовъ*, *церковъ* в КНІЛ; *мовъ* в НІVЛ; *кровъ* в ТНІЛ; *кровъ*, *любовъ*, *морковъ* в Дом.XVI. Таким образом, еще одна причина отсутствия позиционного смягчения губных заключается в том, что в большинстве говоров они были фонематически твердыми и потому не вступали в оппозицию по твердости — мягкости. Исключение составляли северо-восточные русские говоры, но здесь корреляция по этому признаку наблюдалась не ранее XV в.

Это связано с отсутствием слабых позиций, позиций неразличения ⟨м⟩ и ⟨м'⟩. Последовательность и четкость в противопоставлении зубных по твердости — мягкости определялись возможностью нейтрализации; ср.: *две* [д'в'е'] и *два* [два] с зависимостью ⟨д⟩ от последующего согласного. Являясь по происхождению фонетической ассимиляцией, эта особенность реализации фонем закрепила функциональную ценность самого противопоставления. Для того чтобы то же случилось у губных, требовалась серия предварительных изменений системного характера. Например, чтобы возникла ассимиляция *лапки* [лап'к'и] и *лапка* [лапка], необходимо было сначала получить м я г к и й заднеязычный согласный, что в древнерусском языке было принципиально невозможно. Такая возможность возникла только после некоторых изменений.

§ 79. Результатом образования коррелятивного ряда по признаку палатализации явились изменения согласных, прежде не имевших коррелятов по этому признаку. Система отношений

1	2	3	4
⟨л, н, р⟩...	⟨д, т, з, с⟩...	† †	⟨г, к, х⟩
⟨л', н', р'⟩...	⟨д', т', з'с'⟩...	⟨ж', ш'⟩	† † †
	5	6	
	† †	† †	
	⟨ц', ч'⟩	⟨ж', ш'⟩	

дает несколько преобразований, связанных с наличием пустых клеток (†) и характера маркировки по данному признаку.

Фонологизация палатализованности изменила признаки палатальных <л, н, р> и способствовала фонетическому изменению этих согласных. На севере сохранились <л", н">, поэтому особая «полумягкость» [л, н] также осталась, давая, между прочим, общерусские варианты даже на словообразовательном уровне; ср. колебания типа *междугородный* — *междугородний* в прежнем суффиксе -*ын*-. В остальных говорах и в литературном языке <л, н> повысили свою лабиовелярность, необходимую для более четкого противопоставления палатализованным <л, н>, отличаясь этим и от современных западноевропейских языков, и от северных русских говоров. Новый фонемный признак потребовал максимального отталкивания двух противопоставляемых согласных и на фонетическом уровне.

Палатальность <р> и в древнерусском языке не прослеживалась достаточно четко, может быть, потому, что палатальная артикуляция у дрожащего давала своеобразную фрикативность. Поэтому после утраты редуцированных наметилось несколько возможных изменений. Фрикация была устранена во всех русских говорах (она реализовалась в польском <ř>, чешском <ř> на месте <р">), но так как именно мягкая фрикация передавала здесь признак палатальности, ее устранение привело к изменению <р"> > <р>. С XV в. такое отверждение коснулось всех русских говоров, но в рукописях этот процесс отражается неравномерно. Особенно интенсивно он проходит на западе (псковские и смоленские рукописи XIV — XVI вв., материал которых подтверждается и современными говорами). Например, в псковских рукописях отражено отверждение <л", н"> и смешение <р", р>: *бранъ лютоу, ис Кольвана, исполноу это, конъ* ('конь'), *королъ, на осенъ, того дъла* ('для') и др., но: *дочеръ, невъръя Рурику, устрадавъ и вечерю* (дат. п. ед. ч. *вечеру*), *побаряюще* и т. д. В первом случае — позиционное совпадение <л"—л> <л>, <н"—н> <н>, во втором — безусловная утрата <р">. В XV в. отверждение <л", н"> в изолированной позиции отражают и более северные рукописи: *владыченъ, 10 городенъ* в КНИЛ; *одеренъ, саженъ* в двинских грамотах XV в.; *днденъ, отенъ* в Ип.1425 и т. д. Появляются многочисленные написания с пропуском <ь> после пала-

тальных <л, н> перед велярными типа <н, ш, г, к, х>: *болие, Ванка, (В)олга, волно, колоколна* (впоследствии дали варианты в суффиксальных; ср.: *безмужную, внишними, днешны* в БЗХVI). Все эти написания указывают на позиционную утрату палатальности <л, н>. Сложность фонологической интерпретации таких написаний, несмотря на их частотность, заключается в их непоследовательности. Она возникает от того, что в противопоставлении <л—л'> обе фонемы маркированы в древнерусском языке (лабиовелярный — палатальный), а условия для нейтрализации фонем, вступающих в эквиополентную оппозицию, возникают очень редко. В данном случае происходила нейтрализация признака ряда, перед лабиовелярными согласными <л', н'> становились велярными.

Результат рассмотренных отвердений сохранился в определенных фонетических условиях, особенно после губных и заднеязычных перед [i]. Совпадение этих двух условий (положение после лабиовелярных перед <ы, и>) оказалось настолько важным, что и новые заимствования отражали подобное отверждение, ср. старое произношение *принц[принц]*; в современном литературном языке остались слова с результатом изменения <р'>р): *грымза, крыж* ('крест'), *крыло, крыльцо, крынка, прыткий, хрыч*; в просторечии и говорах: *брыка* ('брюк-ва'), *брычка, гриб, грьднѧ* ('комната'), *грьня* ('светелка'), *грым* ('гром'), *капрызный, ковыряжа, крыга* ('плывущая льдина'), *крык, крычать, прытка* (<*притѣка* — 'причина'), *рыга, скрипи, скрипка* и др. — во всех случаях <ы<и>. Впервые по памятникам зарегистрированы: *крыло* в СНІЛ под 1230 г.; *крынки* ('источник, криница') в списке Хождения Даниила; *крычать* в Сл.ПИ; *крыльце* в Моск.гр.1589; *вскрычат, крычаще, на скрыжалех* в БЗХVI и т. д. Наоборот, после зубного согласного [ры>ри], ср. прасл. **tryzna*, что передается как *тризна* в И73, ПАХI, ГБХI, затем переносится при переписывании и в поздние списки (Лавр.1377), но в современном русском языке передается как *тризна*. В сочетаниях с <л, н> надежных примеров такого изменения нет, здесь это всегда сопровождается изменением по мягкости, и притом после XV в.; ср.: **slina, slizь*, которые в современном литературном языке дали *слюна, слизь*; как исключение в древнерусском языке можно указать *бловотины* в ЗХII при обычном *бльвотины* (возможна

аналогия *блюю*). Таким образом, разграничиваются синтагматические свойства ⟨р'⟩, с одной стороны, и ⟨л', н'⟩ — с другой. Их отверждение не происходило перед ⟨ё⟩, т. е. фактически перед ⟨j⟩ ($\text{I}\ddot{\text{e}} \geq \text{i}\ddot{\text{e}}\text{I}$). Впоследствии, после изменения ⟨ё>е⟩, позиционная мягкость ⟨р'⟩ смогла стать фонематической, и оппозиция ⟨р—р'⟩ пополнила коррелятивный ряд.

Как показано выше, взрывные зубные дали наиболее определенную и самую раннюю оппозицию по палатализованности, фрикативные ⟨з, с⟩ включались в эту корреляцию неравномерно по говорам. Если в центре русской территории это произошло довольно рано, на западе наметилось смешение с шипящими. Последние не имели парных по твердости согласных, поэтому в стремлении сохранить признак, остаться маркированными фонемами ⟨ж', ш'⟩ вступили в варьирование с ⟨з', с'⟩, с которыми они связаны и происхождением, и морфологическими чередованиями. Особенно интенсивно этот процесс отразили псковские рукописи XIV — XVI вв. (остатки его сохранились и в современных псковских говорах); но не только псковские, а вообще западнорусские: ср. ПА1307, ПЕ1307, ЛЕ1409, Ип.1425, некоторые смоленские источники. Древнейшие примеры смешения касаются только мягких (палатальных): ср. написания типа *горсее, мно-жехъ, поясъ* в А1309; *зълание, мысцью, отверже очи, поносенье, примышитися* и др. В XV в. (по данным Н. М. Каринского) ⟨з, с⟩ на месте ⟨ж, ш⟩ пишутся только перед твердыми согласными (*доздати, пусками, она присла, сла кровъ*), а ⟨ж, ш⟩ на месте ⟨з, с⟩ — только для ⟨з', с'⟩ перед мягкими согласными и перед гласными (см. выше). Таким образом, до отверждения шипящих указанное смешение букв могло иметь место и отражаться на письме. Однако уже ассимиляционное воздействие следующего твердого согласного приводило к безразличному смешению ⟨с⟩ и ⟨ш⟩ (ср.: *пуш"ка* $\geq$ *пус"ка* $\geq$ *пуска*), следовательно, к разрушению фонетических основ морфологического чередования; изменялись не ⟨ш' $\geq$ ш⟩, а позиционно ⟨с' (<ш') $\geq$ с⟩. Связано это, несомненно, с фонологизацией мягкости и устранением средненёбной артикуляции у ⟨з', с'⟩.

§ 80. Отверждение ⟨ж', ш'⟩ также обязано нивелирующему воздействию корреляции согласных по твердости — мягкости. Этот процесс проходил только в тех говорах, которые развили противопоставление согласных

по данному признаку; мягкие (и полумягкие, т. е. фонематически несущественные) ⟨ж, ш⟩ до сих пор сохранились в говорах, в которых данный коррелятивный ряд не развился в законченную систему.

Фонологически оказывается, что при отсутствии противопоставления по системному признаку имеются фонемы, маркированные по этому признаку, т. е. ⟨ж', ш'⟩. Возможны два изменения: заполнение пустой клетки и образование оппозиции по данному признаку или утрата признака палатальности у наличных фонем. Первое оказалось невозможным из-за отсутствия передненёбных велярных наряду с передненёбными палатальными ⟨ж, ш⟩. В западнорусских говорах в попытке выработать такое противопоставление ⟨ж'', ш''⟩ вторглись в сферу другой, только что создавшейся оппозиции; ср.: *нести* — *носки*, как [nos' — pos], *ношу* — *поношение*, как [poš' — poš''], с возможным переходом ⟨ш''>с^а), что приводит к разрушению морфологических структур, важных для языка. Фонетическое сходство ⟨ш'', с''⟩ и система противопоставлений (у ⟨ш''⟩ нет парного твердого) толкали к совпадению ⟨ш''⟩ и ⟨с''⟩, но для верхних уровней языка подобное совпадение было нежелательно из-за функциональных смещений, возникающих в связи с этим. В результате ⟨ж'', ш''⟩ утрачивают нерелевантный для них признак (шипящие отвердевают), ибо при отсутствии противопоставления по какому-то признаку соответствующая фонема обязательно должна быть немаркированной по этому признаку: он избыточен.

Об отвердении шипящих по рукописям можно судить на основании написания ⟨у, ы, ъ⟩ после ⟨ж, ш⟩ (на месте *шя, шю* и др.). Северные рукописи никак не отражают отверждения шипящих; оно не отражается и в московских рукописях до конца XIV в. (в ГЕ1357, МЕ1358, Лавр. 1377, в последней, впрочем, есть *жылами*), но появляется в Гр. 1371 (*межы*), Гр. 1389 (*держыть, жывите, княжы, служыти, шышкина*). Более многочисленны примеры в северо-восточных грамотах XV — XVI вв., но в разных источниках процесс отверждения шипящих отражен различно. Некоторые рукописи показывают сохранение мягких ⟨ж, ш⟩ перед передними гласными (также и в сочетаниях *жьн, шьн*) еще и в XVI в.; согласно другим отверждению подлежит только ⟨ж⟩, а ⟨ш⟩ сохраняет свою мягкость до XVII в. Одновременное употребление таких написаний, как *жажду* — *жажю* в БЗХVI,

показывает, что выравнивание по твердому типу склонения (что основано на отвердении шипящих) происходило не в одно время для русских и церковнославянских слов, но что само отверждение как фонетический процесс к этому времени уже завершилось (ср. в той же рукописи *ещо, лицомъ, старицю, чюжо* и др.). В русском языке сохранилось много слов, которые не отражают перехода <е>о> в положении перед <ш'> (*головешка, дешево*, как и *горшечек*, доказывают мягкость <ш, ч>, по крайней мере, до XVI в.), но таких слов нет для <ж>. Довольно много написаний с *жы, шы* появляется с XVII в., но для исторической фонетики они уже не имеют значения: к этому времени сформировалась письменная норма нового церковнославянского языка, согласно которой ряд грамматических форм дифференцировался как раз наличием <ы> или <и> после шипящих и <ц>; ср. формы мужского рода *мужъ, надежъ* и женского рода *ложь, ночь* (также в кратких формах типа *тощъ* или причастия *творящъ* для мужского рода), *мужи* (местн. п. ед. ч., им. п. мн. ч.) — *мужы* (вин. и тв. п. мн. ч.), *нищимъ* (тв. п. ед. ч.) — *нищымъ* (дат. п. мн. ч.) и т. д. Писцы использовали на письме оба знака. Тем не менее и церковнославянская норма учитывала, что <ц> всегда твердое (пишется *цы, цѣ*), а <ч> — всегда мягкое (*чѣ, чи*). Следовательно, норма была основана на реальном московском произношении, как оно сложилось к середине XVII в. К этому времени отверждение шипящих и <ц> завершилось во всех южнорусских говорах.

§ 81. При отсутствии противопоставления по признаку мягкости заднеязычные могли бы сохранить исконную твердость, так как они не были маркированы по новому признаку. В большинстве русских говоров это и случилось. Однако после утраты <ъ, ь> стали возможны сочетания заднеязычных не только с <ы>, но и с <и>, отсутствие грамматической противопоставленности [ки—кы] и утрата признака ряда в противопоставлении гласных привели к осознанию этого сочетания как сочетания фонем <к> с <и>. Поэтому и на письме старые сочетания *гы, кы, хы* все чаще стали передавать как *ги, ки, хи*, ведь на письме обычно передается не фонетическое звучание, а фонематическое различие функционально важных единиц.

В северных говорах сочетания *ги, ки, хи* были возможны и в древнерусский период, поэтому, например,

в берестяных грамотах написания с *гы, кы, хы* встречаются только в церковном тексте (ср.: *не моги, но паки*). В церковных текстах такие сочетания передаются с ⟨и⟩ только в заимствованных словах; ср. УКХІІІ, ПЕХІІІ, Пр.1383, где при последовательных написаниях с ⟨ы⟩ находим слова *епархии, къ келіи, Люкии, хижа* и др. В этом отражается разделение на «свое» и «чужое», точка зрения церковника, следующего сложившейся норме. Писцы СНІЛ также предпочитают написания с *гы, кы, хы*, но всегда пишут *Кіевъ*; даже в списках «Русской правды» до XV в. последовательно выдерживаются архаические написания, хотя уже в древнейшем списке этого текста (в НК1282) имеются и написания с *ги, ки*. В условиях фонематической безразличности сочетаний [кы—ки] сохраняется только стилистическое их разграничение в текстах разного жанра и содержания.

Заднеязычные входили также в морфонологические чередования типа *рука — руцѣ*; они становились невозможными в связи с отвердением ⟨ц⟩ в положении перед ⟨е⟩. Фонетическое чередование ⟨к—к'⟩ в сочетаниях с ⟨ы, и⟩ было использовано при морфонологических выравниваниях в основах слов; ср.: *рука — рукѣ = руку — руки*. В северных источниках никаких изменений, естественно, нет, в других говорах выравнивание основ отражается с XV в. (ср.: *въ великѣ полку, въ ляхнѣхъ* в Ип.1425). К этому времени процесс смягчения заднеязычных должен был завершиться, иначе оставалось бы неясным, почему именно ⟨к⟩ может заменить ⟨ц⟩ в столь важном чередовании (может быть мягким перед ⟨е⟩ в отличие от отвердевшего ⟨ц⟩).

Первые примеры замен *гы, кы, хы* на *ги, ки, хи* обнаруживаются на юге в XII в.: *великии, киихѣ* в ЮЕ1120; *въскисе, никии, секира* в ДЕ1164; на западе с XIII в.: *кнѣгини, лихи, ризкии* в Гр.1229; на северо-востоке с XIV в. (ПЕ1354, ГЕ1357, МЕ1358, Лавр.1377). Южно-русские (украинские) рукописи отражают смягчение ⟨к⟩, но не ⟨г, х⟩; видимо, качество согласных (фрикация) на первых порах препятствовало смягчению. В русских рукописях смягчение не происходило достаточно долго, если сочетание *кы* не вступало в морфологическое чередование с мягким слогом; ср.: *вышкывати — искати* в Лавр.1377; *опухываше — опухати* в Пал.1406.

§ 82. Падение ⟨ъ, ь⟩ привело также к изменению аффрикат. Возникла новая позиция с ⟨ц⟩, например

на стыке морфем: *двенадцать* [дв'енац'ат'], *садиться* [сад'иц'а] и др. Это были функционально важные и весьма частотные позиции, началось вытеснение <ч'> в некоторых позициях в северных говорах. Смешение <ч> и <ц> в рукописях до начала XII в. (М95, М96, М97, С1156, ЕКХII) сменяется обычным употреблением <ц>, что указывает на развитие современного севернорусского цоканья.

В основной массе русских говоров аффрикаты попадают под нивелирующее воздействие мягкостной корреляции. Поскольку аффрикаты маркированы по данному признаку (они мягкие по происхождению), а твердых аффрикат в системе нет, в целях усиления их оппозиции происходит обобщение наиболее универсального для новой системы признака палатализованности. Прежнее противопоставление <ц"—ч"> по месту образования сменилось противопоставлением по твердости — мягкости. Естественным результатом этого явилось отверждение одного из коррелятов: зубного, а не нёбного. Новая оппозиция фонетически проявляется как противопоставление мягкого <ч> твердому <ц>. Если утрата маркировки у шипящих не привела к противопоставлению твердым и потому завершилась быстро, то у аффрикат необходимо было сначала устранить палатальность (как у <л", н">) и только затем длительным позиционным варьированием убрать палатализованность у <ц'> (как у <ж', ш'>). В формировании оппозиции <ц—ч'> было, таким образом, два «фонологических шага», поэтому и само изменение завершилось лишь к XVI в.: в рукописях отверждение <ц> отмечается позже отверждения <ж, ш>. Выше показано, что даже в новой орфографической норме, не говоря уж о произношении, <ч'> — всегда мягкая, а <ц> — всегда твердая аффриката: это наиболее важные фонемные признаки данных фонем в противопоставлении их друг другу. Именно поэтому в морфологических выравниваниях, которые всегда связаны с наиболее существенными фонемными признаками, <ц> ведет себя как твердый согласный (*отцов — столов*), а <ч'> — как мягкий (*мечей — костей*); <ж, ш> дают колебания по говорам (*ножов — ножей*), что объясняется избыточностью данного признака для <ж, ш>.

§ 83. Позже всего завершилось преобразование сочтаний [ш'ч', ж'дж'], которые и в древнерусском языке являлись фонологически неустойчивыми. Новая морфо-

логическая граница слова, возникшая в результате утраты ⟨ъ, ь⟩, увеличила число возможных сочетаний, фонетически сходных с [ш'ч', ж'дж']; ср.: *везъ же* ≥ *вез же* [в'о́ж'—ж'е], *въз шьлѣ* ≥ *взшел* [вош'—ш'о́л]. Это определенно привело к окончательному распадению праславянских аффрикат на фонемные сочетания; только в некоторых корневых морфемах эти аффрикаты еще могли сохранять фонемный статус, но и они подвергались всем фонетическим упрощениям, характерным для данных сочетаний; ср.:

<i>рожгение, дожгъ</i> —	⟨ž'g'⟩	} [ž'd'ž']
<i>рож (ж) ение, дож (ж) —</i>	⟨ž'ž'⟩	
<i>рожчение, дожчь (дошъ) —</i>	⟨ž'č'⟩	
<i>рошетъ, шюка —</i>	⟨š'j'⟩	} [š't's']
<i>рошетъ, щюка —</i>	⟨š's'⟩	
<i>рошотъ, рошшотъ, шшюка —</i>	⟨šš'⟩	

(Примеры расхождений по древнерусским говорам приведены в § 38.) Возможны разнообразные фонетические вариации в изменении этих аффрикат. Например, в Мудр. XVII написание *щ* вместо *ш* встречается только при палатальных ⟨л, н⟩: *выщли, к бащни, прищли, промышляйте* (но *емлешъ, ношъ, рекоша* и др.). Это, конечно, отражает позиционное смягчение ⟨ш ≥ ш'⟩ ([ш'ш']). Если это верно, то возможно и обратное, т. е. позиционное отверждение [ш'ш'] сначала в определенных условиях. В вологодском БЗХVI более ста примеров смещения ⟨ш⟩ и ⟨щ⟩, передающих утрату смычки в соседстве со взрывным (*вотше* < *вотище*) и сохранение мягкости на стыке морфем (*вышща* вместо *высша*, т. е. [выш'ш'a]); ср. здесь и передачу ⟨ш'⟩ на конце слова (*пустощь* вместо *пустошь*). В серпуховской Пч.1623 характер замен показывает сохранение [ш'ш'] в корне и ассимиляцию в [ш'ч'] на стыке морфем, что проясняет причину первоначальных несовпадений этих фонетически сходных сочетаний.

С фонологической точки зрения задержка в изменении этих двух сочетаний объясняется необходимостью пройти три «фонологических шага»: сократиться за счет устранения взрывного элемента, произвести морфологическое деление на две фонемы и, наконец, войти в корреляцию по твердости — мягкости (последнее наблюдается с XVIII в.). В говорах этот процесс достиг конечной стадии развития, там отвердели оба сочетания (*дрожжи* [дрож-

жы], *щуки* [шшуки]), а в литературном языке отвердели только звонкие (Идрѣжы], но [ш'ч'ѹк'и] или [ш'ш'ѹк'и]). Длительное сохранение мягкости у [ш'ш', ж'ж'] поддерживалось той самой необходимостью включиться в корреляцию по мягкости, которой подчинена вся система консонантизма. Краткие шипящие противопоставлены долгим шипящим, как твердые мягким, — именно поэтому мягкость [ш'ш', ж'ж'] сохранялась столь долго.

В результате всех описанных изменений в большинстве русских говоров к XVII в. окончательно сложился новый коррелятивный ряд:

⟨л⟩	⟨н⟩	⟨р⟩	⟨д⟩	⟨т⟩	⟨з⟩	⟨с⟩	⟨м⟩	⟨б⟩	⟨п⟩	⟨в⟩	⟨ф⟩
⟨л'⟩	⟨н'⟩	⟨р'⟩	⟨д'⟩	⟨т'⟩	⟨з'⟩	⟨с'⟩	⟨м'⟩	⟨б'⟩	⟨п'⟩	⟨в'⟩	⟨ф'⟩
⟨г⟩	⟨к⟩	⟨х⟩	⟨ц⟩	⟨ж⟩	⟨ш⟩	Ѡ					
⟨г'⟩	⟨к'⟩	⟨х'⟩	⟨ч'⟩	⟨ж'⟩	⟨ш'⟩	⟨ј⟩					

Корреляция согласных по звонкости — глухости

§ 84. Самые древние примеры позиционного изменения согласных связаны с сочетаниями, в составе которых прежде находились изолированные ⟨ъ, ь⟩. Написания *гдѣ* < *къдѣ*, *здѣсь* < *съдѣсь*, *здравѣ* < *сѣдравѣ*, *пчела* < *бѣчела* и др. появились сравнительно рано, хотя и не сразу как норма. Северные рукописи сохраняли первоначальное выравнивание согласных в границах словоформы и морфемы; ср.: *ктѣ* в псковской части СЕХІІ, *стороѵи*, *стороѵѣ* (в СНІЛ в ХІІІ в. употребление 10 раз, в ХІѲ в. только *здорови* или *сѣдрави*). Любопытно также сохранение русск. *пчела* при укр. *бджола* — впоследствии в русском языке также обычным стало озвончение. Написания типа *тчерь*, *тищерь*, *тици* также обычны в рукописях до ХѲ в., когда после стабилизации нового (русского) ударения смогли появиться акцентовки *дѣчь* < *дѣчи*, *дѣчери* < *дѣчѣре*. Таким образом, первой попыткой выйти из фонетического затруднения стало параллельное изменению [з > с] уподобление звонкого согласного глухому: в древнерусском языке префиксы типа *вѣз-*, *роз-*, дали варианты *вѣс-*, *рос-* перед следующим глухим согласным, но префикс *с-* < *съ-* не озвончался перед следующим звонким в сочетаниях типа *сѣдамѣ* > *здамѣ* (примеры такого рода отмечены только с ХѲ в.). Результатом изменения всех морфологически

изолированных звонких согласных также стало оглушение конечных звонких, отмечаемое с XIII в.: ср. наречие *отиноуть* < *отинждь* в Пс.1296, Леств.1334 и др. вплоть до XVI в. В заимствованных словах передать подобное оглушение согласных легче из-за отсутствия письменной традиции, поэтому раньше всего мы и встречаем примеры типа *калантѣ* < *каландѣ* в НК1282; германские имена *Берняртѣ*, *Дегяртѣ*, *Конратѣ* в Смол.гр.1229. Подобные заимствования интересны, потому что показывают, что не н а п р я ж е н н ы й германский [d] русские в XIII в. передают г л у х и м [t]; это указывало бы на то, что у восточных славян к тому времени уже оформлялось противопоставление по звонкости — глухости.

Однако собственно позиционные изменения согласных, определяемые новым строением слога, начались после падения редуцированных, тогда все слоги без исключения должны были подвергнуться действию фонетической ассимиляции.

На всей территории Древней Руси с XIII в. отражается озвончение согласных в середине слова (считая и префикс); ср.: *въздравии*, *дважды*, *зблють*, *многожды*, *свадьба* в УКXIII; *гдѣ*, *негдѣ* в ЖН1219; *здравѣ* в Пр. 1262; *здоровѣ* в Бер. гр. XIII; *зде* в Гр. 1229; *збора*, *збудетсѣ*, *здѣла*, *здрава* в ПЕ1307. В приписках к рукописям ЮЕ1120, ГЕ1144, ДЕ1164, Е1283, ПЕ1307 пишется *кде*, и только писцы Лавр.1377, Пр.1383 в своих приписках употребляют новую форму *гдѣ*.

Оглушение звонких в середине слова отражается позже, затрагивая только ⟨з⟩ (иногда и ⟨ж⟩); ср. ГЕ1357, МЕ1358, Пр.1383, ПСХIV, новгородские и двинские грамоты до конца XV в., где возможны написания *вездѣ*, *збираю*, *згонѣ*, *з горы*, *здравы* — и *дерѣськии*, *испѣють*, *оуськии*, *чернорисцю* (на месте *дерѣзькии*, *изпѣють*, *оузѣькии*); ср. также: *исторѣшкоу* в Моск.гр.1362—1374; *въ Торѣшкоу* в Новг.гр.1372; *желѣсковѣ слободке* в Моск.гр.1389 и т. д. Преобладающее смешение ⟨з, с⟩ как результат ассимиляции по звонкости — глухости только у фрикативных наблюдается и в более поздних рукописях. Возможно, что орфографически это связано с известной еще старославянским рукописям ассимиляцией [з ≥ с] перед глухим: *бес(с)мѣха*. На этой основе создалось своеобразное правило письма: написание *безцѣны* и произношение *бесцѣны* контаминировались в

орфографическом варианте *безс*; ср.: *безсмѣха* (= *безмѣха*) в ВЕХVI; *безспорока*, *безсцѣны*, *мерзско*, *обезсчестен* в Дом.ХVI и др. Такие написания вошли в старопечатные московские книги ХVII в. Но первоначально, по мнению Л. Л. Васильева, это явление представляло собой фонетическую контаминацию, отраженную в рукописях до ХVI в. (типа *оузѣская врата* на месте *оузѣкая*). Это возможно при условии, что на начальных этапах развития ассимиляции происходило изменение [з > сс] (удвоение глухих на месте звонкого), т. е. разложение звонкого как этап перехода к противопоставлению по новому признаку. Необходимо учесть, что написания *мерзѣская*, *оузѣская* вовсе не являлись орфографическим подражанием суффиксальным с -ѣск. Именно в суффиксах -ѣск, -ѣств редуцированный фонетически сохранялся особенно долго, до ХIV в., почему и ассимиляция согласных могла происходить здесь не ранее ХV в. В современных северных говорах произношение *дерев'ен'ский*, *крестьян'ский* показывает, что отверждение [н'] задерживалось благодаря длительному сохранению полугласного ⟨ь⟩ в этом суффиксе.

Другие согласные вступают в ассимиляцию позже и не на всей территории; ср. оглушение взрывных: *в пятое на тчать лѣт* (= *на дцать*), *ишетие*, *шетие* в ЕХIV; *воевоѣство*, *в порупѣ*, *дулѣньскихѣ*, *паропци*, *повести* ('повезти') в Лавр.1377 (фрикативные оглушаются чаще); *вопче* ('вообще'), *сопча* ('сообща'), в Гр.1395. Новгородские берестяные грамоты до конца ХIV в. отражают только ассимиляцию [з—с]: *з берестомѣ*, *з братомѣ*, *здѣсе*, *здоровѣ*, *з дядею*, *исполовницу*. В берестяных грамотах с начала ХV в. находим оглушение в середине слова: *во потклѣтъ*, *лотку*, *на жерепцѣ*, *со желутковымѣ*, *тадби* (= *татѣба*), *тадбу*, также *буѣ тамо ся* вместо *буди тамо*, что не отражает оглушения согласного в данной позиции, поскольку речь идет об устранении изолированного ⟨и⟩.

В ХV в. такие формы становятся обычными для всех типов согласных, но одновременно с тем появляются и примеры оглушения звонких на конце слова: *дожѣтъ*, *кунопѣ* (= *кунобѣ*), *серпѣ* в Ип.1425; *мятешиѣ*, *ношиѣ* ('нож'), *Олекѣ* в НIVЛ.

Изучая процесс в отдельном говоре, всегда можно установить известную последовательность: сначала происходит озвончение глухих перед звонкими, затем оглу-

шение звонких перед глухими, в последнюю очередь — оглушение звонких на конце слова. Например, в грамотах, написанных вблизи Волоколамска, оглушение и озвончение в середине слова отражается с XVI в., а оглушение звонких в конце слова — с конца XVII в. Северные рукописи вообще не указывают оглушения конечных звонких, и это согласуется с современными диалектными данными (позиция полувзвонких согласных). Таким образом, оглушение конечных согласных происходило позже всего, и дело здесь не в том, что писец имел возможность «проверить» написание конечного *ж* в *ножь* косвенной формой слова (*ножа* — *ножу*). Напротив, в ряде случаев мы встречаем звонкий согласный на месте исконного глухого, если такая замена диктуется общей системой грамматических отношений. Например, в изолированной позиции конца слова старые формы предлога *чрес*, *чересъ* по типу других предлогов (*без*, *воз*, *из*, *роз*) нефонетически обобщают новый вариант *чрез*(ъ), *через* (впервые *черезъ* фиксируется в западно-русской Гр.1341). Предлог *поперегъ* часто пишется таким образом в русских рукописях XVI—XVIII вв. (впервые отмечен в юго-западной Гр.1340), по-видимому, по ложной этимологии с *поперегнути* (на месте исконного *попверкъ*). Следовательно, когда-то такие формы грамматически важных слов были не только «письменными», но отражали процесс фонематической унификации грамматических форм после утраты редуцированных; возникла неопределенность в реализации ⟨з—с⟩ в такой именно позиции.

§ 85. Зависимость отражения ассимиляций от орфографических норм вообще преувеличивается в объяснении данного явления. Примером тому служит следующий тип орфографических отклонений, представленных в древнерусских рукописях.

С XI в. северные рукописи дают написания с глухим вместо звонкого перед сонорным и гласным, т. е. в фонематически сильной и орфографически опорной позиции; ср.: *савистивааго* в ПаХІ; *патога* (= *батогы*) в М95; *сѣтоущаѣми* в С1156; *поздъ ше бывъшю* в МЕ1215; *вълоша* (= *въложа*) в Муз.ХІІ; *проопразоуи* в М95. С конца XII в. появляются обратные написания, но также предпочтительно для фрикативных: *оурѣжи* (= *урѣши*) в ПаХІ; *слоужа* (= *слоуша*) в С1156; *Завке* (= *Савке*) в Х1192; *запогу* в Пант.ХІІ; *цвѣта гласьнаго* в УСХІІ.

Впоследствии такие написания распространяются на все типы согласных; ср. глухие перед гласными и сонантами: *кость* (вместо *гость*) в СНІЛ; *во оусницы, оутвершае*, *площицы* в ПНХІV; *пезъ осуженья* в Окт.ХІV; *неготоваши* в Е1393; *колуби* в ЕХІV; *крядъте, то того дне сноио* в ПСХІV; *на Трубеиъ* (=на трубежъ) в НІVЛ; *рыба прutowая* в Дом.ХVІ; *кникы, продаху* в Ип.1425; *ветро* ('ведро'), *отръ* (=одръ), *свѣтомъ* (=свѣдомо), *хотяща по морю* в ВЕХVІ; написания типа *напрезь, от перезы, опладае, опроку, пратъ мои* в псковских и новгородских рукописях XV—XVI вв.; звонкие на месте глухих гораздо реже: *слоужая, требетъ и оужасъ*, в Ев.ХІV; *горы възгражся, яко бысокъ* в АХІV; *волокида, кобустное* в Дом.ХVІ; *во гласе* ('в колосе'), *во грамине, глебъ* ('хлеб'), *земень* ('семян') в ВЕХVІ с возможными колебаниями в одной рукописи типа *драгль — драхлоу, оувязли — оувясли*.

Все эти источники (кроме УСХІІ, но *гласъ* вместо *класъ* пишется и в других рукописях) — северные. Фонетический характер подобных написаний удостоверяется современным севернорусским произношением, особенно в диалектных словах, которые не представляются в литературном языке: *белудок* вместо *белуток* ('белок'), *выколяться* вместо *выголяться*, *килѣк* вместо *гилѣк* ('умывальник'), *конобатить* вместо *конопатить*, *подоблека* вместо *подоплека* ('подкладка в верхней части рубахи'), *пуздой гот* ('неурожайный год'), *сверобой* вместо *зверобой* ('трава'), *шадость* вместо *шатость* ('неустойчивость') и др. Можно было бы предполагать влияние финских языков, которые не знают противопоставления глухих согласных звонким, однако в таком случае мы ожидали бы безразличного смешения глухих со звонкими независимо от каких-либо фонетических условий. У нас же нет примеров озвончения глухих перед глухими, кроме нескольких знаменательных написаний с XIV в.: *порозыша* в ПНХІV; *възnezъше* в Пр.1356; *Олегъся* в НСХІV; в обширных текстах новгородских Кабальных книг находим всего два характерных примера: *да з своими* (Бежецк, 1594), *принезъцеловальникъ* (Обонежье, 1595) — перед зубными согласными. Все это — попытки разграничить два фрикативных согласных одинакового по образованию типа на стыке морфем (слов).

Фонетическое объяснение этих написаний может быть только одно: перед гласными и сонорными согласными

признак голоса у шумных согласных оказывался избыточным, поэтому в морфологически непроверяемой (изолированной) позиции писец мог смешивать буквы глухих и звонких согласных. Нейтрализация по этому признаку осуществлялась сначала у фрикативных (XI — XIII вв.), затем и у взрывных (XIV в.); при этом [г, к, х] подвергаются изменениям так же рано, как и фрикативные согласные.

В XVII — XVIII вв. в восточных русских говорах начинается широкое развитие корреляции согласных по звонкости — глухости, и на письме это находит принципиально другое отражение. Приведем примеры из бытовых документов той эпохи (Безобр.).

Грамоты, написанные в Москве, Чебоксарах, Арзамасе, по р. Оке, в опорной (сильной) позиции употребляют написания: *ветомости, гочет, долхо, з живодами, лботок, отноконешна, отному, петуга* ('петуха'), *полие недели, рободник, у Тмитрия, Чепоксары, шкоты и убытки* (=шкоды) и др.; в нефонетических проверяемых: *бадка* ('бастька'), *вьдаеж ты* ('ведаешь'), *водише* (=вотще), *добудеж таких, забуд писанием, пожалуеж изволиж напомнить*; в фонетических проверяемых: *дарок нет, лет государь на прудах* ('лѣд'), *путь был* ('пуд'); в фонетических непроверяемых: *вет не твои* ('ведь'), *не даишот Ярославля, не забут насъ* и др. Фонетические написания дают только оглушение, нефонетические — только озвончение. Возможность проверки сильной формой не имеет значения, поскольку и в опорной позиции встречается взаимное смещение глухого согласного со звонким. Ср. в московских грамотах XVII в.: *Глатков, исвоицики, катку, на правом поку, не снаетъ, подьтъячеи, по отну сторону, послетнева, ретко, скаски, хваса* ('кваса'), *шупку; двои судтки, дозшатое, под ызподом, полтора бирога, труд с огнем* ('трут'). Непроверяемых написаний нет, и это лучше всего подтверждает независимость подобного рода ошибок от орфографических правил.

Отличие от севернорусских данных, в том числе и более ранних по времени, заключается в том, что московские говоры отражают уже результат позиционного оглушения звонких (*бадка* < *бастька*, *шупку* < *шубъку*) и по-разному передают одно изменение — перераспределение гласности в границах нового консонантного сочетания. Первое соответствует современному литературному произношению, второе кажется странным, так как

не соответствует современному произношению. Можно было бы считать их ошибками писца, возникшими в результате его сверхстарательности. Однако такое же смешение глухих и звонких обнаруживается и в сильной позиции, и это снимает предположение о простой ошибке. По всей вероятности, в этих написаниях отражается неопределенность в реализации сходных согласных в то время, когда противопоставление согласных по звонкости — глухости еще окончательно не сформировалось, сдавало некоторые отклонения в речи.

§ 86. Таким образом, после падения редуцированных с XIII в. происходило озвончение глухих согласных в середине слова на всей территории; оглушение в середине слова регистрируется с конца XIV в., в конце слов — с XV в. (широко — с XVI в.) и только в некоторых памятниках с конца XIV в. (Лавр.1377). В консонантном сочетании ассимилируется тот согласный, для которого признак различения был несущественным, следовательно, раннее озвончение глухих при отсутствии оглушения звонких отражает результат нейтрализации по признаку, важному только для глухих согласных; ср.:

<i>избыти</i> ≥ <i>избыти</i>	но:	<i>ръдѣко</i> ≥ <i>ръдко</i>
<i>изпоусти</i> ≥ <i>испоусти</i>		<i>сватѣба</i> ≥ <i>свадба</i>
<i>сѣблѹеть</i> ≥ <i>зблѹеть</i>		
<i>сѣпоудѣ</i> ≥ <i>споудѣ</i>		

У фрикативных позиционное распределение в зависимости от следующего согласного завершилось рано, **в з а и м н а я** ассимиляция по звонкости — глухости показывает, что пары [з—с] (также [ж—ш, г—х]) противопоставлены по этому признаку еще до утраты редуцированных. У взрывных же происходит односторонняя нейтрализация в сторону звонкого; следовательно, противопоставление проходило по признаку, которым маркирован был глухой согласный (по напряженности). Как проявлялась эта нейтрализация фонетически, мы не знаем; возможно, что глухие были полувзрывными, по крайней мере, некоторое время. Через два столетия началась новая нейтрализация, уже по общему с фрикативными согласными признаку: [д, т^а > т].

Оглушение звонкого в конце слова, в позиции, независимой от гласного, начинается после развития ассимиляции согласных по глухости, но по своему результату совпадает с такой ассимиляцией, в системе появляются

все новые и новые позиции неразличения типов гласных по новому для системы признаку. В XVII в. отмечается общее стремление более или менее грамотных писцов к «озвончению»: оно порицается, преследуется и устраняется как грубая ошибка, не связанная, как можно на основании этого полагать, с произношением. Зато «оглушение» представлено многими примерами, некоторые написания становятся даже орфографической нормой (как в свое время стали нормой постоянно звонкие *здѣ*, *здоров*); ср. *скаска*, *уско*; *вдругорят*, *веть*, *осетроф*, *слатко* и под., в том числе и *слатокъ* при *сладокъ* в Авв. XVII. Выравнивание в написании морфемы идет по слабой форме, с глухим согласным даже и в сильной позиции.

Из этого следуют два вывода, важных для реконструкции древнерусской исходной системы консонантизма.

Два этапа нейтрализации, сначала в пользу звонкого [д], затем в пользу глухого [т], теоретически следует связывать с противопоставлением по двум признакам. Следовательно, оппозиции [б—п = г—к = д—т] строились не как привативные (по одному признаку), а как эквивалентные (равнозначные): в этом противопоставлении [т] был маркирован по признаку напряженности, а [д] — по признаку голоса. Фрикативные согласные, включившись в праславянскую систему, ввели в нее ряд шумных с единственным признаком противопоставления — признаком голоса. Вообще в древнерусском языке (что характерно и для праславянского) привативных оппозиций было мало, потому что мало, в сущности, было самих согласных фонем. Только падение редуцированных и увеличение количества согласных после вторичного смягчения создали условия для образования привативных оппозиций как типичных и в системном отношении самых четких противопоставлений фонем попарно. Как и в случае с корреляцией по мягкости, корреляция по голосу образовалась не сразу, а в результате постепенного распространения общего для максимального числа согласных различительного признака; это происходило на протяжении XIII — XIV вв. и к XV в. завершилось в большинстве русских говоров. Корреляция не реализовалась последовательно только там, где и корреляция согласных по твердости — мягкости не сформировалась последовательно.

Второй вывод и связан с этим обстоятельством: обе корреляции в русском языке развивались параллельно,

более того, корреляция по твердости — мягкости не могла бы сформироваться столь последовательно, если бы одновременно с тем согласные не освободились от признака напряженности (артикуляционно-акустически он очень близок к признаку палатализованности, и фонетически они могли бы смешиваться).

§ 87. С падением редуцированных возникла о б щ а я д л я в с е х с о г л а с н ы х позиция, свободная от влияния последующего гласного или согласного, — в конце слова. Если в середине слова ассимиляции по твердости — мягкости и звонкости — глухости могли не совпадать позиционно, то в конце слова они пересекаются обязательно; ср.:

I		II	
<i>топъ</i>	[п]	<i>лъзъ</i>	[з]
<i>топъ</i>	[п']	<i>лъзи</i>	[з']
<i>любъ, голубъ</i>	[б', л]	<i>лъсъ</i>	[с]
<i>лубъ, грибъ</i>	[б, л']	<i>лъси</i>	[с']

Как и в случае выбора между двумя признаками палатации или двумя признаками звонкости (голос или напряженность), перед синтагматической системой снова возникает проблема выбора: ориентироваться на признак твердости — мягкости, который к этому времени уже стал признаком корреляции, либо на признак напряженности в его исходном виде, потому что корреляция по звонкости — глухости в этот момент еще только складывалась.

В первом случае происходило оглушение конечного звонкого: [топ] — [топ'], но и [голуп'], [грип]. Признак, различающий [б—п], менее важен для системы, в которой противопоставление по твердости — мягкости развивалось еще до утраты редуцированных, происходит нейтрализация по признаку голоса (напряженности). Во II столбце приведены примеры с гласными полного образования, которые тем не менее редуцировались или вообще утратились, подобно слабым ⟨ъ, ь⟩ (повелительная форма *лъзи* ≥ *лезъ*), либо были заменены другими гласными во флексии (им. п. мн. ч. *лъси* ≥ *лсы* или *лса*). Последнее существенно. Оказывается, именно в конце слова две маркировки по сходному признаку (и мягкий, и глухой в *лъси*) наименее допустимы, вплоть до того, что синтагматическая система стремится к устранению гласного полного образования, чтобы убрать и маркировку по

мягкости (заменить глухое [с] звонким [з] невозможно в положении перед гласным в *льси*). Данный процесс характерен для большинства русских говоров, впоследствии и в русском литературном языке произошли морфологические выравнивания; например, развитие флексии *-а* в *льса* связано с утратой маркировки по палатализованности в данной форме (*льси*).

Вторая возможность реализовалась в севернорусских говорах, там, где вторичное смягчение не было завершено и корреляция по палатализованности не завершилась как системный процесс. Еще и современные говоры показывают, что совмещение вариантов I типа дало пары [топ] — [топ] и [голуб] — [гриб], особенно резко противопоставленные для заднеязычных и губных, поскольку эти согласные сохраняли также фонетическую лабиовелярность. Тем не менее в конечных слогах с гласными полного образования подобное изменение не происходило, более того, в этих говорах возникло влияние мягкого склонения на твердое (что хорошо известно по курсу исторической морфологии русского языка). Некоторые современные среднерусские говоры отражают оба этапа изменения, давая совпадение конечных согласных в глухом и твердом звуке (т. е. [топ] — [топ], [голуп] — [грип]). Но это результат очень позднего изменения: уже одно то, что происходит оно в среднерусских говорах, доказывает его вторичность (эти говоры совмещают в своей системе особенности северных и южных говоров). С исторической точки зрения это важно, потому что подтверждает сделанный выше вывод: сначала нейтрализация происходила только по одному смежному признаку, нейтрализация в одной позиции никогда в одно и то же время не охватывает более одного признака различия.

Ассимиляция по напряженности началась еще до падения редуцированных в слогах с изолированными ⟨ъ, ь⟩ (отражается в примерах типа *кть, пчела, сторови, тчерь*: сохраняется признак напряженности, но нейтрализуется признак голоса). Ассимиляция по палатализованности в таких случаях неизвестна, потому что ей предшествует этап межслоговой ассимиляции гласных, т. е. *бъчела* ≥ *бчела* (*отъ бчелъ сътъ*) в ОЕ1056; *бчела* в древнерусском переводе Жития Феодора Студийского (Выг. XII). Следовательно, на севере выбор синтагматического изменения впоследствии определился этой исход-

ной системой распределения. Но во всех русских говорах корреляция по звонкости — глухости происходила позже преобразований согласных палатального ряда.

§ 88. Кроме синтагматических происходили также парадигматические изменения согласных, связанные с формированием новой корреляции. В систему вошла новая фонема ⟨ф⟩, которая видоизменила фонетическое качество парной ей фонемы ⟨в⟩; происходило дальнейшее преобразование глайдов, они включились в общий консонантный ряд, окончательно утратив все признаки полугласности.

Это определялось направлением выравнивания по звонкости — глухости; коль скоро эта корреляция образовалась, все большее число согласных включалось в этот системный ряд. Фонологизация признака голоса заключалась в том, что на месте прежних, материально (фонетически) близких противопоставлений по напряженности и голосу (⟨д—т⟩), по голосу (⟨з—с⟩), по вокальности и голосу (⟨т—н⟩), по вокальности (⟨н—р⟩) приходит единый по своим основаниям признак голоса (звонкость — глухость). В корреляцию

⟨б⟩	⟨б'⟩	⟨д⟩	⟨д'⟩	⟨з⟩	⟨з'⟩	⟨г⟩	⟨г'⟩	⟨ж⟩	⟨в⟩
⟨п⟩	⟨п'⟩	⟨т⟩	⟨т'⟩	⟨с⟩	⟨с'⟩	⟨к⟩	⟨к'⟩	⟨ш⟩	⟨ф⟩
⟨л⟩	⟨н⟩	⟨р⟩	⟨м⟩	⟨н⟩	⟨ј⟩	⌘	⌘	⌘	⌘
⌘	⌘	⌘	⌘	⌘	⌘	⟨х'⟩	⟨х⟩	⟨ц⟩	⟨ч'⟩

разные говоры включали различные типы согласных. Поскольку эти процессы изучаются в курсе диалектологии, ограничимся только указанием на то, что в говорах постепенно образуется противопоставление фонем ⟨j—x'⟩ или ⟨j—γ'⟩, ⟨в—ф⟩ или ⟨в—х⟩, у аффрикат могут появляться звонкие пары [ц—дз] или [ч'—дж'], даже в литературном языке возможно факультативное оглушение звонких [л, м, н, р] (в конце слова после глухого: *вепрь* [в'епр'], *вихрь* [в'ихр'] и т.д.), что доказывает их переход в разряд шумных. Только результатами своих чередований эти согласные напоминают о происхождении из глайдов; ср. различие звонких и глухих согласных перед ними: *пламя* — *благо*, *правый* — *бравый* и т.д. Такое различие восходит еще к тому времени, когда противопоставление согласных по напряженности происходило перед гласным, несмотря на глайд, который находился между

шумным и гласным. Теперь бывший глайд может оказаться и перед шумным согласным, тогда возникает колебание: ассимиляция по голосу факультативно возможна, но не всегда происходит. Ср. на стыке слов: *от ржи* [од ржы], *под ржавчиной* [пад ржав]чиной и [от ршы], [пат ршав]чиной — в первом случае озвончение [д] определяется наличием полугласного [ə] в консонантном сочетании *рж*, во втором — происходит оглушение [ж ≥ ш]. Сначала полугласность глайдов сохранялась, но произошло разложение их на фонетические «шумность + гласность», новый признак системы выделился как линейный, самостоятельный в синтагматическом отношении признак в виде единицы (как и ⟨в⟩ в *восемь* < *осмь*), т. е. *вихрь* [в'ихэр'], *рубль* [руб'эл'], *льна* [эл'на], *ржи* [эрж'и] и т. д., в говорах и в рукописях отражаются как *вихорь*, *рубель*, *ильна* (*альна*), *иржи* (*аржи*). В этот период прежние глайды, находясь уже среди шумных в парадигматической системе фонем, синтагматически еще сохраняли (в говорах сохраняют) признаки глайдов. Только на втором этапе, с появлением глухих вариантов (типа [в'ихр'] [р'] произносится почти как [х'р'х']) преобразование заканчивается и на синтагматическом уровне.

§ 89. Общерусским является только образование оппозиции ⟨в—ф⟩ с включением в систему фонемы ⟨ф⟩.

С конца XIII в. встречаются примеры смещения ⟨у⟩ и ⟨в⟩ в некоторых фонетических позициях. До этого можно найти только смещения типа *въгодѣнъ* — *оугодѣнъ*, *въпрашаа* — *оупрашаа*, *оуспѣная* — *въспѣная*, возможные и в старославянских памятниках, но они представляют собой либо слова с разными приставками, либо являются результатом ложной этимологии (*въспѣная* по аналогии с *въсь*).

Однако чередование префиксов *въ-/оу-* явилось тем стимулирующим фактором, который впоследствии, с началом изменения ⟨ц⟩, дал возможность передать такое чередование именно в начале слова. Фонетическое изменение поддерживалось морфологическими ассоциациями, вот почему в начале слова писцы свободно заменяли *въ-* на *оу-*, и наоборот.

Одностороннюю замену *въ-* на *оу-* перед согласными находим в западнорусских источниках с XIII в.; ср. Смол.гр.1229, а также некоторые почерки тех рукописей, которые связаны с западнорусской традицией письма: *въ уторок*, *но оусрѣте*, *оусретоша* как результат сме-

шения с приставкой *въ-* во 2-м почерке СНІЛ; *оудовица*, *оукушь* ('вкусать'), *сѣоупрошается* в СЕ1340; *оу словѣхъ*, *оу строкахъ* (в записи) в Пант.1317; *оувели*, *оу Тотъмъ*, *уторникъ* в НК1282. Новгородские и северо-восточные рукописи надежных примеров такого смешения не дают, тогда как в псковских источниках оно очень часто, здесь появляется и *оувъ* на месте *въ* в положении перед гласным: *бѣше оув Орешка*, *оу града оув Опоки* в ПІЛ; *оув Ондръяна оув Ондокъи*, *оув осоки*, *оув ыных* в НІVЛ. Такие же примеры отмечены в грамотах. Их можно объяснить только тем, что полугласное ⟨в⟩ (⟨ѹ⟩) по своему качеству было близко к ⟨у⟩, и в некоторых фонетических условиях противопоставление их могло нейтрализоваться (утрата взрыва перед согласным). На то же качество ⟨ѹ⟩ указывают и некоторые двинские грамоты XV в., в которых хотя смешение префиксов *въ-* и *оу-* является в з а и м н ы м, но обусловлено фонетически: *оу-* перед согласным, *въ-* перед гласным или сонантом; ср.: *в Обросима*, *в Ъванове*, *оу Бориса* и *в Ондръя*, *оу дву путинехъ оу глухомъ*, *у Феодора* и *в Ларивонова*. На почве смешения морфем *въ-* и *оу-* отражается позиционное распределение ⟨у—ѹ⟩, но полугласность ⟨ѹ⟩ еще сохраняется.

Частое смешение *въ-* с *оу-* независимо от следующего звука представлено в южнорусских рукописях и в галицко-волинских источниках. В ДЕ1164 еще нет таких смешений, в ГЕ1266 их уже около 250, ср. также ПА1307, ПЕ1307, ЛЕХІV, 3-й почерк Ип.1425, в которых это явление представлено часто. Перед гласным [в] здесь передается сочетанием *въвъ* (как в ПЕ1307: *въволтарь*, *въвоѡчи*), а возникавшее на стыке предлога и корня зияние перед [о] заполнялось тем же [в]: *за воовыца* в ГЕ1266; *о одежахъ воовчихъ* в ГЕ1266, ПЕ1307. Зависимость вставочного [в] от следующего лабиализованного [о] в обоих случаях очевидна и показывает близость [в] к взрывным согласным (в отличие от фрикативности [в] в псковских источниках того же времени: передается сочетанием *оувъ*).

Выделение протетического [в] перед лабиализованными [о, ѡ, у] как косвенное доказательство состоявшегося изменения ⟨ѹ ≥ в⟩ характерно и для восточных рукописей; ср.: *в вогнь*, *возми водръ*, *вотъ* ('от') в ПЕ1354; *Вольга*, *ворду*, *вото* в Лавр.1377; *въ вогнь* в ЕС1377, *въ ворду* в Грамоте Ив. Калиты 1328 г. К этому же времени относится и выделение [в] перед начальным [о] в таких

словах, как *вобла, вольха, восемь, вотчина*; ср.: *вотчинъ* в Гр.1353; *въ вудъль* в Гр.1389; *съ вольхъ* в Гр.1540. Станным в этом случае выглядит написание *въ вадъ* ('в ад') в ЕС1377 — перед [а]. Но такое же написание *въ ваде* в РК1284, и, как и последнее, оно может быть вынесено из галицко-волинского оригинала (там *въвъ* пишется вместо *въ* перед гласным).

Имеются и другие указания на происходившее в XIII — XIV вв. изменение <ц> ≥ <в>. Прежде всего, это опущение [в] в положении перед [о, у]: *батьстоу, при-
детельсто, стареишиньстужть*, также *прозвоутерьста* в РК1284. В Лавр. 1377 таких примеров более сорока: *възратися, (дань) ноуу* ('нову'), *жиоуть, жиоуще,
зооуть, ожиоуть, по пилатооу* (писанию), *протиоу* и др. Сама возможность осознать традиционную букву *в* как эквивалент другого типа согласного, чем [в], произносимый перед гласным, показывает, что до этого буква *в* обозначала фонему <ц>. Для передачи губно-зубного [в] на первых порах не было особого знака, приходилось находить способ передачи его, отсюда и смешения букв.

Фрикативность <ц> в момент изменения в <в> могла приводить к смешению с близкими фрикативными — звонкими [γ, j]. Лексикализованные остатки этого переходного произношения встречаются в рукописях. Ср. [j] (или фрикативный фарингальный [hl]) ≥ [vl]: в форме родительного падежа единственного числа *земново серебра* в Гр. 1391—1426; *ничево* в Гр.1400; *правово* в Гр.1445; *волостново, монастырсково, сево, ставленово* в Гр.1471; *великово* в Гр.1490; *своево* в Ип.1425; также *повосты* ('погосты') в Лавр.1377 (под 947 г.); <jy ≥ въ> в форме творительного падежа единственного числа: *совлечеса гръховною одежевъ* в Лавр. 1377; *с пошловъ землю* в Гр.1425—1462; *своевъ дочьрю* в Гр.1459; *совьюсковъ дорогою* в Гр.1600.

Определенность грамматической формы, в которой отражено то или иное изменение (орфографическая замена), не мешает признать его фонетическим, но только в непроверяемой грамматической флексии (изолированная позиция) оно действительно могло быть скорее всего замечено и передано на письме. Так и в современных говорах старые падежные формы *долови, домови* с непроверяемым косвенными формами составом фонем в исходе слова, став наречиями, по-разному изменились на севере

(редукция безударного гласного, т. е. *долов*, *домов* или сохранение исходной формы) и на юге (после утраты редуцированных конечный гласный фонетически пересекается с [j], откуда современные *долой*, *домой*). В южнорусских говорах, относительно недавно осваивавших зубную артикуляцию у [v], еще в прошлом веке записывали произношение типа *высееки* [высейки], *девки* [дейки], *обувка* [обуйка]. Фонологизация ⟨йк⟩ на месте ⟨вк⟩ — следствие изменения ⟨ц ≥ в⟩ и сохранения сонантом своих дифференциальных признаков в этой позиции. Изменение ⟨ц ≥ в⟩ — это переход сонорного в шумный, с чем связано и изменение губной артикуляции в губно-зубную. В русском языке как остаток прежней сонорности ⟨ц⟩ сохранилось различие звонких и глухих согласных перед ⟨в⟩: *без вас* — *с вами*.

Так как примеры замены [γ, j] на [v] извлечены только из ростово-суздальских рукописей, можно говорить о том, что в северо-восточной Руси XIV—XV вв. происходила замена губной артикуляции [v] на губно-зубную. Фонематическим основанием этого изменения явилось установление корреляции к новой фонеме ⟨ф⟩.

Впоследствии аналогичное изменение началось и в северных говорах (примеры с XVI в.), однако большинству русских говоров оно не знакомо. Диалектологи описывают различные этапы его еще и в современных говорах, следовательно, наличие фонемы ⟨ф⟩ в таких диалектных системах является спорным.

Действительно, ⟨ф⟩ входит только в те диалектные системы, которые осуществили переход ⟨ц ≥ в⟩. Первоначально основной функцией ⟨ф⟩ было заполнить ту клетку парадигматической системы, которая по образовании корреляции звонкие — глухие оставалась пустой (в пару к ⟨в⟩ — ⟨ц⟩). Эта клетка могла быть заполнена и фрикативным ⟨х⟩; ср. данные современных архаических говоров и рукописные источники XIV в.: *градъ Назарехъ* вместо *Назарефъ* из гр. *Nadzaret* в E107 (⟨х⟩ — ближайший эквивалент ⟨ф⟩, единственный фрикативный глухой, да и к тому же не противопоставленный по признаку звонкости — глухости в большинстве говоров). П. С. Кузнецов обратил внимание на то, что в древнерусском языке заимствованные из греческого имена женского рода входят в тип **i*-основ (*Роуфъ*, *Юдифъ*), а имена мужского рода в тип **o*-основ (*Голиафъ*, *Сифъ*). Произошло такое распределение после падения редуци-

рованных (в рукописях до XIII в. происходит смешение *Иоудифа*, *Иоудифъ* и т. п.). Но само морфологическое распределение одного и того же для греческого языка звука между твердыми и мягкими основами показывает, что в древнерусском языке <ф—ф'> включались в новую оппозицию по твердости — мягкости, противопоставляясь в сильной для нее позиции: [с'иф] — [руф']. Длительность совмещения <ц> с <ф> объясняется тем, что сонант должен был выработать и оппозицию по твердости — мягкости, которой у него сначала не было.

Кроме грамматического имеется еще лексический критерий фонологизации <ф>. Целый ряд заимствованных слов становится фактом собственно русской лексики, если в произношении с <ф> проникают в бытовую речь. Некоторые слова такого типа считаются даже лексическими русизмами в границах древнеславянского литературного языка: *фарь* 'породистый' конь' из гр. *fārēs* в Ип. 1425 (в текстах под 1150, 1219 гг.); *фerezъ* 'верхняя одежда' из гр. *foresía* с XV в. до сих пор с <ф> представлено в северных говорах, в которых оппозиция <в—ф> еще не сформировалась (заимствование из других русских говоров); *фота* 'покрывало' из арабск. *futa* ('передник') в «Хождении Афанасия Никитина...» также известно всем русским говорам из междialeктного «культурного» языка и т. д. Эти слова ассимилируются первоначально в галицко-волинских и ростово-суздальских говорах, а затем распространяются по всей Руси.

Таким образом, оппозиция <ф—ф'> оказывала свое воздействие на изменения <ц> (новая оппозиция <в—в'>) первоначально в северо-восточных говорах. Включение этих пар в общую оппозицию по звонкости — глухости завершается после XV в. Другие изменения фонем по данному фонемному признаку, как сказано, остались собственно диалектными, но и они происходили под внутренним давлением вновь сложившейся парадигматической системы.

Преобразование системы вокализма

Изменение гласных <е> и <о>

§ 90. Изменение <е> > о> связано с параллельными изменениями <у> > у, <ы> > и, <а> > а> и происходило только в говорах с одной ступенью мягкости согласных, т. е. в тех говорах, которые развивали противопоставление по твердости — мягкости. Однако и ранние древнерусские источники, и северные рукописи также отражают изменение <е> > о>, хотя указанных типологических условий ни древнерусские, ни севернорусские говоры в средние века не имели. Следует объяснить, почему за одними и теми же графическими обозначениями скрываются различные фонетические изменения.

Изменение <е> > о> задано всей суммой предшествующих фонемных преобразований. Морфологической причиной такого совпадения стало выравнивание парадигм, возникшее после вторичного смягчения согласных и падежня редуцированных: ср. формы творительного падежа единственного числа *столѣмъ* — *конѣмъ* > *столом* — *кон'ем* с общим морфологическим значением флексии (-ом/-ем), равным прочим членам падежной системы, т. е. равным <а—'а>, <у—'у> в [стола] — [кон'а], [столу] — [кон'у] и т. д. Аналогична общность функции при фонетическом различии и в прочих грамматических формах (дат. п. мн. ч. *столом* — *кон'ем*, местн. п. мн. ч. *сынох* — *пут'ех*), также в суффиксах (*легоныко* — *синенько*, *логоватый* — *синеватый*, *сынов* — *отцев*, *широк* — *горек*), в некоторых случаях получая даже новое морфологическое назначение. Так, в связи с формированием грамматической оппозиции женский род — неженский род происходит своеобразное перераспределение новых (возникших морфологически) беглых <о, е>: в формах женского рода <е> (*башен*, *земель*, *капель*, *сосен* < *сосон*), в словах мужского рода <о> (*вихор*, *локоть*, *огонь*) с

возможным колебанием в мужском роде (*ветер*). Новая система морфонологических чередований в принципе повторяет то, что было в праиндоевропейском, а затем и в общеславянском языках; ср. чередование корневых $\langle o/e \rangle$ в *брести* — *бродити*, *вести* — *водити*, *нести* — *носити* с возможной нулевой ступенью чередования в *моръ* — *мерети* — *мъроу*. Поэтому новые чередования типа *башен*, *огонь* с нулевой ступенью в *башня*, *огня* только накладывались на старый морфологический тип, никак не разрушая прежней системы.

В праславянском языке после палатальных согласных $\langle o \rangle$ изменялось в $\langle e \rangle$: *моръ* < **māriās*. В древнерусских текстах встречается много греческих слов в славянской транскрипции; например, в сочинении «Речь тонкословия греческого» по списку XIII в. сочетание $\langle j \rangle$ или палатального с $\langle o \rangle$ передается единственно возможным у восточных славян до XIII в. $\langle e \rangle$; ср.: *Иваиефорос* < *hē baiōfōros* ('плод пальмовой ветви'), *Илиес* < *hēlios* ('солнце'), *пріени* < *proiōni* и т. д. После палатального может быть только $\langle e \rangle$, всякое появление в этой позиции $\langle o \leq e \rangle$ следует рассматривать как отражение какого-то морфонологического изменения.

Еще до утраты $\langle ь, ъ \rangle$ возникло позиционное варьирование $\langle ь—ъ \rangle$, которое в связи с изменением $\langle ь, ъ \rangle$ в $\langle o, e \rangle$ естественно вошло в чередование $\langle o/e \rangle$; ср.: *зьръти* — *възъръ* $\geq$ *зръти* — *възъръ* $\geq$ *зрю* — *взор* с чередованием $\langle \#/o \rangle$, совершенно не соответствующим исконному чередованию в корневой морфеме. На фонетическом этапе падения редуцированных изменения $\langle e \rangle$ в предшествующем слоге происходили в зависимости от качества следующего редуцированного. В украинском языке (южнорусском) $\langle e \geq ь \rangle$ перед $\langle ь \rangle$, но $\langle e \geq o \rangle$ перед $\langle ь \rangle$ (последнее по говорам отражается непоследовательно): *щъсть* < *шесть*, но *шолъ* < *шьлъ*. В севернорусских (новгородских) говорах то же касается $\langle ь \rangle$ (отчасти и $\langle e \rangle$): *звьръти* < *звьрьи*, *творъць* < *творьць*, но *днотъ* < *дньть* ('тот день'), *яромъ* < *яремъ*. Так создается зависимость $\langle e \geq o \rangle$ от следующего твердого согласного, поскольку позднее, с утратой $\langle ь \rangle$ в сочетаниях типа *тъ*, произошло освобождение $\langle т \rangle$ от влияния последующего гласного. С конца XV в. никакой зависимости от характера исчезнувших $\langle ь, ъ \rangle$ мы не видим, изменение вступило в новую стадию: важен последующий согласный (твердый — нетвердый),

а также ударение. Включение в процесс такого регулирующего все синтагматические изменения фактора, как ударение, показывает, что началась уже фонемная стадия изменения $\langle e \geq o \rangle$.

§ 91. Действительно, древнерусские источники хронологически делятся на три группы. Древнейшие из них, до конца XIII в., отражают переход $\langle e \geq o \rangle$ только после шипящих и $\langle ц \rangle$, независимо от ударения или следующего согласного; обычно это формы причастия или имени, в которых сочетания *же*, *ше* и т. д. встречаются часто: ср. написания типа *ащо*, *большомъ*, *въроующоу*, *врачовъ*, *жо* ('же'), *извольшомъ*, *княжо*, *крыщонъ*, *свъръшонъ*, *творыщоу*, *хотыщооу*, *шедшо* в И73, ХАХII, ЧСХII, Выг. XII, ЯПХII, РК1284, Еп. XIII, ПЕ1307, в грамотах до XIII в. Не все примеры замены $\langle e \rangle$ на $\langle o \rangle$ одинаково показательны; в частности, *тотради*, *тотрать* в УКХIII наряду с известным др.-русс. *татрать* заставляют думать о древнерусском произношении *тотрадъ* в этом заимствовании из гр. *tetrádi* $\langle on \rangle$. В новгородской Мин. XI находим *стълпъ* *неприклононъ*, *четворочисльнъ*, которые, если не являются описками, также связаны либо с возможным чередованием $\langle e/o \rangle$, либо с графическим смещением букв. Ненадежные примеры встречаются и в более поздних рукописях; ср. *възмотъ* в ПЕ1354 — может быть, также описка.

Во всех прочих примерах четко обозначена замена $\langle e \rangle$ на $\langle o \rangle$ после палатальных. Это могло быть связано с отверждением шипящих и $\langle ц \rangle$, как и случилось в южнославянских говорах; в таком случае это влияние церковнославянского произношения. При таком толковании неясно, почему украинский язык, менее всего связанный с церковнославянским произношением, сохраняет именно эту стадию изменения $\langle e \geq o \rangle$. А. А. Шахматов объяснял написания *жонъ* < *женъ* «переходом» $[ж'е \geq ж'о]$ (что «подтолкнуло» сочетания с полумягким в типе $[t'e]$ на вторичное смягчение), не зависящее еще, естественно, от следующего слога. Это объяснение соотносится с тем распределением фонемных признаков между гласным и согласным в слоге, которое создалось после вторичного смягчения полумягких: после палатальных утрачивалось противопоставление по ряду, а противопоставление по лабиализованности у гласных еще не оформилось парадигматически. Так оказываются возможными написания

жо<же (ходящому <ходящему) по типу то, тому. Никакого изменения <е>о на этом этапе еще нет, синтагматическое же изменение передается на письме последовательно и допускает варианты.

По существу, такое положение сохранялось до конца XIV в., потому что использовать букву о для обозначения <о> после мягкого согласного затруднительно: одновременно это указывало бы и на отвердение предшествующего согласного, как в *нобо* [н'обо], чего на самом деле в произношении не было. Дольше всего это изменение сохранялось в северо-восточных говорах, в ростово-суздальских рукописях находим лишь написания *жонъ*, *лжомъ*, *одежою*, *рожное*, *шодъ* (ПЕ1354, ГЕ1357, МЕ1358, Лавр.1377, грамоты XIV—XV вв.). Причина изменения <е>о в северо-восточных говорах была другая, чем в южных и западных говорах.

На западе и севере в основном продолжала действовать древнерусская тенденция, с тем лишь отличием, что теперь переход <е>о распространился на любой с т а в ш и й палатальный согласный. Ср. в берестяных грамотах: *з беростомъ*, *к номоу*, *нобо* ('небо'); с конца XIV в.: *зелоного*, *людомъ*, *перостави*, *рубловъ*, *Стопана*, *Терохъ*, *украдони от ного*, *цетворты*, *шестора*, одновременно с тем сохраняется передача старых сочетаний *жонку*, *цолобитъе*, *цоловькъ* и др. после шипящих и <ц>; в рукописях: *дновъ* и *дновъ* в НК1282; *яромъ* в Пр. 1356; *на сомъ Поморьи*, *по сому* в Гр. 1392; *за моромъ*, *землою*, *озоро*, *пузыровъ*, *роубловъ*, *с притеробы* в двинских грамотах XV в.; *берогъ*, *ворстъ*, *вынослъ*, *Селивостра*, *четвортому* в НІVЛ; *дньотъ* (= *днь тъ*) в НЕ1270. В псковских рукописях с конца XIV в. таких примеров особенно много: *берозозолъ*, *дъло со*, *емоу возносьишюся*, *ловъ* ('лев'), *разорона* в Пр. 1383; *коворъ*, *проносъише* в Ип. 1425 (но чаще старый тип: *пришодъ*, *сторожовъ* и т. д.). Иногда трудно объяснить написания типа *смеродъ*: отражают ли они изменение <е>о или отверждение [r] ([см'ер'од]).

В юго-западных (украинских) источниках к концу XIV в. уже встречаются написания типа *грошювъ*, *по нюмъ*, *чтюнъ* (= *чтенъ*), *щюдръ*, указывающие на дифтонгизацию <о<е> в новозакрытом слоге. На севере же переход <е>о остается синтагматическим изменением, т. е. результатом столкновения предшествующего палатального и последующего лабиовелярного, что

сохраняет древнерусскую нейтрализацию <е—о> по ряду, так как лабиализованностью — нелабиализованностью они по-прежнему не отличаются. До сих пор в архаических говорах Севера сохраняется изменение <е≥о> и ёканье наблюдается только после <л, н, р, ј>, иногда после <в, з, с>, так же как и в новгородских рукописях до XVII в. Перед лабиовелярным согласным <е> получает позиционную лабиовеляризацию, становится передним лабиовеляризованным [e^o]: ср. [t'ě^oтка] — [t'ět'a] с аллофонным варьированием по признаку, не важному в данной системе для гласных.

§ 92. В основной массе русских говоров, и в первую очередь в ростово-суздальских, с конца XV в. изменение <е≥о> охватывает сочетания со всеми типами согласных; в курских, рязанских, калужских, тульских, нижегородских, костромских грамотах XVI—XVII вв. такое изменение отражается после любого парного по твердости — мягкости согласного. Фонологически это значит, что при образовании корреляции согласных по твердости — мягкости прежние признаки лабиовелярности у твердых согласных становились фонематически несущественными и переносились поэтому на предыдущий гласный в пределах того же слога. Фонетически же это значит, что задержка в изменении <е≥о> в северо-восточных говорах связана с необходимостью сначала отработать противопоставление по твердости — мягкости, т. е. освободить признак лабиовелярности как варианный, а затем создать фонетически закрытые слоги.

Кроме уже известных типов сочетаний, в которых возможно было изменение <е≥о>, появляются сочетания с шумными типа *бьот, додоржу, лебодов, тотке, Фодора*, но, как правило, не в глагольных формах типа *идошь* [ид'еш] (до сих пор сохраняется в ряде южнорусских говоров). Длительное время изменение <е≥о> было синтагматическим: оно происходило обязательно перед твердым согласным, но необязательно под ударением. Иное положение сложилось к концу XVI в., когда те грамматические формы, в которых возможно было изменение <е≥о>, вступили в чередование с другими грамматическими формами парадигмы, такого изменения не отразившими. Начался морфонологический этап изменения, особенно важный для исторической фонологии.

Теперь <о> могло перейти в <е> и перед мягким согласным, если этого требовало выравнивание фонемного состава морфемы в парадигме: не только [t'otka], но и [t'ot'a] < [t'et'a]. Утрачивается комбинаторная зависимость лабиализации гласного от следующего согласного. Вместе с тем устраняется лабиализация <e>e° в безударном слоге, потому что к этому времени безударные слоги изменялись иначе, чем подударные (см. § 99). То, что было возможно до XVI в. (*додоржу*, *лободов*), позже уже невозможно, так как *доржу* дало [д'аржѹ]. Важные в морфологическом отношении формы не могут допустить совпадения с другими формами парадигмы, происходит морфологическое перераспределение ударения, совмещенное с качественным изменением подударного гласного. Например, формы *селѧ* (род. п. ед. ч.) — *селѧ* (им.-вин. п. дв. ч.) — *селѧ* (им.-вин. п. мн.ч.) давали бы одинаковую редукцию типа [с'илѧ] или [с'олѧ], что привело бы к совпадению грамматически важных форм. По продуктивной модели подвижных парадигм образуется новое противопоставление *селѧ* (род. п. ед. ч., им.-вин. п. дв. ч.) — *сѣла* (им.-вин. п. мн. ч.) при обязательном сочетании с морфонологическим изменением <e>o в подударном слоге, т. е. [с'елѧ] — [с'ола]. Морфонологический фактор (ударение), скреплявший расходящиеся падежные формы, был настолько силен, что захватил отчасти и морфемы с <ѣ> (ѣ): ср. произношение *гнѣзда* [гн'ѣзда], *звѣзды* [зв'ѣзды], *сѣдла* [с'ѣдла] на месте *гнѣзда*, *звѣзды*, *сѣдла* по типу *весна* — *вѣсны*. Некоторые исключения, вошедшие в русский литературный язык, объясняются разной стадией лексикализации той или иной формы. Например, *щокы* встречается еще в XVI в., но неясно, отражает ли это написание стадию комбинаторного изменения (перед *кы*) или уже связано с морфонологическим чередованием *весна* — *вѣсны* = *щека* — *щѣки*. Ср. еще произношение слов *щелка* (также и *щѣлка*), *щепка*, потому что существовала внешняя аналогия со словами *цель*, *цѣпь*; также *горшечек*, *мешечек* — старое литературное произношение, перед [ч'] без результатов морфонологического подравнивания под тип с суффиксом -ок (*мешок*). Позже всего происходило выравнивание глагольной парадигмы; ср. в формах *несу* [н'есѹ] — *несешь* [н'ес'ѣш] — *несет* [н'ес'ѣт] — *несем* [н'ес'ѣм] — *несете* [н'ес'ѣте] — *несут* [н'есѹт]. Фонетические условия изменения воз-

ники после падения редуцированных только в форме 1-го лица множественного числа, после XIII в. на севере и на северо-востоке также и в 3-м лице единственного числа (*-ть* $\geq$ *-тъ*), несколько позже во 2-м лице единственного числа — в связи с отвердением *-ши* $\geq$ *-шь*, так что в форме 2-го лица множественного числа никогда собственно и не возникло фонетических условий для изменения $\langle e \geq o \rangle$. Современные говоры сохраняют разные стадии перехода $\langle e \geq o \rangle$ в указанных формах парадигмы (поэтому-то мы и можем установить относительную последовательность изменения), и именно северные говоры особенно долго и последовательно сохраняют даже старую акцентовку этой формы у подвижных глаголов (*ведетѣ, говоритѣ, несетѣ*), но в конце концов в северо-восточных говорах (и в литературном языке) распространение $\langle o \rangle$ закончилось по всей парадигме в связи с морфологическим оттягиванием ударения на флексию и независимо от мягкости [t] [n'ес'ѣт'е] $\geq$ [n'ес'ѣт'е]. Причина заключается в том, что все флексии спряжения имеют гласный с дифференциальным признаком лабиализованности — очень важным признаком в говоре, развивающем противопоставление согласных по твердости — мягкости. Единственное исключение во 2-м лице множественного числа подверглось выравниванию. Возникла позиционная зависимость лабиализованности от ударения. Эти два признака в функциональной системе настолько тесно слетены, что $\langle e \rangle$ лабиализуется во всех подударных слогах независимо от следующего согласного. Например, в конце слова: *белье* [б'ел'йѡ], *тряпье* [тр'яп'йѡ] по типу *село*. Это заключительный этап в изменении $\langle e \geq o \rangle$, потому что с этих пор [e'ѡ] становится морфонологически наполненным чередованием, важным для грамматической системы (*ведѣ* — *вѣд*, как *ведѣ* — *вѣдит*).

В некоторых случаях ожидаемое изменение в $\langle o \rangle$ не происходит: перед $\langle ц \rangle$ (*молодец, отец*), в сочетании **ѣрѣт* (*первый* < [п'ер'вѣй]), в заимствованиях из церковнославянского или из западноевропейских языков. Последнее подтверждает, что изменение $\langle e \geq o \rangle$ было собственно русским и потому не отразилось в заимствованной лексике; ср.: *наперсток* [нап'ѡрсток], *пѣрст* [п'ѡрст], но *перст*; *крѣстный* [кр'ѡстный], *перекрѣсток* [перекр'ѡсток], но *крест*; *нѣбо* [н'ѡбо], но *небо*. Остальные типы исключений показывают, что фонетическая за-

зависимость от следующего твердого согласного в изменении $\langle e \geq o \rangle$ утратилась до XVI в. (отверждение $\langle u \rangle$ к этому времени завершилось).

Кроме того, нет изменения в $\langle o \rangle$ у $\langle e < \hat{e} \rangle$ (н): ср. современное произношение *дѣдѣ* [д'ет], *лѣсъ*, [л'ес], *снѣгѣ* [сн'ек]. Действительно, $\langle e, \hat{e} \rangle$ никогда позиционно не совпадали ни до, ни во время изменения $\langle e \geq o \rangle$; после этого перед мягким согласным стало возможным только употребление $\langle \hat{e} \rangle$, потому что одновременно с тем перед твердым согласным $\langle e \geq o \rangle$, т. е. [t'et' $\geq$ t'ot], но [t'et' $\geq$ t'et'] (ср.: *щелка* [ш'олка] — *щели* [щ'эл'и]), [t'et' $\geq$ t'et], но и [t'et' $\geq$ t'et'] (ср.: *детка* [д'етка] — *дети* [д'ет'и]). Фонологически это значит, что в сильной позиции (перед твердым согласным) нет фонемы $\langle e \rangle$, она замещается фонемой $\langle o \rangle$ и на основе морфологических чередований, и на основе совмещения твердых парадигм с мягкими. Когда не только зависимость от следующего согласного, но и еще объяснительное различие в северо-восточных говорах, результат перехода $\langle e \geq o \rangle$ охватывается всеми теми выравниваниями, которые мы рассмотрели выше.

Изменения $\langle e \rangle$ и в дальнейшем связаны с изменениями $\langle \hat{e} \rangle$, но сейчас нам важно оценить фонологический результат: между XIII и XVI вв. в системе вокализма большинства русских говоров не было фонемы $\langle e \rangle$, потому что сразу после падения редуцированных в противопоставлении $\langle e - o \rangle$ был утрачен признак ряда, а через два столетия возникла нейтрализация по другому признаку — лабиализованности. Она возникла в позиции, ставшей для северо-восточных говоров сильной: перед твердым согласным под ударением. Так как позиционное распределение определяет парадигматический набор фонем, мы и должны признать, что противопоставление $\langle e - o \rangle$ утрачено в большинстве говоров, кроме северных, где переход $\langle e \geq o \rangle$ представлял собой еще чисто синтагматическое изменение в слабой позиции, а это никогда не приводит к устранению фонемы из системы.

Важным следствием изменения является и то, что в русских говорах, впоследствии положенных в основу современного литературного языка, оформляется позиционное распределение гласных, возникают новые типы сильных и слабых позиций.

Изменение гласных ⟨*е*⟩ и ⟨*о*⟩

§ 93. После утраты ринезма и изменения ⟨*е*⟩ ≥ *ā*⟩ в древнерусском языке происходило вторичное смягчение полумягких перед ⟨*ā*⟩ разного происхождения; образовались две степени мягкости согласных перед передними гласными — с повышенной мягкостью согласных перед ⟨*и*, *ѣ*⟩. Такое качество согласных было временным, осуществлялось только в сочетании фонем, и после утраты ⟨*ъ*, *ь*⟩ было устранено в тех говорах, которые развивали противопоставление согласных по твердости — мягкости. Известно также, что перегруженность нижнего ряда гласных [*ā*—*ā*—*a*] еще до утраты редуцированных привела к смещению ⟨*ѣ*⟩ ([*ā*]) в фонетической записи) вверх, отчасти потому, что среди оттенков фонемы ⟨*ѣ*⟩ были узкие ⟨*ѣ*⟩ ≤ **aj*, **ej*⟩, а отчасти и благодаря возникавшей позиционной йотации перед ⟨*ѣ*⟩: [*ā*] в отличие от [*ā*] (< ⟨*е*⟩) фонетически равно [*jā*], что сближает ⟨*ѣ*⟩ с гласными среднего подъема. Все славянские языки, утратившие носовые гласные, одновременно изменили и признак у фонемы ⟨*ѣ*⟩: из нижней она становится средней или даже средневерхней по образованию. Процесс «перехода» в новую степень раствора отражен в нейтрализациях, примеры которых сохранились в древнерусских рукописях.

В новгородских берестяных грамотах XI — начала XII в. *ѣ* обычно употребляется верно, с середины XII в. довольно часто на месте *ѣ* пишется *е*; грамоты, знающие исключительно *е* на месте *ѣ*, относятся ко времени не ранее XII в.; грамоты с заменой *е* на *ѣ* редки и относятся к XIV в.; большинство примеров *ѣ* ≥ *е* приходится на конечный открытый слог (*въ селе* вместо *въ сельѣ*). Первые примеры с *и* на месте *ѣ* появляются со второй половины XIII в. (и сначала также в конечном открытом слог: *въ сели*). В XIV в. таких примеров уже много, есть случаи замены *ѣ* на *и*, а смешение букв обозначает уже не просто нейтрализацию противопоставления по какому-то признаку в слабой позиции, а совпадение двух фонем в одну (⟨*ѣ*, *и*⟩ по говорам независимо от следующего согласного и ударения). То же и в той же хронологической последовательности находим и в других новгородских рукописях XI—XIV вв., например в СНІЛ или в НК1282: *в носаде, гневѣ, лесѣ, на вортехѣ, на стороне,*

по *хлѣбе*, *хлѣбъ* и др., также в С1156, Пар.1271, ПЕХІІІ, в некоторых почерках ЖН1219, РК1284 и т. д.

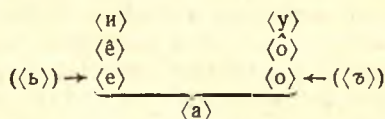
В южнорусских рукописях случаи перехода $\langle \ddot{e} \geq e \rangle$ незначительны, однако в И73 *e* на месте *ѣ* употреблено 83 раза (несколько раз *и* вместо *ѣ*), имеются написания *с* *e* на месте *ѣ* в И76, АЕ1092, ГБХІ, их больше в рукописях XII—XIII вв., например в ДЕ1164, УСХІІ, ЖСХІІІ, Е1283. Дошедшие до нас украинские грамоты указывают на то, что в украинском языке $\langle \ddot{e} \rangle$ переходит в $\langle i \rangle$ только в XV в.; то же в южнобелорусских источниках. Ростово-суздальские и прочие (несеверные) русские говоры также до XVI в. сохраняют в своей вокалической системе фонему $\langle \ddot{e} \rangle$. Только в смоленско-полоцких говорах сразу же после утраты $\langle ѣ, ѥ \rangle$ в XIII в. происходит совпадение $\langle \ddot{e} \rangle$ с $\langle e \rangle$ также и в сильных позициях, т. е. фонема $\langle \ddot{e} \rangle$ устраняется из системы вокализма.

Историки языка многое сделали в изучении фонемы $\langle \ddot{e} \rangle$. Были установлены примеры чисто графических смещений букв *ѣ* с *e* и *ѣ* с *и*, основанные либо на смещении морфем (например, *пришьдѣ* и *прѣшьдѣ*), либо на смещении русского и церковнославянского произношения отдельных слов (например, цсл. *тѣлеса*, *тѣлесный*, но русск. *тѣла*, *тѣльный*; цсл. *древо*, *чрево*, но русск. *дерево*, *черево*). Для фонетических целей показательны только написания русских слов, форм, и притом в основном в русских текстах. Основываясь на таких надежных материалах, мы и делаем вывод о том, что до конца XV в. фонема $\langle \ddot{e} \rangle$ сохранялась во всех (кроме смоленско-полоцких) русских говорах, хотя и происходили некоторые изменения в составе различительных признаков этой фонемы в связи с общими преобразованиями системы фонем.

Первое из них уже указано: $\langle \ddot{e} \rangle$ становится средневерхней фонемой и потому в слабых позициях вступает в нейтрализацию с $\langle e \rangle$. Самой частотной позицией употребления *ѣ* являлся конечный открытый слог слова и подударный слог без новоакута — в этих словах в древнерусском языке не было противопоставления гласных по количеству, и потому сокращающаяся фонема $\langle \ddot{e} \geq e \rangle$ могла совпадать с кратким $\langle e \rangle$ (поскольку обе фонемы были ненижние, нелабиализованные и передние). Это позиционное совпадение $\langle \ddot{e}, e \rangle$ в $\langle e \rangle$ определяется еще структурными особенностями древнерусской системы, т. е. тем позиционным распределением просодических

признаков, которые создались в результате образования новоакутовой интонации и позиционного сокращения долгот. После утраты ⟨ъ, ь⟩ и морфонологического обобщения ударения все количественные противопоставления гласных окончательно устраняются из языка, и в XIII в. фонема ⟨ѣ⟩ попадает в совершенно новую фонетическую ситуацию.

Как это обычно бывает в фонемном изменении, утрата количественных противопоставлений привела к необходимости качественного различия гласных. До падения редуцированных в сильной позиции (под новоакутовым ударением) различались ⟨ѣ⟩ и ⟨о⟩ (⟨е⟩ в этой позиции малочастотно, о ⟨ъ, ь⟩ см. § 40); в соответствии с правилом (см. § 40) только они и только в этой позиции были долгими ⟨о, е⟩. Фонематическая долгота в фонетическом отношении может быть представлена несколькими признаками, которые связаны с рассредоточением произносительной энергии во времени: с напряженностью, с дифтонгичностью, с верхним образованием. Вот почему утрата противопоставления по долготе — краткости привела к перестройке всех этих признаков длительности; прежние долги е фонемы смогли разложиться на фонетические дифтонги, но напряженность артикуляции, связанная с верхним образованием гласных, стала новым признаком для ⟨ē ≥ ê⟩, ⟨ō ≥ ô⟩. Результат совпадения ⟨ъ, ь⟩ именно с ⟨о, е⟩, а не с ⟨ô, ê⟩ дополнительно подтверждает фонематичность новоакутового ударения до утраты редуцированных: ведь только для ⟨ъ, ь⟩ и ⟨о, е⟩ (без новоакутового ударения) этот тон оказывался общим признаком, не существенным для всех четырех гласных, что и привело к совпадению их друг с другом. В системе противопоставлений это отразилось следующим образом:

Поскольку ⟨ô, ê⟩ фонетически могли быть дифтонгами, позиционно они воплощаются в дифтонги, особенно после палатальных для ѣ и после лабиовелярных для ô; ср.: *всѣхъ* [фс'иѣх], но *могъ* [муок]. В зависимости от предшествующего согласного ⟨ѣ⟩ оказывается в новой фонетической ситуации, в корне меняющей позиционное

распределение фонем (см. таблицу в § 95). Кроме того, начинается совмещение твердых и мягких вариантов склонения, а по отношению к $\langle \hat{e} - и \rangle$ здесь возникали чередования; ср.: *сто́ль* [стол'не] — *ко́ни* [кон'и] (местн. п. ед. ч.) и *сто́лы* [столы] — *ко́нь* [кон'ие] (вин. п. мн. ч.). Поскольку в морфологическом выравнивании севернорусская система была ориентирована на мягкий вариант, происходило распространение типа *на сто́ли*; фонетическая ситуация совпадала с направлением морфологического чередования.

§ 94. В говорах возникло различное позиционное варьирование фонемы $\langle \hat{e} \rangle$; общие типы варьирования можно описать, опираясь на обстоятельные исследования по исторической и диалектной фонетике. В соответствии с общими правилами позиционного варьирования (см. § 67) на Севере $\langle \hat{e} \rangle$ изменяется в зависимости от окружающих согласных, на юге — в зависимости от ударения.

Восточные говоры Севера различали $\langle \hat{e} \rangle$ перед любыми согласными, но перед твердыми согласными различие сохранилось, перед мягкими и на конце слова $\langle \hat{e} \rangle$ перешло в $\langle и \rangle$; ср.: *до медведи́цъ, до рички, льсѣ — въ лиси, мисяца, отвисили, свѣтъ — въ свити* в вологодских грамотах XVI в. Совпадение позиций конца слова и перед мягкими согласными характерно; совпадать в одном фонетическом проявлении могут только слабые позиции, следовательно, и в данном случае происходила всего лишь нейтрализация в противопоставлении $\langle \hat{e} - е - и \rangle$. Изменение $\langle \hat{e} \geq и \rangle$ только перед мягкими согласными объясняется тем, что одновременно в тех же говорах происходит изменение $\langle е \geq о \rangle$ перед твердыми согласными. По-видимому, сначала изменилось $\langle \hat{e} \rangle$ в $\langle и \rangle$ только в слоге перед $\langle и \rangle$ или в конце слова; ср.: *видихъ < вѣдихъ, на мисти, нетлиния, прилинихся < < прѣльнихся, руци твои (< руцѣ)* и др., т. е. своеобразное продолжение древнерусского межслогового сингармонизма, осложненного выравниванием по мягкому типу склонения. Такие примеры, хотя и редко, встречаются в М96, Пант. XII, НК1282. Подобных примеров оказывается много в псковских рукописях XIV—XV вв., что подтверждает всеобщность подобного изменения на начальных его этапах. В XVI в. данный тип изменения представлен в вологодских грамотах и рукописях (ВЕХVI),

в грамотах, написанных на Урале и в Сибири выходцами с русского Севера.

Для большинства севернорусских говоров, именно тех, которые не отражали перехода $\langle e \geq o \rangle$, характерным стало последовательное изменение $\langle \hat{e} \geq и \rangle$ независимо от каких-либо условий: как *въ лиси*, *въ свити*, так и *лис*, *свитъ*. Кроме некоторых берестяных грамот XV в., а также новгородских, тверских и двинских грамот XV—XVI вв., встречаются и большие рукописи, отражающие такое изменение $\langle \hat{e} \rangle$, как светские (КНІЛ), так и церковные (БЗХVI), в том числе и ранние (Е1355, Е1362). В этих рукописях кроме частой замены *ь* на *и* возможно и употребление *ь* на месте *и*, а это подтверждает, что в северо-западных и северных говорах $\langle \hat{e} \rangle$ перешло в $\langle и \rangle$; здесь не состоялось изменение $\langle e \geq o \rangle$, и сочетания типа [т'іе, т'и] совпали друг с другом (в отличие от сочетания типа [т'el]). Фонетические и морфологические условия совпадения двух фонем совместились.

В южнорусских говорах $\langle \hat{e} \rangle$ перешло в $\langle e \rangle$ в безударной позиции, тогда как под ударением эти фонемы по-прежнему противопоставлены друг другу. На такое распределение указывают и рукописи (ПСХIV), и особенно грамоты XVI—XVII вв. (восточнобрянские, калужские, нижегородские и др.). Впоследствии различие подударных *е* и *ь* и их смешение в безударной позиции распространилось в русских текстах, став своеобразным орфографическим приемом, который сохранился и в старопечатных московских изданиях. Возникло даже мнение, что противопоставление *н—е* под ударением и совпадение *ь* и *е* в *е* без ударения никогда не отражало фонетических особенностей речи, а с самого начала было орфографическим приемом грамотных писцов, которые легко могли запомнить, что буквы *ь* и *е* различаются только под ударением (каким образом они запоминали около 500 орфограмм, в которых с л е д у е т п и с а т ь *ь*, не объясняется). По-видимому, прав Л. Л. Васильев, впервые обнаруживший такое распределение букв и указавший, что в южнорусских говорах изменение $\langle \hat{e} \geq e \rangle$ началось прежде всего в безударном положении: *лесá*, *леснóй*, но *лѣсъ*, *лѣси*.

С фонологической точки зрения между этими двумя гипотезами нет противоречия. Если в безударной пози-

ции *ѣ* переходит в *е* (*лѣсъ* — *лесъ*), а одновременно с тем в тех же слогах развивалось яканье (*сяла* < *села*), то *⟨ѣ⟩* как самостоятельная фонема по-прежнему противопоставлена и *⟨о⟩*, и *⟨е⟩*, потому что, во-первых, под ударением в сильной позиции имеются и *⟨о⟩*, и *⟨е⟩* и потому, во-вторых, что изменение *⟨ѣ ≥ е⟩* возможно только в слабой позиции, в которой после развития яканья [e] уже не может встречаться. Но последовательная орфография в отличие от редких описок всегда отражает фонематическое изменение, а не фонетическое варьирование; следовательно, и четкое противопоставление ударных и безударных слогов (которые были разными в древнерусских говорах) в изменении *⟨ѣ ≥ е⟩*, отраженном в последовательной орфографии, передает синтагматическое фонемное изменение, нейтрализацию в противопоставлении *⟨ѣ—е⟩* по какому-то признаку. Л. Л. Васильев прав потому, что переход *⟨ѣ ≥ е⟩* в безударной позиции действительно представляет собой фонетическое изменение (нейтрализация признака напряженности); но правы и его критики, потому что перед нами орфографически определенное отражение фонемной системы, сохраняющей *⟨ѣ⟩* во всех позициях, в том числе и в безударной: *ѣ ≥ ѣ*, но безударный *ѣ* переходит в *е*, потому что *[е ≥ а]*.

Действительно, замена *ѣ* на *е* только в безударных слогах характерна лишь до конца XVI в., когда на основе ѣканья возникает яканье, включившее и то безударное [e], которое восходит к *⟨ѣ⟩*. В североукраинских говорах, соседних с южнорусскими, тоже происходило изменение *⟨ѣ ≥ е⟩* в безударной позиции (т. е. утрата противопоставления по напряженности), в них также развивались процессы, сходные с южнорусским аканьем. Поэтому все ранние изменения *ѣ ≥ е* действительно можно связать с начинавшимися изменениями безударного вокализма, которые начались на юге после XIV в.

Полное совпадение *⟨ѣ > е⟩* независимо от каких-либо условий происходило в тех говорах, которые не знали изменения *⟨ѡ ≥ ѡ ≥ ѡ⟩* (см. § 97): в смоленско-полоцких, западнобрянских и смежных с ними южнопсковских говорах (ср. из псковских рукописей А1309, Пр.1383). В XV в. большинство псковских говоров подверглось влиянию новгородских говоров и испытало изменения первых двух типов. Для нас важно отметить, что парадигматическое устранение из системы фонемы *⟨ѣ⟩* свя-

зано с отсутствием другой фонемы средневерхнего подъема — ⟨ô⟩. Признак напряженности утрачен вместе с устранением фонемы ⟨ô⟩, противопоставление ⟨ê—e⟩ в такой системе ни на чем не основано, фонематически его и нет. Поэтому рано началось позиционное перераспределение между ⟨ê⟩ и ⟨e⟩, которое можно проследить по рукописям. Так, текст ПЕХІІІ показывает, что характер смещения букв ѣ и е отражает преимущественное употребление е перед твердыми согласными, а ѣ — перед мягкими. Фонологически это значит, что переход ⟨ê≥e⟩ еще варьирует позиционно, но фонематически релевантная позиция дает только ⟨e⟩.

§ 95. В северо-восточных и восточных говорах (ростово-суздальские и рязанские княжества) изменения сначала происходили по северному типу, в зависимости от следующего согласного, а не от ударения. В РК1284, ПЕ1354, в московских, переяславских, костромских, шуйских и других грамотах XV—XVI вв. отражается изменение ⟨ê≥e⟩ только перед мягкими согласными (въ лесе, но льсъ). Поскольку это связано с параллельным изменением ⟨e≥o⟩ перед твердыми согласными, ясно, что возникает ситуация, сходная с той, которая сложилась в остальных северных говорах, где противопоставление ⟨ê—o⟩ сохранялось на основе перехода ⟨e≥o⟩, но с тем различием, что в северных говорах отмечается переход [êt'≥ит'], а в ростово-суздальских [êt'≥et']. Различие в рефлексации объясняется разным отношением к предшествующему согласному в слове: на севере мягкие возможны только перед ⟨ê, и⟩, в северо-восточных же говорах, которые развивали противопоставление согласных по твердости — мягкости, мягкие находились перед любым передним гласным, т. е. также и перед ⟨e⟩. Реальность совпадения ⟨ê⟩ и ⟨e⟩ подтверждается и тем, что в рукописях отражается и написание с ѣ на месте ⟨e⟩ именно в той же позиции.

В XVI в. положение меняется: для северо-восточных говоров оказывается важным не только положение перед твердым или мягким согласным, но и зависимость от ударения. Московские грамоты, а также и церковные тексты, переписанные в Москве (ЧСХVI), показывают, что [êt'≥et'] по-прежнему, но перед твердыми согласными ѣ переходит в е в безударном слове, тогда как под ударением перед твердыми согласными ⟨ê⟩ никаким образом не изменяется. В XVII в. на той же территории

появляются рукописи, а также шуйские, тульские, можайские, курские, рязанские, московские, волоколамские грамоты, указывающие на совпадение *ь* с *е* во всех позициях. В Авв. XVII употребление *ь* зависит от многих условий, в том числе и от лексической принадлежности слова: в церковнославянских словах пишется *ь*, в бытовых русских вместо него обычно употребляется *е*. Начинается смешение *ь* и *е* вплоть до того, что в правительственных указах делаются специальные оговорки, позволяющие писцам не обращать внимания на правила написания этих букв.

Таким образом, в говорах, легших в основу современного литературного языка, выявилась следующая последовательность в изменениях фонемы $\langle \hat{e} \rangle$:

	XIII—XV вв.	XV—XVI вв.	XVII в.	
подударный	$\langle \text{т'êт} \rangle$	$\langle \text{т'êт} \rangle$	$\langle \text{т'êт} \rangle$	$\langle \text{т'ет} \rangle$
	$\langle \text{т'êт'} \rangle$	$\langle \text{т'ет'} \rangle$	$\langle \text{т'ет'} \rangle$	$\langle \text{т'ет'} \rangle$
	$\langle \text{т'ет} \rangle$	$\langle \text{т'от} \rangle$	$\langle \text{т'от} \rangle$	$\langle \text{т'от'} \rangle$
	$\langle \text{т'ет'} \rangle$	$\langle \text{т'ет'} \rangle$	$\langle \text{т'ет'} \rangle$	$\langle \text{т'ет'} \rangle$
				$\langle e - o \rangle$
безударный	$\langle \text{т'êт} \rangle$	$\langle \text{т'êт} \rangle$	$\langle \text{т'ет} \rangle$	$\langle \text{т'ет} \rangle$
	$\langle \text{т'êт'} \rangle$	$\langle \text{т'ет'} \rangle$	$\langle \text{т'ет'} \rangle$	$\langle \text{т'ет'} \rangle$
	$\langle \text{т'ет} \rangle$	$\langle \text{т'от} \rangle$	$\langle \text{т'от} \rangle$	$\langle \text{т'ет} \rangle$
	$\langle \text{т'ет'} \rangle$	$\langle \text{т'ет'} \rangle$	$\langle \text{т'ет'} \rangle$	$\langle \text{т'ет'} \rangle$
				$\langle e \rangle$

Позицию за позицией $\langle \hat{e} \rangle$ утрачивает, потому что и в парадигматической системе уже нет противопоставления $\langle \hat{e} - e \rangle$: в большинстве русских говоров $\langle e \rangle$ переходит в $\langle o \rangle$, и в сильной позиции оказывалась одна фонема $\langle \hat{e} \rangle$, маркированная признаком напряженности, но не противопоставленная по этому признаку никакой реальной фонеме в системе противопоставлений, т. е.

$\langle \text{и} \rangle$	_____	$\langle \text{у} \rangle$
$\langle \hat{e} \rangle$	_____	$\langle \hat{o} \rangle$
$\#$	_____	$\langle \text{o} \rangle$
	$\langle \text{а} \rangle$	

В фонологическом смысле изменение $\langle \hat{e} \geq e \rangle$ представляет собой не совпадение двух фонем в одну ($\langle \hat{e}, e \geq e \rangle$), а устранение избыточного признака напряженности и с д и г фонемы (одной и той же: сначала средневерхней $\langle \hat{e} \rangle$, затем средней $\langle e \rangle$) в системе парадигматических

отношений. В некоторых других типах вокалических систем, описанных выше, принцип фонемного сдвига был таким же; поскольку же с этим изменением из системы уходил и признак напряженности, одновременно происходило и совпадение фонем $\langle \hat{o} \geq o \rangle$.

§ 96. Взаимозависимость в изменениях фонем $\langle \hat{o}, \hat{e} \rangle$, подтверждаемая и памятниками, и говорами, доказывает близость этих фонем по общему признаку: в большинстве русских говоров в результате утраты $\langle \hat{y}, \hat{y} \rangle$ на месте $\langle \hat{o} \rangle$ под новоакутовым ударением образовалась фонема $\langle \hat{o} \rangle$; на месте $\langle \hat{y} \rangle$, а также и $\langle o \rangle$ под нисходящим ударением сохранялось $\langle o \rangle$. Довольно большое число форм и слов противопоставлялось новой оппозицией $\langle \hat{o} - o \rangle$: [võn] *там*, выйди [вон], [mõk] ('мог'), [мок] ('вымок'), как[õй] *беды* — как[ой] *день*, [sõ]шка — [со]хи и т. д. Древнерусские рукописи и современные говоры дают несколько исключений, например $\langle \hat{o} \rangle$ на месте $\langle \hat{y} \rangle$ (*вõплъ*, *крõвь*, *крõт*, *любõвь*): соседство губных и [р] способствовало сближению $\langle \hat{y} \rangle$ с $\langle \hat{o} \rangle$ в результате позиционного огубления $\langle \hat{y} \rangle$.

К тому же во всех этих словах рано стабилизируется ударение на слоге с $\langle \hat{y} \rangle$ (*вõплъ* — *вõпля*, *крõвь* — *крõви*, *крõт* — *крõта*, *любõвь* — *любõви* на месте прежнего ударения типа *воплѣ*, *крови*, *кротѣ*, *любви*). Редуцированный попадал в морфологически сильную позицию всегда подударного слога, что для него было редким исключением (обычно имелось чередование типа *сѣнѣ* — *сѣнѣ*). Новый тип ударения приводил и к выравниванию по типу *конѣ*, *конѣ* $\geq$ *кõнѣ*, *конѣ* $\geq$ *кõнѣ*, *кõнѣ*. Морфологическое выравнивание в развитии $\langle \hat{o} \geq \hat{o} \rangle$ имело первостепенное значение. С одной стороны, если в подвижной акцентной парадигме возникали противоречия между отдельными формами слова по типу интонации, то распространялась не новоакутовая интонация; например, в формах именительного падежа единственного числа **domъ* и винительного падежа единственного числа **dõmъ* возникло противопоставление **dõmъ* — **dõmъ* и произошло выравнивание по типу **dõmъ* с нисходящей интонацией, характерной для подвижной акцентной парадигмы. И памятники, и современные говоры сохранили форму [дом] (а не [дõм], [дуюм]). Если же в процессе выравнивания побеждали формы с новоакутовой интонацией, устанавливалось неподвижное ударение на корне

(*ко́нь, ко́ня*); в рукописях до XV в. отмечено колебание между старым и новым ударением в этих словах. С другой же стороны, рефлекс новоакутовой интонации постепенно возникает и там, где его не должно быть, например в абсолютном конце слова, где еще в праславянский период могли быть только краткие, не дававшие никаких интонационных различий; и говоры, и старорусские рукописи отражают ⟨*ô*⟩ на месте ⟨*o*⟩: *оно* [onô] — [онуô], *се[лô]* — *се[луô]*. Выравнивание распространялось даже на мягкие основы (ср.: *пле[чô]*, *хоро[шуô]*), что доказывает вторичность ⟨*ô*⟩ в данной позиции и подтверждает, что в конце слова ⟨*o*⟩⟨*ô*⟩ изменилось уже после падения редуцированных.

Морфологическое выравнивание привело к обобщению рефлекса новоакута на любом нена начальном слоге, поэтому и в среднерусских рукописях, и в современных говорах оппозиция ⟨*ô—o*⟩ оказывается возможной только на первом слоге слова ([сô]ш*ка*, [со]х*и*), а не в начальном слоге она редко и всегда связана с наличием в прошлом ⟨*ь*⟩; ср.: *как[ôй] беды* (<какôь) и *как[ôй] день* (<какъи).

Таким образом, изменение ⟨*ô*⟩⟨*ô*⟩ является рефлексом перехода количественного признака в качественный; особенно наглядно этапы такого изменения видны в украинском языке, потому что в южнорусских говорах изменение ⟨*ô*⟩⟨*ô*⟩ началось раньше, чем в тех говорах, которые впоследствии легли в основу современного русского литературного языка. (Некоторые ученые вообще сомневаются, что оппозиция ⟨*ô—o*⟩ была в ростово-суздальских говорах, настолько рано она была утрачена.)

§ 97. В большинстве русских говоров ⟨*ô*⟩ действительно утрачивается довольно рано, и всегда это происходит параллельно с изменением ⟨*ê*⟩. Совпадение ⟨*ô*⟩ с ⟨*o*⟩ происходило потому, что для ⟨*ê*⟩ признак напряженности становился избыточным, после изменения ⟨*e*⟩⟨*o*⟩ он не противопоставлял ⟨*ê*⟩ никакой другой фонеме. Но если какой-нибудь признак выходит из системы хотя бы одной исчезающей фонемой (в данном случае ⟨*ê*⟩⟨*e*⟩), устраняется и та оппозиция, которая строилась по этому признаку. Так было после изменения ⟨*o*⟩⟨*y*⟩, в результате чего ⟨*ê*⟩ перешло в ⟨*ā*⟩; так было с изменением ⟨*ь*⟩⟨*e*⟩, почему и ⟨*ь*⟩ изменилось в ⟨*o*⟩; так случилось и с переходом ⟨*ô*⟩⟨*o*⟩ после изменения

⟨ê≥e⟩. Отметим также, что все перечисленные изменения сближает одно общее свойство: они начинаются у гласных средневерхнего подъема. Можно даже сказать, что положение на средневерхнем уровне всегда становилось в русском языке критическим; оптимальным вариантом для русской системы является наличие трех степеней раствора, причем опорные гласные ⟨и, у, а⟩ никогда не изменяются.

Косвенно наличие оппозиции ⟨ô—o⟩ в ряде говоров подтверждается архаическими типами безударного вокализма, например обоянским типом яканья. Некоторые написания в среднерусских рукописях указывают на то же; ср. в московских грамотах XVII в.: *икунъ* ('икон'), *молула* ('молола'). В говорах признак напряженности (долготы) у ⟨ô⟩ изменялся параллельно изменению этого признака у ⟨ê⟩: произошло разложение фонематической долготы на фонетическую дифтонгоидность, вместо старых *се[лô]*, *[сô]шка* возникло произношение *се[луo]*, *[суo]шка*; отсюда в попытках передать такое произношение на письме и *молула* < *мол[оу]ла*.

Изменение качества ⟨ô⟩ способствовало постепенному устранению этой фонемы. Система фонем определяла выбор позиционного варьирования в реализации ⟨ô⟩ после того, как утратилось фонематическое противопоставление ⟨ô—o⟩. Южнорусские говоры отличались напряженностью артикуляции ⟨ô, ê⟩, характерной для подударных гласных (см. § 99). В севернорусских говорах важна была не напряженность, а зависимость от окружающих согласных — по общим для гласного и согласного признакам: палатальность согласного — передний ряд у ⟨ê⟩, лабиовелярность согласного — передний ряд у ⟨ô⟩. С этим связана традиционная для северных говоров большая степень мягкости согласных перед ⟨ê⟩ (чем перед ⟨e⟩) и дифтонгоидность с последующим изменением ⟨ê≥и⟩ (но не в ⟨e⟩): только перед ⟨ê, и⟩ согласный был мягким, перед ⟨e, а⟩ он был полумягким и потому не мог дать изменения ⟨ê≥e⟩. По этой же причине на севере не было выравнивания ⟨o≥ô⟩ после мягких согласных (типа *плеч[yo]*, *хорош[yo]*), но зато могло появляться изменение ⟨ô≤o⟩ после лабиовелярных (губных и заднеязычных), например *бог* [bôk] (ср. уже приведенные из древнерусского языка примеры типа [vô]плъ, [krô]въ). Этим определилось и направление

фонетических нейтрализаций ⟨ô—o⟩: на севере в зависимости от характера слога, на юге в зависимости от ударения. В псковских рукописях XVI—XVII вв. утрата ⟨ô⟩ (⟨≥o⟩) отражается в открытых слогах.

§ 98. В рукописях, отражающих изменения ⟨ê⟩, иногда встречаются примеры написания с ъ на месте исконных ⟨ь, е⟩ (в северных рукописях и на месте исконного ⟨и⟩; ср.: *крыло*, *неповѣнный* вместо *крило*, *неповинный*). Чередование ъ/и или ъ/е как раз и доказывает, что в говоре писца происходит совпадение фонем ⟨ê>и⟩ или ⟨ê>е⟩, потому что односторонняя замена ъ на е или и отражает только нейтрализацию противопоставления двух фонем в слабой позиции.

Сразу же после утраты редуцированных южнорусские (украинские) и севернорусские (новгородские) рукописи дают много примеров так называемого нового ъ — написаний с ъ на месте ⟨е, ь⟩ в определенных условиях. В галицко-волинских рукописях с середины XII в. до конца XIII в. ъ вместе е пишется в новозакрытых слогах независимо от ударения: *боудѣть*, *вѣщѣ*, *вѣ нѣи*, *камѣнь*, *корѣнь*, *словѣсную* (на месте *бессловесною* и т. д.); ср. надпись 1161 г., ДЕ1164 и др., но с XIII в. «нового» ъ нет уже в форме 3-го лица (Е1283). Историки украинского языка полагают, что в таких рукописях отражено возместительное продление ⟨е≥ê⟩ в слоге перед утраченными ⟨ъ, ь⟩ (*вещѣ* ≥ [вѣщѣ]), потому что к моменту утраты редуцированных количественные противопоставления еще имели значение для южнорусских говоров. Параллельно с этим и в тех же условиях происходило удлинение ⟨o≥ô⟩ (ср. написания типа *воовчихъ* < *овъчихъ*).

Из русских говоров «новый» ъ наиболее последовательно отразили новгородские и соседние с ними. Северовосточные рукописи дошли до нас лишь от XIV в., когда и в новгородских источниках исчезает «новый» ъ. Но те восточнорусские рукописи, которые имеются в нашем распоряжении (РК1284), также обозначают «новый» ъ и в тех же условиях, что новгородские. Можно было бы этот тип «нового» ъ считать общерусским.

В русском языке «новый» ъ из ⟨ь⟩ (или ⟨е⟩) появляется в сочетаниях типа **tъrbt* (*върхоу*, *първый*, *пърсты*, *сърпъ*, *сърдъ*, *търдъ*), в некоторых корнях одного типа (*лѣсть*, *мѣсть*, *тѣсть*, *чѣсть*, также *вѣсь*, *пѣсь*,

тѣмный), суффиксах (*вънѣць, конѣць, отѣць, сучѣць, телѣць*) или окончаниях (*дѣтъи, днѣи, звѣръи, конѣи, людѣи, огнѣмь, свинѣи*), на месте ⟨е⟩ «новый» ъ встречается исключительно редко (*въѣць, мѣць, словѣсъ* — все слова либо церковнославянские, либо спорные по составу фонем: др.-русс. *мѣць* или *мечь*?). В новгородских рукописях такие написания появляются со второй половины XIII в., их число увеличивается в XIV в., а с начала XV в. исчезают совсем; примеры употребления «нового» ъ находят и в церковных, и в бытовых текстах (даже в берестяных грамотах). Как и галицко-волинских, так и в новгородских говорах «новый» ъ впоследствии изменялся параллельно с изменениями исконного ⟨ѣ⟩; ср.: укр. *камѣнь* — *каменя* и современные севернорусские *вѣсь, звѣрий, лѣсь, отѣць*. Это подтверждает, что *лѣсь* в новгородских рукописях по качеству действительно совпадал с ⟨ѣ⟩ (*дѣтъи* ≥ *дѣти*).

Спорным является вопрос об условиях этого изменения. Большинство ученых считают, что такое изменение происходило в новозакрытом слоге перед мягким согласным. Это неточно, так как имеются примеры с «новым» ъ и перед твердым согласным (*козѣль, пѣсь, словѣсъ*); хотя их и немного, но иначе и не могло быть, поскольку в древнерусском языке за слогом с ⟨ь⟩ следовал, как правило, слог с ⟨ь⟩, а не с ⟨ъ⟩. Обычно это изменение отражено в закрытом слоге, в закрытом слоге отражается и появление нового ⟨ѣ⟩; ср. в рукописях XVI в.: [во]нѣже *часѣ*, [ко]ль, [ко]шницѣ, [со]тникѣ и др., где должно было быть ⟨о⟩. «Новый» ъ в открытом слоге встречается очень редко как результат выравнивания в тех же корнях, где появление «нового» ъ закономерно; ср. *въѣць* — *въѣци*, *двѣрь* — *двѣри*, *мѣдѣ* — *мѣда*, *тѣсть* — *тѣща*. А. И. Соболевский объяснял примеры «нового» ъ описками писцов (вместо *тѣсть* писали *тѣстьѣ*, поставив «лишнюю палочку»), но это сомнительно, потому что в написаниях *въѣць, словѣсъ* и т. п. пришлось бы заменять не ⟨ь⟩, а ⟨е⟩. Редкость «нового» ъ на месте ⟨е⟩ объясняется редкостью сочетаний типа *етѣ* — *етѣѣ*, если принять во внимание основное условие изменения ⟨ь, е⟩ ≥ ⟨ѣ⟩ — под новоакутовым ударением. Поэтому в русских рукописях нет написаний типа *бѣудѣть, жѣтъѣль, знѣмѣньѣ, кѣмѣньѣ*, но есть *въѣць, пѣѣць, словѣсъѣ*. «Новый» ъ новгородского типа объясняет некоторые фонетические этапы утраты

редуцированных, например формы типа *старць*, *творць* и второе полногласие. Во время изменения редуцированных суффиксальный ⟨ь⟩ исчезал в безударной позиции: *стърць* — *стърца*, *твѡрць* — *твѡрца*, но изменялся в ⟨ѣ⟩ под новоакутовой интонацией: *конѣць* — *конца*, *сучѣць* — *сучца*. Так же несколько позже, уже в конце XIV в., наряду с *твѣрдь* — *твѣрди* — *тверди* появляются варианты *верѣхъ* — *верха* с подравниванием под конечное ударение и в форме именительного падежа. В рукописях XIII в. возможны написания типа *върхоу* (местн. п. ед. ч.) и *върствхъ* (местн. п. мн. ч.) — с новоакутовой интонацией корня в этих формах.

Аналогичные изменения происходили под новоакутовой интонацией и у ⟨ѣ⟩ (см. примеры типа [во]нль < вѣпль), но это было редким явлением из-за низкой частотности самого ⟨ѣ⟩, отчасти же и потому, что изменение ⟨ѣ⟩ происходило одновременно с изменением ⟨ь⟩. Все изменения, связанные с «новым» ъ, были синтагматическими, следовательно, на письме передавались не всегда, а впоследствии были перекрыты более важными парадигматическими изменениями фонем; только рукописи XIII в. отражают первоначальное положение дел более или менее точно.

С фонологической точки зрения появление «нового» ъ (чередование исконного и «нового» ⟨ѣ⟩) можно объяснить, во-первых, важностью рефлексов новоакутового ударения, независимо от того, как они проявлялись фонетически: как тон или как долгота. Во-вторых, это проясняет вопрос о корреляции ⟨ѣ—ѡ⟩, возникающей именно в связи с утратой редуцированных: в абсолютно сильной позиции даже ⟨ѣ, ѡ⟩ совмещались с маркированными ⟨ѡ, ѣ⟩, поддерживая функциональную ценность последних; и выравнивание по типу *стърць* — *стърца*, и вокализация *конѣць*, *конца* показывают, что ⟨ѣ, ѡ⟩ в начальный момент своего изменения в качестве слабой имели любую позицию, кроме новоакутовой (следовательно, в *старць* оба ⟨ь⟩ фонематически слабые); но новоакутовая интонация (или ее рефлекс) давала изменение ⟨ь ≥ ѣ⟩, а не ⟨ь ≥ е⟩. У ⟨ѣ⟩ положение иное, возможно совпадение как с ⟨ѡ⟩, так и с ⟨ѡ⟩. Фонемное «отталкивание» ⟨ѣ⟩ от ⟨е⟩ в сторону ⟨ѣ⟩ весьма симптоматично, но указывает не на фонематическую слабость ⟨ѣ⟩ в момент изменения, а, напротив, на ее силу: диахронически новые вариации

фонем (типы варьирования), возникающие в результате очередного фонемного сдвига, всегда вступают в позиционное чередование с немаркированными по данному признаку фонемами; в нашем случае <ь> переходит в <ê>, потому что в северных говорах в оппозиции <ê—е> маркированными были не средневерхние. Если это верно, тогда отсутствие рефлексов «нового» ъ и всяких следов фонемы <ô> в ростово-суздальских говорах придется связать с утратой <ê> и формированием корреляции согласных по твердости — мягкости.

Изменение безударных гласных

§ 99. После утраты редуцированных в большинстве русских говоров сохранился единственный просодический признак, ставший морфонологическим средством языка, — ударение. Однако из древнерусского языка перешла чисто фонетическая квантитативная структура словоформы: долгота предударного слога с долгим гласным выше долготы подударного слога с кратким гласным (т. е. с таким, который не восходит к слогу с новоакутом); количественное варьирование возможно и в предконечном слоге. Ритмическая структура слова могла быть противоречивой из-за несовпадения ритма словоформ, например в *рука́ — рукою́ — (на́) руку́* по схеме: $\cup \text{---} / \cup \text{---} \text{---} / (\text{---}) \cup \cup$. В современных русских говорах, которые лишь недавно стали утрачивать противопоставление безударных гласных, до сих пор отмечается особая ритмическая сила предударного слога: она может быть даже выше подударной. В южнорусских говорах это ритмическое несоответствие преобразовалось в несоответствие гласных по их качеству, вызвало р е д у к ц и ю б е з у д а р н ы х г л а с н ы х (аканье в широком смысле) в первом предударном и в остальных безударных слогах по-разному. Количественное противопоставление в безударных слогах, утрачиваясь при выравнивании словоформ в пределах парадигмы (слова), заменилось качественной редукцией безударных гласных. Это изменение относительно новое (началось не дальше середины XIV в.) и по говорам имеет множество вариантов, всегда определяемых общей системой данного говора. Все такие варианты изучает диалектология; мы не будем вникать в фонетические детали варьирования и особое внимание уделим количественно-качест-

венным преобразованиям безударных гласных в говорах, легших в основу современного литературного языка.

Все славянские говоры, развивавшие аканье, характеризуются изменением гласного в предударном слоге, отличным от изменения безударного гласного в прочих слогах. Ассимиляция в предударном слоге, по существу, продолжает древнерусский межслоговой сингармонизм, и произношение *калач*, *лапта* теперь характерно также для говоров, вообще не развивших аканья. В болгарских родопских и в некоторых словенских говорах аканье развивается преимущественно в предударном слоге, на основе ритмического перераспределения силы между ударным и предударным слогами. В древнерусском языке, наоборот, редукция началась во всех безударных слогах, за исключением первого предударного (см. ниже). Кроме того, аканье развивается в языке со свободным ударением; оно не развивалось в севернорусских говорах, которые одно время формировали стабилизированное ударение типа польского; в лужицком языке начавшийся процесс приостановился в связи со стабилизацией ударения. Только возможность колебания ударения между разными слогами в различных словоформах, создававшего ритмическую неустойчивость слова, приводила к развитию аканья. Славянские языки отражают аканье сначала только после твердых согласных (аканье в узком смысле), тогда как после мягких гласные еще противопоставлены по основным своим признакам. Таким образом, разные типы яканья вторичны и представляют собой совсем новое образование в говорах, развивших корреляцию согласных по твердости — мягкости. Смещение ⟨о⟩ с ⟨а⟩ после твердых согласных может быть связано с разным направлением фонологизации признака, противопоставлявшего эти две фонемы прежде. Аканье не образуется в украинском языке, где фонологическая утрата ⟨ъ, ь⟩ по времени предшествовала утрате количественных противопоставлений, а не совпала с ней, как случилось в большей части русских говоров. Это подтверждает, что редукция безударных гласных действительно являлась способом преобразования количественных отношений, которые стали позиционными и после утраты редуцированных не имели уже никакого фонологического значения. Наконец, аканье развивалось только в тех говорах, которые количественную редукцию безударных

гласных соединили с качественной редукцией подударных гласных, т. е. там, где было устранено противопоставление напряженных гласных <ô, ê> ненапряженным <о, е>. Аканье в широком смысле — это дефонологизация признака напряженности, прошедшая последовательно во всех слогах и преобразовавшая ритмический контур слова.

Изменения гласных, такие, как <е>=о>, <ê>=е>, подготовили и обусловили изменение фонологической системы гласных. Возникло несоответствие между двумя типами гласных — под ударением и без ударения:

под ударением						без ударения		
<и>	<ê>	<ы>		<у>		<и>	<ы>	<у>
		<е>		<о>			<е>	<о>
		<а>					<а>	

В одних и тех же морфемах (например, в корневых) в соотношении двух типов гласных образуются первые пересекающиеся ряды:

под ударением:	<ê>	<е>	<о>	<ô>
без ударения:	<е>	<е>	<о>	

которые потенциально могут распространяться и на другие корреляции, поскольку уже намечился основной принцип соответствия (путем синтагматических нейтрализаций) элементов двух параллельных парадигматических систем. Общая тенденция заключается в постепенном распространении в безударной позиции только тех гласных, которые не образуют с ударными гласными пересекающихся рядов, т. е. <а, и>. Следовательно, логическим завершением заданной динамической тенденции должны стать а к а н ь е после твердых и и к а н ь е после мягких согласных.

§ 100. Аканье, т. е. изменение безударного гласного после твердого согласного, сформировалось раньше, потому что только две неверхние гласные фонемы оказались возможными после твердых согласных: <о> и <а>. Принцип их совмещения во всех говорах с XIV до XX в. остается неизменным; рассмотрим его на примере современного севернорусского говора, развивающего аканье.

Из двух признаков, различающих <о> и <а>, сначала нейтрализуется наиболее важный, тот, который форми-

рует вокалическую корреляцию по лабиализации. Другой признак (по подъему = компактности) некоторое время может сохраняться и в безударных слогах. В результате первой нейтрализации противопоставление $\langle o-a \rangle$ сохраняется еще и в безударной позиции, хотя и лишь по одному признаку, следовательно, не $\langle a-o \rangle$, а $\langle \text{з}-a \rangle$ (компактное $\langle a \rangle$ — некомпактное $\langle \text{з} \rangle$). Лабиализованность гласного переходит на согласный или вообще исчезает, становясь позиционным признаком. Можно даже думать, что лабиализованность в этой системе сохраняется, хотя и становится линейным дифференциальным признаком, связанным с характером предшествующего согласного. Диалектологи отмечают наиболее последовательное «сохранение» предударного $\langle o \rangle$ в положении после губных и заднеязычных (также после $\langle л, р \rangle$), т. е. после лабиовелярных согласных. Более того, факультативно возможно изменение $\langle a \geq o \rangle$ в положении после таких согласных, ср. произношение типа *капель* [коп'ёл'], *копна* [копнá], но [само] *ва́р, сорока* [саро́ка] с переходом $\langle o \geq a \rangle$ после других согласных. Временное сохранение старого признака в границах слога является достаточным средством различения $\langle o \rangle$ и $\langle a \rangle$. Использование соседних фонем для различения совпадающих фонем хорошо известно. Такой этап утраты противопоставления $\langle o-a \rangle$ в XVI—XVII вв. прошли брянские и соседние с ними говоры, в которых началось даже распространение [o] или [a] в зависимости от согласного и под ударением: *пошнѹ по́шетъ, напрѡве, Степоновича, поимоли* и др. С середины XIX в. диалектологи описывают среднерусские и севернорусские системы, развивающие «новое аканье», т. е. нейтрализацию признака огубленности в безударных слогах; это связано с одновременным формированием противопоставления согласных по твердости — мягкости в тех же системах. В оппозиции фонем по двум признакам и не может быть полного и одновременного совпадения, система изменяется каждый раз только на «один шаг».

Если утрата лабиализованности в оппозиции $\langle o-a \rangle$ связана с изменением парадигматической системы (обязана совпадению $\langle \text{ё} \rangle$ с $\langle e \rangle$, $\langle \text{ѡ} \rangle$ с $\langle o \rangle$), то утрату противопоставления по подъему, собственно, и следует называть а к а н ь е м. Эта вторая по времени нейтрализация в противопоставлении $\langle o-a \rangle$ не вызвала парадигматических изменений; с фонологической точки зрения это

самое простое и несущественное изменение: синтагматическая нейтрализация фонемного противопоставления в слабой позиции. Следовательно, фонологически совпадение ⟨о⟩ с ⟨а⟩ (или, точнее, ⟨а̣⟩ с ⟨а̤⟩) в [а] указывает на то, что в слабой позиции выявляется позиционный вариант фонемы ⟨а̤⟩, но не ⟨о̤⟩. Ср.: [сам] — [сом] = [сам̃] — [сам̃] — в предударном слоге в обоих случаях [а], хотя возникающие при этом морфонологические чередования [о/а] (*сом* — *сом̃* и [сам] — [сам̃]) сохраняют единство морфемы (не фонемы).

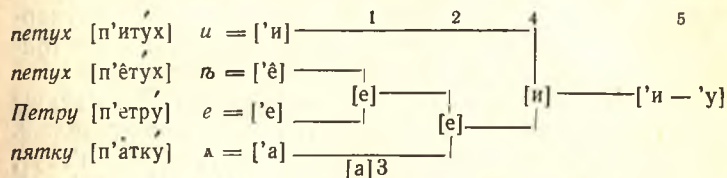
Именно на этом этапе и возникают самые разнообразные возможности варьирования в зависимости от синтагматического окружения, которыми так богаты современные русские говоры. Исходную ситуацию такого изменения В. Н. Сидоров реконструировал на материале московских рукописей XVI—XVII вв. Тот же этап отражен в нижегородских, шуйских, костромских грамотах XVII в., в более ранних северо-восточных рукописях (СЕ1340, ПЕ1354, МПХIV). В этих источниках нет достоверных примеров чередования [о/а] в предударном слоге, здесь ⟨а—а̣⟩ противопоставлены друг другу, но в остальных безударных слогах и особенно в заударных слогах изменение ⟨о̤>а̤⟩ встречается довольно часто; ср. написания типа *абыскать*, *аржаной*, *калаци*, *начевалъ*, *Радионъ*, *тапора*, *шапакъ*; *желтаю*, *неведамо* и т. д. в морфологически изолированных (непроверяемых сильной позицией) положениях. Можно согласиться с В. Н. Сидоровым, что в таких написаниях отражена р е д у к ц и я безударного гласного, подобно тому как это еще и сейчас происходит во всех русских говорах, развивающих аканье из оканья. Фонологически это значит, что ритмический контур словоформы способствовал нейтрализации ⟨а̣—а̤⟩ в самых слабых слогах, совмещая на одном гласном качественную редукцию (нейтрализацию по признаку подъема) с количественной, т. е. с редукцией в общепринятом смысле: *водовоз* [водово́с] > [ва́давóс] > [вѣ́давóс]. Затем начались ассимилятивные и диссимилятивные процессы в предударном слоге, в результате чего возникли многие типы русского безударного вокализма.

По-видимому, в заударном слоге редукция происходила раньше, чем во втором предударном; судить об этом можно на основе написаний типа *въ мѣднѣм замкѣ*,

пахыныя земли, соборыванъ, старыста, сынъ Лазыревъ для какова вымослу, старами лѣтами и др. с ы на месте <о, а> или, наоборот, а, о на месте ы в тульских и московских грамотах XVII в. Древность аканья в том или ином говоре можно установить по типу уподобления предударного гласного гласному под ударением: сначала диссимилиация, затем ассимиляция, позже всего развиваются типы умеренного яканья (влияние не следующего гласного, а твердости — мягкости последующего согласного) — этот тип возникает уже после окончательного оформления корреляции согласных по твердости — мягкости.

Новгородские рукописи также отражают чередование о/а в позиции безударного слога, но только до XIII в. Никакого аканья (в указанном выше смысле этого термина) такие написания не передают. Отсутствие четкого противопоставления <о—а> по лабиализации способствовало взаимному сближению этих фонем в определенных условиях, особенно после лабиовелярных согласных; поэтому не особенно грамотные писцы допускали смешение букв: *ака, домо своего, котораму, ланитома, моло* в Муз. XII.

§ 101. Изменение безударных гласных после мягких согласных происходило медленнее из-за большого числа необходимых нейтрализаций и длительности процесса образования корреляции согласных по твердости — мягкости. Схематически последовательность изменения можно представить следующим образом:

1. Нейтрализация <ѣ—е>е> шла параллельно с изменением <е>о> перед твердыми согласными, но только после парадигматического совпадения <ѣ>е> начинается следующая нейтрализация по новому признаку: <е—а> в <е> или в <'а>. К началу XVI в. первый этап завершился в московских и окрестных говорах.

2. Это изменение представляет собой дальнейшее развитие безударного вокализма после мягких согласных. Система делает следующий «шаг» в сторону совпадения

нелабиализованных гласных в одном типе: [п'итѹх], но [п'етѹх] (противопоставление слов со значениями 'пьяница' — 'петух'), [п'етрѹ], [п'еткѹ]. Возникает так называемое е к а н ь е.

3. Это направление является своеобразным тупиком развития системы: безударные гласные совпадают с <а> (я к а н ь е); ср.: [п'итѹх] — [п'атѹх], [п'атрѹ], [п'аткѹ]. Для большинства южнорусских говоров яканье стало обычным. Выбор ёканья или яканья также определялся структурными особенностями системы. В говорах с изменением <е> > <о> перед твердыми согласными после первого этапа появились расхождения типа [п'етѹх], [п'еткѹ], но [п'отрѹ], т. е. образовалось чередование безударных гласных по ряду. Выбор нейтрализации [е] или не-[е] зависит от противопоставления по ряду (<е—о>), выбор нейтрализации [а] — не-[а] зависит от степени подъема. И в южнорусских говорах, развивающихся в сторону аканья, распространяется либо [е], либо [а] — в зависимости от того, какой гласный стоит в подударном слоге, образуются различия диссимилятивного, ассимилятивного, ассимилятивно-диссимилятивного яканья; например, в архаическом типе перед напряженными [ê, ô, у, и, ы] ненапряженный [а] село [с'алô] — [с'ал'ê] — [с'алѹ], перед ненапряженными [а, е, о] — напряженный гласный (с переходом предударного [е] в [и], поскольку [е] не являлся напряженным: [с'илôм] — [с'илáл]). Говоры, развивавшие яканье, к моменту изменения еще сохраняли фонему <ê>, поэтому в них первоначально оказывалось возможным совпадение безударных [а, е] в [а], т. е. происходило максимальное отстранение безударных от напряженных передних [ê, и].

Некоторые современные среднерусские говоры также развивают яканье, если перед тем у них завершилось изменение <е> > <о> в безударных слогах; ср.: *несу* [н'осѹ], *Петру* [п'отрѹ], *тяну* [т'анѹ], *пятку* [п'аткѹ] > [н'асѹ], [п'атрѹ], [т'анѹ], [п'аткѹ]. Именно такой тип яканья из ёканья отражен в XVII в. в Авв. XVII; ср. написания типа *шпынят* < шпынь от ('шпынь тот, т. е. тот шут') из *шпынь тѣ* > *шпынет* > [шпын'от] на стыке слов, следовательно, чисто синтагматические. Яканье хорошо отражается в смоленских, калужских, курских грамотах XVI—XVII вв. В тульских, можайских и соседних с московскими елецких, шуйских, волоколамских, собственно московских говорах некоторое время (весь

XVI в.) направление нейтрализации остается неясным: в одних позициях <а> (обычно в заударных слогах), в других <е> (как правило, в предударных слогах). Можно думать, что в предударном слоге происходила синтагматическая нейтрализация оппозиции <а—е>е), а в остальных безударных слогах параллельно с изменением безударного вокализма после твердых согласных гласные редуцировались и в количественном отношении, т. е. сокращались; ср.: *десети, кленется, паметци, плесание, по пети, стрепня*, (но *коженье, лошедь, обычеехъ, посьевъ — посьявъ, рухледь*) и *государское жалованья, какое платья* (но *полтявого*), *платья всякое, укладяю* в Дом. XVI. Ёканье в предударном слоге окончательно утвердилось в старомосковском говоре в XVII в., к самому концу XVII в. относятся первые примеры иканья, но они еще не выразительны; ср. в некоторых грамотах написания типа *видили, периулка, стрилецкихъ* — некоторые могут быть результатом изменения <ѣ> (<ѣ>).

Дальнейшее изменение безударного вокализма затруднено в системах с яканьем, поскольку безударный вокализм после мягких согласных строится здесь на контрастных противопоставлениях самого верхнего и самого нижнего гласного ([п'итұх] — [п'атұх]). Этим объясняется устойчивость яканья, но это же свидетельствует о неспособности системы к дальнейшим сокращениям в слабых позициях.

4. Совпадение <и—е>и) активно проявляется с XVIII в., это изменение завершает общую линию динамических нейтрализаций в безударных слогах, хотя, строго говоря, совпадение <и> с <е> нейтрализацией назвать нельзя. Нейтрализация всегда осуществляется в пользу немаркированного члена противопоставления, а в этой оппозиции маркирован верхний гласный (по напряженности). Кроме того, и фонетически «полное» иканье, т. е. последовательное замещение гласным [и] всех прочих безударных гласных после мягкого согласного происходило относительно поздно. На протяжении XVIII в., отчасти и в XIX в. [и—е] сосуществуют в определенном позиционном распределении, в разных стилях речи, неодинаково в литературном произношении Москвы и Петербурга и т. д. Еще в 30-е годы нашего столетия литературной нормой было еканье. Окончательный выбор [и] в литературной речи обусловлен тем, что после мягкого согласного возможен был и другой верхний же

гласный [y] (*любовь* [л'убоф']), а после окончательного утверждения корреляции согласных по твердости — мягкости наиболее выразительным гласным, подчеркивающим палатализованность согласного в безударном слоге, был, конечно, [и], а не [е].

5. Специально в литературном языке (с XIX в. в старопетербургском произношении) происходило дальнейшее упрощение системы безударного вокализма после мягких согласных. Фонематическая важность маркированного по признаку мягкости согласного в безударном слоге настолько существенна, что все прочие противопоставления в слоге, например противопоставление <и—у>, оказываются нерелевантными в оппозиции форм типа *гляди* [гл'ид'й], *людей* [л'уд'ей], *седой* [с'идой], *сюда* [с'удá]. Единственный признак противопоставления <и—у> — лабиализованность — нейтрализовался после мягких согласных по принципу контраста лабиализованности (гласного) и палатализованности (согласного) признаков, не соединимых в ослабленном по многим качествам безударном слоге. Так возникло развивающееся в наше время произношение типа [гл'ид'й] — [л'ид'ей], [судá] — [с'идой]: после твердого согласного (зубной [с]) проявляется лабиализованность, после мягкого (переднеязычного [л']) она устраняется. Устойчивее всего указанное изменение наблюдается в морфологически изолированной позиции, и притом в заударном слоге, т. е. как раз там, где все изменения безударных гласных раньше всего и начинаются; ср. произношение слов *полюс* [пóл'ьс], *челюсть* [ч'él'ьс'т'], поскольку фонетически заударный слог — самый слабый, а в морфологическом отношении он не соотносится с сильной позицией этого гласного (никогда не становится подударным в этих именно словах). Указанный процесс стал возможным после окончательного оформления корреляции согласных по твердости — мягкости и после серии последовательно снятых противопоставлений безударных гласных по подъему. Позже безударные слоги после мягких согласных окажутся связанными с [и], который, не противопоставляясь другим гласным в этой позиции, станет простым носителем слоговости. После твердого согласного [а] ([ы]) четко противопоставлено [у], оппозиция по лабиализованности еще очень устойчива в таких безударных слогах, поскольку сочетание маркированного по этому признаку гласного [у] с твердым согласным не

приводит к противоречию контрастных различительных признаков на синтагматическом уровне.

Таким образом, последовательное развитие безударного вокализма приводит к четкому противопоставлению мягкого слога твердому с дифференциацией последнего на лабиализованный (*ту*) и нелабиализованный (*ты*). В безударном положении система возвращается к древнерусскому противопоставлению на уровне слога, постепенно приводя к изменениям и парадигматическую систему гласных фонем (в сильной позиции — на синтагматическом уровне). Современные фонетисты отмечают, что в русском литературном языке после возможной в быстрой речи редукции безударного гласного до нуля сразу же начинается ассимиляция согласных по твердости — мягкости, даже в первом предударном слоге; ср.: *обязательно* [аб'изât'ел'нъ] $\geq$ [обзât'ел'нъ], *видимо* [в'йд'имъ] $\geq$ [в'йдмъ] и т. д. Корреляция по твердости — мягкости, став ведущей структурной особенностью языка, определяет теперь направление изменения в тексте и морфологические типы выравнивания. Происходит это пока в морфологически изолированной и в ритмически ослабленной позиции и притом в немногих словах, но динамическая тенденция проявляется весьма определено.

Заключение

Все изменения, рассмотренные в этой книге, так или иначе связаны друг с другом, соотносятся с фонетическими эквивалентами фонем и с морфологической функцией этих фонем в языке; отражены в письменных источниках и сохранились в современных говорах; имеют внутреннюю логику развертывания системы, промежуточные стадии которой сохранились в отдельных словах или грамматических формах. Вычленив какой-нибудь фрагмент этой динамической системы и рассматривать его изолированно было бы опасным упрощением.

В целом можно заметить, что инвентарь фонетических средств за многие столетия почти не изменился; например, «редуцированные» как особый тип звуков, или «аканье» как форма нейтрализации, или «мягкость» согласных как способ разграничения «одинаковых» звуков — все это было в праславянском, в древнерусском, в среднерусском языках и есть в современном русском языке. То же относится и к просодическим средствам фонетики, включая сюда интонацию, долготу, ударение и паузу.

Главным содержанием исторической фонетики русского языка стало не обогащение фонетическими средствами (основная задача праславянской фонетики), а системная организация наличных фонетических средств в связи с развитием и стабилизацией грамматической и лексической систем языка. Происходили перераспределение относительной ценности тех или иных «звуковых особенностей», фонологизация прежде несущественных или мало существенных признаков различия, «устранение» нейтрализации менее важных фонемных противопоставлений, новые принципы варьирования и постепен-

ное усложнение функциональных и стилистических возможностей фонетики.

Основной процесс заключался: в неуклонном формировании противопоставления парадигматической системы с ее совокупностью различительных признаков синтагматической системе, в которой первоначально были сосредоточены все ведущие признаки гласных и согласных; в постепенном сгущении собственно «звуковых» признаков на гласном и согласном и их отстранении от признаков слога; в постепенном расхождении между гласными и согласными и устранении промежуточных между ними глайдов (системы сонантов); в максимальном развитии системы консонантизма за счет количественной и качественной редукции системы вокализма.

Последовательность всех изменений доступна обозрению главным образом благодаря общей причинно-следственной связи между ними и той зависимости от изменений на содержательном уровне, которая регистрируется в грамматических и лексических архаизмах. Пределом варьирования «оттенков» фонемы являются синтагматические правила сочетаемости фонем в тексте; синтагматические правила определяются определенной системой дифференциальных признаков и т. д. Законченность каждой частной системы есть условие существования смежных и зависимых от данной системы элементов. Противоречия между ними, и чаще всего между парадигматической и синтагматической системами фонем, становятся причиной очередного изменения. Материальным воплощением утраты фонем является противоречие между равнозначными фонетическими средствами речи, выступающими в различной языковой функции (старый *л* и новый *л*, старый редуцированный и новый редуцированный, старые мягкие согласные и новые мягкие согласные). Свои условия и предпосылки имеют и другие типы фонематических изменений, всегда основанные на переработке наличного фонетического материала.

Пространственные и временные вариации общерусской системы изучают историческая диалектология, диалектология, история литературного языка. По мере возможности мы обращали внимание на те импульсы со стороны функциональной и стилистической систем языка, которые оказали свое влияние на развитие русской фонологической системы. Многообразное и разнонаправленное переплетение всех этих причин (многие из

них еще не очень ясны) способствовало постоянным преобразованиям системы в целях максимального соответствия содержательным уровням языка и сохранения статуса формального разграничителя. Чтобы сохраниться, система должна изменяться. Чтобы измениться, она должна на каждом этапе развития иметь не только причины, условия и предпосылки изменения, но и цель развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная лексика. М., 1974.
- Васильев Л. Л. Труды по истории русского и украинского языков. Мюнхен, 1972 [перепечатка работ 1902—1929 гг.].
- Глушкина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке. — В кн.: Псковские говоры. Псков, 1968, т. 2.
- Горишкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968.
- Иванов В. В. Историческая фонология русского языка. М., 1968.
- Калнынь Л. Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, 1956, т. 13.
- Колесов В. В. История русского ударения. Л., 1972.
- Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
- Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.
- Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.
- Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966.
- Сидоров В. Н. Из русской исторической фонетики. М., 1969.
- Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.
- Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка, Спб., 1915.

ИСТОЧНИКИ И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ¹

A1220 — Апостол, 1220 г. — ГИМ (Гос. Исторический музей), Син., 7.

A1307 — Апостол, 1307 г. — ГИМ, Син., 722.

A1309 — Апостол, 1309 г. — ГИМ, Син., 15.

AXIV — Апостол, XIV в. — ГПБ (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), Погод., 14.

Авв. XVII — Житие протопопы Аввакума по автографу (70-е годы XVII в.). — БАН (Библиотека АН СССР в Ленинграде), собр. Дружинина, 746.

AE1092 — Архангельское евангелие, 1092 г. — ГБЛ (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина), ф. 178, № 1666.

АН1Л — Академический список I Новгородской летописи, XV в. — БАН, 17.8.36.

БГХII — Беседы папы Григория Великого, XII в. — ГПБ, Погод., 70.

Безобр. — Публикации бытовых и деловых грамот из фонда Безобразовых и др. по кн.: *Котков С. И. и др.* Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. М., 1965; *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII в. М., 1964.

Бер.гр. — новгородские берестяные грамоты (время написания грамоты указано по изданиям А. В. Арциховского).

БЗХVI — Богдановский Златоуст, XVI в. — ГПБ, Q.1.972.

ВЕХVI — Вологодское евангелие, XVI в. — ЦГИА (Центр. гос. исторический архив), ф. 834, оп. 1, № 58.

Выг. XII — Выголексинский сборник, XII в. — ГБЛ, ф. 178, № 1832.

Галицкие и другие юго-западные грамоты — по кн.: *Розов В.* Южнорусские грамоты. Киев, 1917, т. 1.

ГБХI — 13 слов Григория Богослова, XI в. — ГПБ, Q. п. 1.16.

ГЕ1144 — Галицкое евангелие, 1144 г. — ГИМ, Син., 404.

ГЕ1266 — Галицкое евангелие, 1266 (или 1301) г. — ГПБ, F. п. 1.64.

ГЕ1357 — Галицкое евангелие, 1357 г. — ГИМ, Син., 68.

Двинские грамоты — по кн.: *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. Спб., 1903.

ДЕ1164 — Добрилово евангелие, 1164 г. — ГБЛ, ф. 256, № 103.

¹ Основные издания памятников см. в кн.: *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. 2-е изд. М., 1969.

ДК1270 — Духовная грамота новгородца Климента, 1270 г. — ГИМ, собр. Уварова, № 41/265.

Дом.XVI — Домострой по списку XVI в. — ГПБ, Q. п. XVII, 149.

E107 — Евангелие, XIV в. — ГБЛ, № 178, № 107.

E1283 — Евсевиево евангелие, 1283 г. — ГБЛ, ф. 178, № 3168.

E1355 — Евангелие, 1355 г. — ГИМ, Син., 70.

E1362 — Евангелие, 1362 г. — ГПБ, Соф., 3.

E1393 — Евангелие, 1393 г. — ГПБ, Ф. п. I. 18.

EXII — Евангелие, XII в. — ЦГАДА (Центр. гос. архив древних актов), Типогр., 6.

EXIV — Евангелие, XIV в. — ГПБ, Ф. п. I. 17.

Ев.XIV — Евангелие, XIV в. — ГПБ, Ф. п. I. 15.

Ев.С. — Евангелие, XIV в. — ГПБ, Ф. п. I. 16.

ЕКХII — Ефремовская кормчая, XII в. — ГИМ, Син., 227.

ЕПХI — Евгениевская псалтирь, XI в. — ГПБ, Погод., 9 (БАН, 4.5.7).

ЕП.XIII — Житие Епифания Кипрского, XII—XIII вв. — ГПБ, Соф., 1326.

ЕС1377 — Поучения Ефрема Сирина, 1377 г. — БАН, 31.7.2.

ЖКХI — Житие Кодрата, XI в. — ГПБ, Погод., 64.

ЖН1219 — Житие Нифонта, 1219 г. — ГБЛ, ф. 304, оп. 1, № 35.

ЖСХIII — Житие Саввы Освященного, XIII в. — ГПБ, ОЛДП, № 106.

ЗХII — Златоструй, XII в. — ГПБ, Ф. п. I. 46.

Зак. судн. — Закон судный людямъ по Кормчей XV в. — ГПБ, Соф., 1173.

Записи Константина Багрянородного — записи славянских слов в трудах византийского императора Константина, сер. X в. — по кн.: *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.

ЗЕХI — Зографское евангелие, X—XI вв. — ГПБ, Глаг., 1.

И73 — Изборник Святослава, 1073 г. — ГИМ, Син., 31-д.

И76 — Изборник Святослава, 1076 н. — ГПБ, Эрмитажн., 20.

Ип.1425 — Ипатьевский список летописи, ок. 1425 г. — БАН, 16.4.4.

Кабальные книги — по кн.: *Новгородские* записные кабальные книги 100—104 и 111 годов. М.—Л., 1938 (1591—1596, 1602—1603 гг.).

КН1Л — Комиссионный список I Новгородской летописи, XV в. — Ленинградское отделение Института истории АН СССР, Археографическая комиссия, 240.

Лавр.1377 — Лаврентьевский список летописи, 1377 г. — ГПБ, Ф. п. IV.2.

ЛЕХIV — Лаврашевское евангелие, XIV в. — Краков, Библиотека Чарторийских, 2097.

ЛЕ1409 — Лукино евангелие, 1409 г. — ГИМ, Син., 71.

Леств.1334 — Лествица Ионна Лествичника, 1334 г. — ГБЛ., Тр.-Серг., № 10.

Лод.акты — Акты Лодомской церкви Архангельской епархии — по кн.: *Русская историческая библиотека*. Спб., 1908, т. 25.

Луцк.XIV — Луцкое евангелие, XIV в. — ГБЛ, ф. 256, № 112.

М95 — Миня, 1095 г. — ЦГАДА, Типогр., 84.

М96 — Миня, 1096 г. — ЦГАДА, Типогр., 89.

М97 — Миня, 1097 г. — ЦГАДА, Типогр., 91.

- МХI — Миня, конец XI — начало XII в. — ЦГАДА, Типогр., 99.
- МХII — Миня, XII в. — ГПБ, Соф., 206.
- МХIV — Миня, XIV в. — ЦГАДА, Типогр., 120.
- МДХI — Миня Дубровского, XI в. — ГПБ, Ф. п. 1.36.
- МЕ1117 — Мстиславово евангелие, 1115—1117 гг. — ГИМ, Син., 1203.
- МЕ1215 — Милятино евангелие, ок. 1215 г. — ГПБ, Ф. п. 1.7.
- МЕ1358 — Московское евангелие, 1358 г. — ГИМ, Син., 69.
- Мин.ХI — Миня, конец XI — начало XII в. — ЦГАДА, Типогр., 103, 110.
- Мин.ХII — Миня, XII в. — ЦГАДА, Типогр., 98.
- Моск.гр. — московские грамоты — по кн.: Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.
- МПХIV — Мерило праведное, XIV в. — ГБЛ, ф. 304, I, № 15.
- Мстисл.гр.ок.1130 — грамота Мстислава Володимировича и его сына Всеволода, ок. 1130 г. — по кн.: Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1952, т. 1.
- Мудр.ХVII — Повесть о семи мудрецах, XVII в. — БАН, 45, 9.13.
- Муз.ХII — Евангелие, XII в. — ГБЛ, ф. 256, № 104.
- НIVЛ — Новороссийский список IV Новгородской летописи, XV в. — БАН, тек. пост., 1107.
- Надпись 1068 г. — Тмутороканская надпись на камне, 1068 г. — Гос. Эрмитаж.
- Надпись 1161 г. — надпись на кресте Ефросинии Полоцкой, 1161 г. — по кн.: Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1952, т. 1.
- Надпись 1151 г. — надпись на чаре князя Володимера Давыдовича, 1130 — 1151 гг. — Гос. Эрмитаж.
- НЕ1270 — Евангелие (новгородское), 1270 г. — ГБЛ, ф. 256, № 105.
- НК1282 — Новгородская кормчая, 1282 г. — ГИМ, Син., 132.
- НЛХI — Новгородские листки — евангелие, XI в. — ГПБ, Ф. п. 1.58.
- Новг.гр. — новгородские грамоты — по кн.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.—Л., 1949.
- НСХIV — Новгородский синодик, XIV в. — ЦГАДА, Типогр., 141.
- ОЕ1056 — Остромирово евангелие, 1056—1057 гг. — ГПБ, Ф. п. 1.5.
- Окт.ХIV — Октоих, XIV в. — ГПБ., Соф., 124.
- П1369 — Параклит, 1369 г. — ГИМ, Син., 837.
- ПАХI — Пандекты Антиоха, XI в. — ГИМ, Воскр., 30.
- ПА1307 — Пандекты Антиоха, 1307 г. — Львовский гос. музей, № 275.
- Пал. 1406 — Палея, 1406 г. — ГБЛ, ф. 304, I, № 38.
- Пал.1494 — псковская Палея толковая, 1494 г. — ГБЛ, ф. 256, № 453.
- Пант.ХII — Пантелеймоново евангелие, XII в. — ГПБ, Соф., 1.
- Пант.1317 — Пантелеймоново евангелие, 1317 г. — БАН, 34.5.22.
- Пар.1271 — Паремейник, 1271 г. — ГПБ, Q. п. 1, 13.

- ПВЛ* — Повесть временных лет, по Лаврентьевскому списку (1377 г.) — ГПБ, Ф. IV.2.
- ПЕХII* — Полоцкое евангелие, XII в. — ГПБ, Погод., 11.
- ПЕХIII* — Полоцкое евангелие, XIII в. — ГПБ, Погод., 12.
- ПЕ1307* — Поликарпово евангелие, 1307 г. — ГИМ, Син., 740.
- ПЕ1354* — Переяславское евангелие, 1354 г. — ГИМ, Син., 67.
- П1Л* — Псковская I летопись, XVI в. — ГПБ, Погод., 1413.
- П1Л* — Псковская II летопись — по кн.: *Псковские летописи*. II. М., 1955.
- ПМХI* — Путятин минея, XI в. — ГПБ, Соф., 202.
- ПН1296* — Пандекты Никона Черногорца, 1296 г. — ГИМ, Син., 836.
- ПНХIV* — Пандекты Никона Черногорца, XIV в. — ГПБ, Погод., 267.
- ПП1406* — Киево-Печерский патерик, 1406 г. — ГПБ, Q. п. I.31.
- Пр.1262* — Пролог (новгородский), 1262 г. — ГИМ, Хлудовск., 187.
- Пр.1356* — Пролог, 1356 г. — ЦГАДА, Типогр., 163.
- Пр.1383* — Пролог, 1383 г. — ЦГАДА, Типогр., 172.
- Пс.1296* — Псалтирь, 1296 г. — ГИМ, Син., 235.
- ПСХIV* — Паисиевский сборник, XIV в. — ГПБ, Кир.-Белозерск., № 297/1081.
- ПСХVI* — Псковский сборник, XV—XVI вв. — ГИМ, Син., 154.
- Пут.ХIII* — Путенское евангелие, XIII в. — хранится в Румынии.
- Пч.1623* — Пчела, 1623 г. — ГИМ, Син., 854.
- «Речь тонкословия греческого», XIII в. — по кн.: *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи Средневековья. М.—Л., 1963.
- РК1284* — Рязанская кормчая, 1284 г. — ГПБ., Ф. п. I.11.
- С1156* — Стихирарь, 1156 — 1163 гг. — ГПБ., Соф., 384.
- СХII* — Стихирарь, XII в. — БАН, 34.7.6.
- СЕХII* — Евангелие (Саввина книга), XI—XII вв., русская часть XII и XIV вв. — ЦГАДА, Типогр., 14.
- СЕ1430* — Сийское евангелие, ок. 1340 г. — БАН, Археограф; 189.
- Сл.ПИ* — Слово о полку Игореве.
- СН1Л* — Синодальный список Новгородской I летописи, XIII — XIV вв. — ГИМ, Син., 786.
- СПХI* — Синайский патерик, XI в. — ГИМ, Син., 551.
- СРХI* — Минея четья (Супрасльская рукопись) — по кн.: *Памятники старославянского языка*. Спб., 1904, т. 2, вып. 1.
- ТЕХII* — Евангелие, XII в. — ЦГАДА, Типогр., 1.
- ТЕХIII* — Евангелие, XIII в. — ЦГАДА, Типогр., 8.
- ТН1Л* — Троицкий список Новгородской I летописи, XVI в. — ГБЛ, МДА, № 69.
- ТСХII* — Толстовский сборник, XII в. — ГПБ, Ф. п. I.39.
- У1047* — копии XV в. с книг, переписанных в 1047 г. Упирем Лихим в Новгороде, — по кн.: *Туницкий Н. Л.* Книги 12 малых пророков. I. Сергиев Посад, 1918.
- УКХIII* — Устюжская кормчая, XIII в. — ГБЛ, ф. 256, № 230.
- УСХII* — Успенский сборник, XII—XIII вв. — ГИМ, Усп., 4-п.
- Х1192* — Вкладная грамота Варлаама Хутынского монастырю, 1192 г. — Новгородский краеведческий музей,

ХАХII — Христинопольский Апостол, XII в. — по кн.: *Kal-
užniacki A. Actus epistolaeque apostolorum palaeslovenice. Ad fidem
codicis Christinopoliterarum Academiae. Vindobonae, 1896.*

Хождение Афанасия Никитина — по Троицкому списку конца
XV в. — ГБЛ. М., 8665.

Хождение Даниила — Хождение игумена Даниила в святую
землю ок. 1106 г. — по кн.: *Православный палестинский сборник,
Спб., 1885, вып. 3, 9.*

ЧХIV — Чудовский Новый Завет, ок. 1355 г. — по кн.: *Новый
Завет... М., 1892.*

ЧПХI — Чудовская псалтирь, XI в. — ГИМ, Чуд., 7.

ЧСХII — Чудовский сборник, XII в. — ГИМ, Чуд., 12.

ЧСХVI — Чудовский сборник, XVI в. — ГИМ, Чуд., 264.

ЮЕ1120 — Юрьевское евангелие, ок. 1120 г. — ГИМ, Син.,
1003.

ЯПХII — Ярославский список Пандект Никона Черногорца,
XII в. — Ярославский музей, № 15583,

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Условные сокращения	4
Введение	5
Глава 1. Исходная система фонем восточнославянского диалекта в составе праславянского языка	13
Основные принципы строения слога	13
Состав и система гласных фонем	18
Распределение гласных фонем	30
Состав и система согласных фонем	40
Распределение согласных фонем	44
Просодические признаки исходной системы	63
Глава 2. Завершение динамических тенденций праславян- ского языка в древнерусском (середина X — конец XI в.)	69
Завершение тенденции к открытому слогу. Русское полно- гласие	69
Упрощение системы вокализма. Утрата ринезма	75
Завершение тенденции к слоговому сингармонизму. Вто- ричное смягчение полумягких согласных	83
Развитие межслогового сингармонизма	98
Глава 3. Утрата редуцированных гласных в древнерусском языке	107
Причины и предпосылки изменения	107
Утрата слабых редуцированных	109
Прояснение сильных редуцированных	115
Изменение редуцированных в сочетании с полугласными	123
Фонологические следствия утраты редуцированных	130
Глава 4. Преобразование консонантной системы	140
Корреляция согласных по твердости — мягкости	140
Корреляция согласных по звонкости — глухости	153
Глава 5. Преобразование системы вокализма	174
Изменение гласных ⟨е⟩ и ⟨о⟩	174
Изменение гласных ⟨е⟩ и ⟨о⟩	182
Изменение безударных гласных	196
Заключение	206
Библиография	209
Источники и их обозначения	210

Владимир Викторович Колесов
ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА
РУССКОГО ЯЗЫКА

Редактор Н. А. Страхова, Мл. редактор Т. А. Карасева. Художник
В. В. Картович. Художественный редактор Н. Е. Ильенко. Технический
редактор З. А. Муслимова. Корректор Л. И. Маркова

ИБ № 2294

Изд. № РЛ—20 Сдано в набор 18.01.80. Подп. в печать 14.08.80.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высо-
кая. Объем 11,34 усл. печ. л. 11,30 уч.-изд. л. Тираж 20 000 экз. Зак. № 1100.
Цена 35 коп.

Издательство «Высшая школа»

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор»
имени А. М. Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном коми-
тете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
197136, Ленинград, П-136, Чкаловский просп., 15.

